
СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Периодическое научное издание

Основано в 2009 г.

Том 11, № 1, 2019

Главный редактор – **Т.А. Магсумов**

Зам. главного редактора – **Н.П. Копцева, И.В. Корнилова, Ф.Х. Тарасова**

Шеф-редактор – **Максимов Я.А.**

Выпускающие редакторы – **Доценко Д.В., Максимова Н.А.**

Корректор – **Зливко С.Д.**

Компьютерная верстка, дизайн – **Орлов Р.В.**

Технический редактор, администратор сайта – **Бяков Ю.В.**

RUSSIAN JOURNAL OF HUMANITIES

Printed Scientific Periodical Edition

Founded in 2009

Volume 11, Number 1, 2019

Editor-in-Chief – **T.A. Magsumov**

Deputy Editors – **N.P. Koptseva, I.V. Kornilova, F.H. Tarasova**

Chief Editor – **Ya.A. Maksimov**

Managing Editors – **D.V. Dotsenko, N.A. Maksimova**

Language Editor – **S.D. Zlivko**

Design and Layout – **R.V. Orlov**

Support Contact – **Yu.V. Byakov**

Красноярск, 2019

Научно-Инновационный Центр

Красноярск, 2019

Science and Innovation Center Publishing House

12+

Современные исследования социальных проблем, Том 11, № 1, 2019, 226 с.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (свидетельство ПИ № ФС 77-39176 от 17.03.2010) и Международным центром ISSN (ISSN 2077-1770).

Журнал выходит четыре раза в год

На основании заключения Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России журнал включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал представлен в полнотекстовом формате в Научной электронной библиотеке в целях создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). ИФ РИНЦ 2016 = 0,601.

Адрес редакции, издателя и для корреспонденции:

660127, г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192

E-mail: sisp@nkras.ru

www.soc-journal.ru

Подписной индекс в каталогах «Пресса России» – 94088, «СИБ-Пресса» – 94088

Учредитель и издатель:

Издательство ООО «Научно-инновационный центр»

Science and Innovation Center Publishing House

Russian Journal of Humanities, Volume 11, Number 1, 2019, 226 p.

The edition is registered (certificate of registry PE № FS 77-39176) by the Federal Service of Intercommunication and Mass Media Control and by the International center ISSN (ISSN 2077-1770).

The journal is published 4 times per year

All manuscripts submitted are subject to double-blind review.

The journal is included in the Reviewing journal and Data base of the RISATI RAS. Information about the journal issues is presented in the RISATI RAS catalogue and accessible online on the Electronic Scientific Library site in full format, in order to create Russian Science Citation Index (RSCI). The journal has got a RSCI impact-factor (IF RSCI). IF RSCI 2016 = 0,601.

Address for correspondence:

9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk, 660127, Russian Federation

E-mail: sisp@nkras.ru

www.soc-journal.ru

Subscription index in the General catalog «The Russian Press» – 94088,

«SIB-Press» – 94088

Published by Science and Innovation Center Publishing House

Свободная цена

© Научно-инновационный центр, 2019

Члены редакционной коллегии

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Абрамов Валерий Петрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного, заслуженный деятель науки РФ, Кубанский государственный университет (Краснодар, Российская Федерация)

Абросимов Виктор Николаевич – кандидат педагогических наук, ректор и профессор ПОО-ЧУ «Высшая школа социальных отношений» (Минусинск, Российская Федерация)

Алефиренко Николай Федорович – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник профессионального образования РФ, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Алферов Александр Владимирович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Балашова Любовь Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Беляева Лариса Николаевна – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры образовательных технологий в филологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Богданович Галина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, декан факультета славянской филологии и журналистики, зав. кафедрой межкультурных коммуникаций и журналистики, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (Таврическая академия) (Симферополь, Российская Федерация)

Бочкова Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки и профессиональная коммуникация», ФГБОУ ВО «Саратов-

ский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.» (Саратов, Российская Федерация)

Валеев Наиль Мансурович – доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (АН РТ), Академик-секретарь Отделения гуманитарных наук ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» (Казань, Российская Федерация)

Воркачев Сергей Григорьевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Кубанский государственный технологический университет (Краснодар, Российская Федерация)

Галиева Фарида Габдулхаевна – доктор филологических наук, кандидат исторических наук, заведующий отделом этнографии ФГБУН «Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева» Уфимского научного центра РАН, доцент Филиала МГПУ им. М.А. Шолохова в г. Уфе (Уфа, Российская Федерация)

Гапоненков Алексей Алексеевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Гасанов Магомед Магомедович – доктор исторических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующий кафедрой истории России с древнейших времен до конца XIX в., Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дагестанский государственный университет» (Махачкала, Российская Федерация)

Готовцева Анастасия Геннадьевна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры литературной критики факультета журналистики Института масс-медиа, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация)

Григорьева Татьяна Михайловна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Гриценко Галина Дмитриевна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение

науки Южный научный центр Российской академии наук (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Доценко Дмитрий Васильевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А.Бонч-Бруевича (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Зубова Яна Валерьевна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по учебной работе, Филиал ФГБОУ ВО «Ухтинский государственный технический университет» в г. Усинске (Усинск, Российская Федерация)

Зуляр Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета, заведующий кафедрой политологии, истории и регионоведения ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» (Иркутск, Российская Федерация)

Иванова Елизавета Васильевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Иванюшина Ирина Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Катермина Вероника Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Колмогорова Анастасия Владимировна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой романских языков и прикладной лингвистики, профессор кафедры, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Корниенко Алла Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французской филологии и межкультурной коммуникации ИРГЯИИГТ Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Куприева Ирина Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Литвин Александр Алтерович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Института международных отношений, истории и востоковедения, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (Казань, Российская Федерация)

Марусенко Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Матвеева Галина Григорьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры «Мировые языки и культуры», Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет» (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Мацневский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры» (Краснодар, Российская Федерация)

Минченко Татьяна Петровна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социальных наук, Томский государственный педагогический университет (Томск, Российская Федерация)

Мостицкая Наталья Дмитриевна – кандидат культурологии, доцент, заведующая аспирантурой, Государственный институт искусствознания (Москва, Российская Федерация)

Наумов Владимир Викторович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Патюкова Регина Валерьевна – доктор филологических наук, профессор, и.о. зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Покришук Дмитрий Владимирович – кандидат политических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация)

Поповкин Андрей Владимирович – кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Поповкина Галина Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Прозоров Валерий Владимирович – доктор филологических наук, профессор, научный руководитель Института филологии и журналистики, заведующий кафедрой общего литературоведения и журналистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории ФГБУН Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск, Российская Федерация)

Рядчикова Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Саенко Наталья Ряфиковна – доктор философских наук, кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры «Центр гуманитарного образования», федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский политехнический университет» (Москва, Российская Федерация)

Серов Николай Викторович – доктор культурологии, профессор, Оптическое общество имени Д.С. Рождественского (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Склярова Наталья Геннадиевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики английского языка, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (Ростов-на Дону, Российская Федерация)

Страусов Виктор Никитович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвокоммуникативистики и прикладных иностранных языков, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Судовиков Михаил Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и этнологии, Федеральное государствен-

ное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вятский государственный университет», директор Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировский областной краеведческий музей», руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировская орден Почета государственная универсальная областная научная библиотека имени А.И. Герцена» (Киров, Российская Федерация)

Султангалиева Гульмира Салимжановна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Темирболат Алуа Берикбайкызы – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой казахской литературы и теории литературы, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Тетюев Леонид Иванович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры этики и эстетики философского факультета, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Филимонова Ольга Федоровна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Философия», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А. (Саратов, Российская Федерация)

Фриауф Василий Александрович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Хошимова Хуршеда Абдумановна – кандидат филологических наук, научный секретарь, Институт языка и литературы им. Рудаки Академии наук Республики Таджикистан (Душанбе, Республика Таджикистан)

Шалекенов Мурат Уахитович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры археологии, этнологии и музеелогии, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Широкалова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, социологии и политологии ФГБОУ ВО «Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия» (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Editorial Board Members

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Valery P. Abramov – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian as a Foreign Language, Honored Scientist of the Russian Federation, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Viktor N. Abrosimov – Candidate of Pedagogy (Ph.D. in Pedagogy), Rector and Professor of the PEO-PI “Higher school of social relationships” (Minusinsk, Russian Federation)

Nikolay F. Alefirenko – Doctor of Philology, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Professional Education of the Russian Federation, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Alexander V. Alferov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Lyubov V. Balashova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Theory, History of Language and Applied Linguistics, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Larisa N. Belyaeva – Doctor of Philology, Professor, Honored Scientist of Russia, Professor of the Department of Educational Technology in Philology, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina Yu. Bogdanovich – Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Slavic Philology and Journalism, Head of the Inter-Language Communications and Journalism Department, Vernadsky Crimean Federal University (Tavrisheskaya Academy) (Simferopol, Russian Federation)

Olga S. Bochkova – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department “Foreign Languages and Professional Communication”, Saratov State Technical University named after Gagarin Y.A. (Saratov, Russian Federation)

Nail M. Valeev – Doctor of Philology, Professor, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Academician-Secretary of the Department

of Humanitarian Sciences, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation)

Sergey G. Vorkachev – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Foreign Languages, Kuban State Technological University (Krasnodar, Russian Federation)

Farida G. Galiyeva – Doctor of Philology, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Ethnography, Institute of Ethnological Research named after R.G. Kuzeev, Ufa Science Center, RAS (Ufa, Russian Federation)

Aleksey A. Gaponenkov, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Magomed M. Gasanov – Doctor of History, Professor, Pro-Rector for Academic Affairs, Head of the Department of Russian History from ancient times until the end of the 19th century, Dagestan State University (Makhachkala, Russian Federation)

Anastasia G. Gotovtseva – Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Literary Criticism, Journalism Faculty, Institute of Mass Media, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation)

Tatyana M. Grigorieva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language, Literature and Speech Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Galina D. Gritsenko – Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Dmitry V. Dotsenko – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Assistant Professor of the Department of Foreign and Russian Languages, The Bonch-Bruевич Saint-Petersburg state university of communication (St. Petersburg, Russian Federation)

Yana V. Zubova – Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director for Academic Affairs, Branch of the State Educational Establishment of the Ukhta State Technical University in Usinsk (Usinsk, Russian Federation)

Yury A. Zulyar – Doctor of History, Associate Professor, Dean of the Faculty of History, Head of the Department of Political Science, History and Regional Studies, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)

Elizaveta V. Ivanova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology and Translation, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Irina Yu. Ivanyushina, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Veronika V. Katermina – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Anastasia V. Kolmogorova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Romance Languages and Applied Linguistics, Professor of the Department, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Alla A. Kornienko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Alexander A. Litvin – Doctor of History, Professor, Head of the Department of National History of the Higher School of Historical Sciences and World Cultural Heritage of the Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation)

Irina A. Kupriyeva – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of English Philology and Intercultural Communication, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Mikhail A. Marusenko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Romance Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina G. Matveeva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair “World Languages and Cultures”, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

German O. Matsievsky – Doctor of History, Associate Professor, Krasnodar State Institute of Culture (Krasnodar, Russian Federation)

Tatyana P. Minchenko – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation)

Natalia D. Mostitskaya – Candidate of Culturology (Ph.D. in Culturology), Associate Professor, Head of the graduate school, State Institute for Art Studies (Moscow, Russian Federation)

Vladimir V. Naumov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Linguistics and Intercultural Communication, St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation)

Regina V. Patyukova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Advertising and Public Relations, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Dmitry V. Pokrishchuk – Candidate of Political Sciences (Ph.D. in Political Sciences), Lecturer of the Department of Humanitarian and Social and Economic Disciplines, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation)

Andrey V. Popovkin – Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Head of the Department of Philosophy, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Galina S. Popovkina – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Researcher, Department of Ethnography, Ethnology and Anthropology Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Valery V. Prozorov – Doctor of Philology, Professor, Scientific Director of the Institute of Philology and Journalism, Head of the Department of General Literature and Journalism, Saratov State University (Saratov, Russian Federation)

Maksim V. Pulkin – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Fellow of the History Sector, Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

Natalia R. Sayenko – Doctor of Philosophy, Candidate of Philology, Professor, Professor of the Center for Humanitarian Education, Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation)

Elena N. Ryadchikova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of General and Slavic-Russian Linguistics, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Nikolay V. Serov – Doctor of Culturology, Professor, D. Rozhdestvensky Optical Society (St. Petersburg, Russian Federation)

Natalia G. Sklyarova – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and Practice of English, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Victor N. Strausov – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Chair of Linguistic Communication and Applied Foreign Languages, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Mikhail S. Sudovikov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of National History and Ethnology, Vyatka State University, Director of the Kirov Regional State Budgetary Cultural Institution “Kirov Regional Museum of Local Lore”, Head of the Research Center for Regional Studies of the Kirov Regional State Budget cultural institutions “Kirov Order of Honor State Universal Scientific Library named after A.I. Herzen” (Kirov, Russian Federation)

Gulmira S. Sultangalieva – Doctor of History, Professor of the Department of History, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Alua B. Temirbolat – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Kazakh Literature and Theory of Literature, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Leonid I. Tetyuyev – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Ethics and Aesthetics of the Faculty of Philosophy, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Olga F. Filimonova – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Philosophy Department, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A. (Saratov, Russian Federation)

Vasily A. Friauf – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theology and Religious Studies, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Khurshida A. Khoshimova – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Scientific Secretary, Institute of Language and Literature named after Rudaki of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

Murat U. Shalekenov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of Archeology, Ethnology and Museology, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Galina S. Shirokalova – Doctor of Sociology, Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Professor, Head of the Department of Philosophy, Sociology and Political Science, Nizhny Novgorod State Agricultural Academy (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

LANGUAGE STUDIES

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-1-14-25

UDC 81

USE OF SPECIFIC TYPES OF CONCEPTUAL ANALYSIS TO STUDY 'OLD' CULTURAL CONCEPTS

Dotcenko D.V.

The article focuses on studying concepts by means of the gestalt analysis that contributes to distinguishing implicit features of the concept. Research works in the field of ancient (so-called 'dead') languages are unlikely to be carried out in terms of a complete conceptual analysis, as, for instance, it is impossible to perform an associative experiment. Thus, the gestalt analysis is of paramount importance in defining the structure of such concepts.

Purpose. *To apply the gestalt analysis to studying Old English cultural concepts as it might provide profound understanding of the way the Anglo-Saxons perceived complex phenomena.*

Methodology and research methods. *To carry out the research, the gestalt analysis was used as the main method for the purposes of the study. In addition, the textual analysis as well as the contrastive one were used.*

The results of the study. *Upon carrying out the research, the author identified a number of implicit features that form the inner structure of the concept under study.*

Practical implications. *The results of the work can be used in History of English, Cognitive Linguistics, Linguistic and Cultural Studies, as well as other academic courses that include teaching the interrelation between language and culture.*

Keywords: *Old English; cognitive linguistics; fides consciousness; cultural concept; conceptual analysis; gestalt analysis; implicit feature.*

The contemporary stage of development of scientific humanitarian trend has recently seen a wide range of studies that deal with issues of knowledge, cognition as well as the way the results of the human cognitive activities are formed and stored. For a linguist, it is the language at all stages of human history that is the key to understanding people's way of thinking as it forms concepts and arranges them into a cohesive worldview that is built differently in each particular culture [18, p. 6].

Language contributes to conceptual comprehension of cultural categories thanks to its all-purposeness [9, p. 148]. At the present stage of the development of cognitive linguistic and cultural linguistics, the issue of the interrelation between the static and the dynamic in the nature of conceptual formations is yet unclear. E.S. Kubryakova defines the conceptual system as a dynamic entity that 'is constantly in a state of development and operational mobility. It is being constantly transformed as being affected by information coming from outside, the one obtained through various channels, as well as the information that has been absorbed and processed by a thinking person' [10, p. 69]. E.Ya. Rezhabek takes notice of the fact that 'in the behavior of a person being part of a particular society, tradition outweighs innovation,' thus pointing out that 'the collective experience can only be a past one in relation to its use by an individual' [16, p. 25].

The structure of a medieval person's consciousness is believed to be at the transition from the primitive type of thinking with its mythological component and modern logical, conceptual thinking. 'The entire history of the myth is the history of the fides consciousness 'reduction' being affected by rational and logical thinking' [14, p. 57]. Mythological consciousness is a specific type of perception of the world, which includes a sensual, figurative understanding of both natural phenomena and facts of social life. It is through the imagination that a human being creates a different reality, substituting that for the objective one. 'The dialectics of the myth lies precisely in the fact that, in their imagination, a person 'dissolves' themselves in nature, merges with it and takes over the forces of nature; which means (albeit in fantasy) the beginning of the history of the 'spirit' and the end of the purely animal beingness' [12, p. 15].

The assimilation of a new religious cultural tradition, i.e. Christianity, led to a change in the pagan worldview paradigm, being a traditional one in the Nordic region. The nature of this interaction should be sought in the corpus found in manuscripts that represents ‘old’ concepts. Much of the old sacred and worldview-related vocabulary became part of the new terminology system, having undergone a certain rethinking [6, p. 5].

According to Yu.S. Stepanov, the inner form of the word fails to be recognized; however, it is embodied in the outer (i.e. verbal) form of the word [17, p. 47]. In fact, the inner form is represented by a set of motivating features that determine formation and further development of the concept.

According to A Comparative Dictionary of Mythological Symbolism in Indo-European Languages by M.M. Makovsky, the words that mean ‘believe / faith’ correlate with words that have various meanings. The core idea of the dictionary is based on the theory of multiple etymology proposed by V.N. Toporov, according to which the particular results of etymological development are different degrees of approximation to the ‘matrix of etymological relativity’ [12, p. 6]. The transitions of word meanings, regardless of which member of the language group they represent, fully reflect the customs, beliefs and ways of thinking of the time period under study. Thus, the form of the Old High German verb *gilouban* ‘believe’ is related to the Latvian noun *luops* ‘cattle’ and the Albanian *lope* ‘cow’. The horned god is present in many Indo-European mythological systems, in particular, the Celtic one, where the god Cernunnos can be found [13, p. 617]. On the other hand, the root of the same verb is phonetically linked to the common Indo-European root **lub-* ‘bend; knit; bind,’ thus referring to, e.g., binding an animal before making a sacrifice.

In addition, the ‘faith’ meaning correlates with ‘tree’, ‘the world tree’ as well as ‘burn / fire’ (for example, a Gothic verb *galaubjan* ‘believe’ and a Latvian verb *lipt* ‘burn’), which can also be attributed to the idea of burning sacrifice while appealing to the deity. There is another connection ‘faith’ – ‘height / sky’ via the second meaning of the root **lub-* ‘top / height’ (Gothic *galaubjan* and Russian лоб ‘forehead’). It seems

possible to assume that the basis of the comprehension and nomination of faith by ancient consciousness is a physical action, i.e. making a sacrifice to the object of worship.

At the present stage of the development of the English language, the main representatives of the concept BELIEF / FAITH / TRUST are lexemes *belief*, *faith* and *trust*. These nouns have a different semantic content, thus expressing the concept itself in a different way [19, p. 18].

The modern lexeme *belief* is defined as a cognate to the Old English prefix *zeleafa* of the common German root **laub-* ‘dear’. This verbal representative of the concept comes from the ancient layer of the German vocabulary. This root can be found, e.g., in the Old Saxon *lubig* ‘loving’, the Old High German *gilob* ‘precious’ and the Old Norse *lof* ‘praise’. From the etymological point of view, the modern English lexeme *belief* turns out to be related to the lexeme *love*. Thus, the traditional type of etymological dictionaries of the English language notes the subjective emotional-affective feature as the only one being the basis of the nomination of the concept BELIEF.

Taking into account the conclusions made by M.M. Makovsky in his work, as well as the lexicographic sources data, it can be stated that in the era of the All-German community and the early period of the alliance of West Germanic tribes settling down in Britain, faith / belief / trust was perceived as a complex emotionally colored ethical phenomenon. In it, both subjective and objective features were intermingled. Faith / belief / trust was comprehended through specific ritual actions associated with it as well as being its physical manifestations. Further development of the characteristics that determine the nomination of the concept (3E) LEAFA is affected by the clash between the original pagan worldview and Christian religious paradigm.

The conceptual analysis is the method aimed at researching, determining and explaining the ideas and concepts that native speakers have. This is the method that formalizes what intuition knows, what exists in the collective unconscious and is expressed by language in action, i.e. by speech [5, pp. 164–165]. The purpose of the conceptual analysis is to reveal all the knowledge (i.e. ideas, images, gestalts) being character-

istic of a particular culture. The gestalt analysis is literal reading of the semantic combinability of lexemes, which allows singling out implicit features of the conceptual content of mental constructs.

The central role of substantive lexemes in the name of the concept (3E)LEAFA is confirmed by the recorded frequency of their use and combinability as well as by the presence of a large number of derived lexemes that form the main part of the lexical-semantic field 'faith' in the Old English period. The lexeme *zeleafa* had the following meanings:

1) *3if we willaþ on Drihten zelyfan . . . we sceolon þone zeleafan mid zodum dæliздum zefyllan*; if we want to believe in the Lord, ... we must fill that faith with good every day (23: 10). In this context, the religious faith appears to be a vessel that needs to be filled. Thus, an element of the content of the concept is the implicit material feature, i.e. 'container'. The materiality as an implicit feature of the concept is enhanced by the use of *zeleafa* with the verb *habban* 'have': *Ne hi on zewitnesse hæfdon on hiora fyrhðe fæstne zeleafan*; they did not have evidence in the firm faith of their spirit (Ps. Th. 77: 36), as well as the use of the adjective *fæst* 'strong, permanent' with the name of the concept.

1a) belief in God, Christian faith: *Se rihta zeleafa us tæcþ, ðæt we sceolon zelyfan on ðone Halzan Zast*; true faith teaches us that we must believe in the Holy Spirit (Homl. Th. i 280: 22). In this context, the implicit feature of the animacy of the concept (i.e. 'the one who acts') is actualized. According to the metonymic transfer, the concept is endowed with the features of an independently acting entity, which instructs people. Endowing the concept with solar characteristics can be considered a specific manifestation of the above-mentioned feature: *Dæzes or onwoc leohtes zeleafan*; the dawn of light faith rose (Apostls. Kmbl. 131). The connection between light and beauty was noted by many researchers of the medieval culture. Thus, J. Le Goff wrote, 'In the medieval mind, everything beautiful is full of light' [11, p. 124]. The presence of the word *leoht* in this context, which actualizes the feature 'light', makes it possible to speak of the attraction of the Old English concepts BELIEF, LIGHT and BEAUTY.

In addition, along with the 'container' feature, the implicit conceptual feature 'content' is actualized in contexts that describe the person's

inner world: *Eom ic leōhte zeleafan fæ3re zefyllid*; I am filled with the faith being full of light (Jul. 653).

2) mental acceptance of a statement or fact: *Ic hæbbe me fæstne zeleafan up to ðam ælmihte3an 3ode*; I have firm faith in the almighty God up above (Gen. 543: 205). The lexeme *zeleafa* is used with the attribute *fæst*, which actualizes the material feature of the concept (3E)LEAFA. The combination of the lexeme *zeleafa* and the verb *habban* can be found in quite a few contexts, for example: *Pa men þa þe 3odes rices zeleafan habbað*; those who believe in the Kingdom of Heaven (Bl. H. 55, 17). In another context, the combination of the noun *zeleafa* and the verb *niman* is found: *Heo zeleafan nom þæt he þa bysene from 3ode brunzen hæfde*; she took the faith (i.e., ‘believed’) that he had brought commandments from God (Gen. 650). Belief / faith / trust, being the result of complex psycho-emotional activities, is comprehended by the ancient consciousness through physical actions. Thus, having analyzed the ancient names, it can be concluded that ‘the names of the feelings of the Old English and Old Norse epics were much less adapted to designate the actual mental states compared to their modern translation equivalents’ [7, p. 138].

3) what is believed, the proposition or set of propositions held true; the doctrines of a religious system: *Nu we wyllaþ sec3an eōw ðone zeleafan ðe on ðam credan stent*; now we will tell you about the faith that is in that creed (Homl. Th. i. 274, 23: 292). A literal translation would contain information about faith, which ‘stands (stent) in this creed.’ Along with other contexts, this one illustrates the tendency to represent faith, which, being a ‘phenomenon of spiritual life’ (according to Y.S. Stepanov), is metaphorically comprehended by ancient consciousness through mundane, everyday actions. In this meaning, the lexeme is combined with emotive-evaluative attributes, such as *sōþ* ‘true’: *Ne zelyfe ic nō hit zeweorþan mihte . . . and ic no ne wearþ of þam soþan zeleafan*; I do not believe that this could happen ... and I did not connect with that true faith (Bt. 5: 3; F. 12: 6).

The lexeme *zeleaffulness* ‘faithfulness, belief, trust’ with spelling variants -ness, -nys, -nyss was recorded as a gloss for the Latin lexemes *fidelitas* and *credulitas*: *We scedan andettan ða soðan zeleaffulness*

on urne Drihten; we must confess true faith in Our Lord (Blickl. Homl. 111: 6). The low frequency of the use of the lexeme itself, the presence of derived affixes in its composition, as well as the use of this lexeme as a gloss in the Latin original sources of an exclusively Christian religious nature implies the secondary character of the 3ELEAFFULNES concept in relation to the concept 3ELEAFA.

Of particular interest is the example in the Bosworth-Toller dictionary of the use of the compound noun *ze-leafnes-word*, recorded in *Beowulf: No her cuðlicor cuman onzunnan lind-hæbbende // ne ze-leafnes-word* *зид-фреммендра зearwe ne wisson // маза зemedu*; Never before has a force under arms disembarked so openly – not bothering to ask if the sentries allowed them safe passage or the clan had consented (Beo Th. 496; 8, p.18). This compound lexeme translated in the dictionary as ‘password’ is one of just a few non-religious examples recorded in lexicographical sources of the words within the lexical-semantic field ‘faith’ of the Old English language, derived from the noun *zeleafa*. The structure of the concept 3E-LEAFNES-WORD contains the idea of trust between subjects based on a preliminary agreement, thus actualizing the implicit feature ‘agreement’ of the central concept 3ELEAFA.

The lexeme *geleafneasness* (-ness, -nys, -nyss) ‘incredulity, want of belief’ is one of lexemes with the negative meaning. The derivative nature of the name of the concept 3ELEAFLEASNESS shows its secondary role in relation to the nuclear one. The analysis of the literary sources also indicates the use of this lexeme exclusively in the religious (Christian) texts. On the other hand, a number of contexts actualize the ‘ability to be understood’ as an implicit feature of the concept 3ELEAFLEASNESS and of the central concept 3ELEAFA, respectively: *On þam dæge wæs hælizra Judeiscra manna zeleafneasnys zewiten fram*; on that day, the weak Jewish people learnt incredulity from a person (Wlfst. 294: 2).

The noun *zeleafleas(-leaflyst)* with the meaning ‘want of faith, unbelief, infidelity, unfaithfulness’ found as a gloss for the Latin words *infidelitas* and *incredulitas*, belongs to the group of negative lexemes: *Nu sind adwæscede ealle zeleaflystu*; now all disbeliefs have been put

out (i.e. eradicated) (Deut. 1:40). This context actualizes the implicit feature ‘fire’ in the structure of the concept 3ELEAFLEAST. Studies of the Old English concept FIRE itself show that, on the basis of the segment of the concept ‘Doomsday fire’ a new cognitive layer was formed during the Christian period, i.e. ‘fire for punishment for sins in hell,’ thus adding a negative connotation to the Old English concept FIRE [15, p. 3].

The facts of juxtaposing belief / faith vs disbelief / unfaith as complexes of specific psychological modes can also be found in other contexts: *Lariowas ut 3ewitun of An3la lande for 3aere 3eleafleste þe him 3a onsæ3e 3ewearþ*; teachers left the land of the Angles because of their (i.e. the Angles’) unexpected unbelief (lit., ‘the unbelief that attacked’) (Cht. Crw. 19: 7). The analysis of Old English contexts of the concept names shows that belief / faith is based on logical, conscious acceptance of the ‘rules of the game’, i.e. a particular behavioral model, while disbelief / unfaith appears to be an active force, but at the same time a spontaneous, accidental, uncontrollable one. Disbelief does not imply atheism at that time. The latter, being a phenomenon of the Modern Age, is antithetical to the medieval fides consciousness (according to M.V. Nikitin). The lack of faith in the literary sources implies worshipping the devil or pagan gods, which was considered by the authors of that time as similar phenomena in the conditions of the new religious paradigm. That deeply negative attitude to such ‘lack of faith’ expressed in the sources is confirmed by numerous cases of using the word combination *deofles 3eleaf-least*: *Nele ure heofonlica Fæder us syllan 3æs deofles 3eleafleaste, 3if we hine biddað 3æt he us sylle soðne 3eleafan*; Heavenly Father will not plunge us into that diabolical disbelief if we pray to him to instill true faith in us (Hml. Th. i. 252: 29).

Thus, it is possible to determine and describe the structure of the concept 3ELEAFA by identifying certain implicit features that form its structure. The results of the analysis show that the conceptual structure of the concept include the following implicit features:

- container
- content

- the one who acts (e.g. teaches, stands)
- sun / light
- something material
- agreement
- ability to be understood
- fire

This concept, due to its high degree of productivity and combinability, is considered to be a central one in relation to other mental constructs that form the Old English concept sphere BELIEF / FAITH / TRUST along with LEAFA and TREOW.

References

1. Alefirenko N.F. *Sovremennye problemy nauki o jazyke* [Modern Issues of the Language Science]. M.: Flinta, Nauka, 2005. 412 p.
2. An Anglo-Saxon Dictionary based on the manuscript collections of the late Joseph Bosworth. Oxford: University Press, 1954. 1845 p.
3. Arutjunova N.D. K probleme funkcional'nyh tipov leksicheskogo znachenija [To the Issue of the Functional Types of Lexical Meaning]. *Aspekty semanticheskikh issledovanij* [Aspects of semantic research]. M.: Nauka, 1980, pp. 156–249.
4. Bosworth-Toller Anglo-Saxon Dictionary. <http://bosworth.ff.cuni.cz/>
5. Cherneyko L.O. *Lingvo-filosofskij analiz abstraktnogo imeni* [Linguistic and Philosophical Analysis of the Abstract Name]. M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2010. 272 p.
6. Ganina T.A. *Gotskaja jazycheskaja leksika* [Gothic Pagan Vocabulary]. M.: Izd-vo MGU, 2001. 176 p.
7. Gvozdeckaja N.Ju. K probleme vydelenija «imen chuvstv» v jazyke drevnegermanskogo jeposa (na materiale «Beovul'fa» i «Starshej Jeddy») [To the Issue of Identifying 'Names of Feelings' in the Language of the Old German Epic (based on Beowulf and the Poetic Edda)]. *Logicheskij analiz jazyka. Kul'turnye koncepty* [Logical analysis of language. Cultural concepts]. M.: Nauka, 1991, pp. 138–142.
8. Heaney S. *Beowulf. A New Verse Translation*. NY; London: W.W. Norton & Company. 220 p.

9. Kruglikova T.M. K probleme sovremennoj paradigmy izuchenija jazyka i rechi [To the Issue of the Modern Paradigm of Learning Language and Speech]. *Jazyk i vremja: Materialy mezhvuz. konf.* [Language and time]. Krasnojarsk: RIO GOU VPO KGPU im. V.P. Astafyeva, 2004, pp. 147–151.
10. Kubryakova E.S. Rol' slovoobrazovaniya v formirovanii jazykovoj kartiny mira [The Role of Word Formation in the formation of the linguistic picture of the world]. *Rol' chelovecheskogo faktora v jazyke. Jazyk i kartina mira* [The role of the human factor in the language. Language and picture of the world]. M.: Vyssh. shk., 1988, pp. 69–112.
11. Le Goff J., Truong N. *Istorija tela v srednie veka* [History of the Body in the Middle Ages]. M.: Tekst, 2008. 192 p.
12. Makovsky M.M. *Sravnitel'nyj slovar' mifologicheskoy simboliki v indoevropskikh jazykah. Obraz mira i miry obrazov* [A Comparative Dictionary of Mythological Symbolism in Indo-European Languages. The Image of the World and the Worlds of Images]. M.: Gumanitar. issled. centr «Vlados», 1996. 416 p.
13. *Mify narodov mira. Jenciklopedija: v 2 t.* [Myths of the Peoples of the World. Encyclopedia: in 2 volumes]. M.: Sov. jencikl. T. 2. 1992. 719 p.
14. Nikitin M.V. *Kurs lingvisticheskoj semantiki* [Course of Linguistic Semantics]. SPb.: Nauch. centr problem dialoga, 1996. 757 p.
15. Protasova A.K. *Verbalizacija koncepta «ogon'» v drevnegermanskih jazykah* [Verbalization of the Concept 'Fire' in the Old Germanic Languages]: avtoref. ... kand. filol. nauk. Tomsk: Izd-vo Tomskogo gos. ped. un-ta, 2004. 26 p.
16. Rezhabek E.Ya. *Mifomyshlenie (kognitivnyj analiz)* [Myth Thinking (Cognitive Analysis)]. M.: Editorial URSS, 2003. 304 p.
17. Stepanov Yu.S. *Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury* [Constants: A Dictionary of the Russian Culture]. M.: Akadem. Proekt, 2001. 990 p.
18. Vendina T.I. *Srednevekovyj chelovek v zerkale staroslavjanskogo jazyka* [Medieval Person in the Mirror of the Old Slavonic language]. M.: Indrik, 2001. 336 p.
19. Yanova O.V. *Koncept BELIETH / TRUTH / FAITH: struktura i reprezentacija v sovremennom anglijskom jazyke* [The Concept BELIETH /

TRUTH / FAITH Structure and Representation in Modern English].
SPb.: Izd-vo RGPU, 2005. 21 p.

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке: учеб. пособие. М.: Флинта, Наука, 2005. 412 с.
2. An Anglo-Saxon Dictionary based on the manuscript collections of the late Joseph Bosworth. Oxford: University Press, 1954. 1845 p.
3. Арутюнова Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения. Аспекты семантических исследований. М.: Наука, 1980. С. 156–249.
4. Bosworth-Toller Anglo-Saxon Dictionary. URL: <http://bosworth.ff.cuni.cz/>
5. Чернейко Л.О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. Изд. 2-е, переработ. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 272 с.
6. Ганина Т.А. Готская языческая лексика. М.: Изд-во МГУ, 2001. 176 с.
7. Гвоздецкая Н.Ю. К проблеме выделения «имен чувств» в языке древнегерманского эпоса (на материале «Беовульфа» и «Старшей Эдды») / Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 138–142.
8. Heaney S. Beowulf. A New Verse Translation. NY; London: W.W. Norton & Company. 220 p.
9. Кругликова Т.М. К проблеме современной парадигмы изучения языка и речи // Язык и время: Материалы межвуз. конф. Красноярск: РИО ГОУ ВПО КГПУ им. В.П. Астафьева, 2004. С. 147–151.
10. Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Высш. шк., 1988. С. 69–112.
11. Ле Гофф Ж., Трюон Н. История тела в средние века. М.: Текст, 2008. 192 с.
12. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. М.: Гуманитар. исслед. центр «Владос», 1996. 416 с.

13. Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. / Гл. ред. С.А. Токарев. М.: Сов. Энциклопедия, 1992. Т. 2. 719 с.
14. Никитин М.В. 1996. Курс лингвистической семантики. СПб.: Науч. центр проблем диалога, 1996. 757 с.
15. Протасова А.К. Вербализация концепта «огонь» в древнегерманских языках: автореф. ... канд. филол. наук. Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2004. 26 с.
16. Режабек Е.Я. Мифомышление (когнитивный анализ). М.: Едиториал УРСС, 2003. 304 с.
17. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: 2 изд., испр. и доп. М.: Академ. Проект, 2001. 990 с.
18. Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М.: Индрик, 2001. 336 с.
19. Янова О.В. Концепт BELIETH / TRUTH / FAITH: структура и репрезентация в современном английском языке: автореф. ... канд. фил. наук. СПб.: Изд-во РГПУ, 2005. 21 с.

DATA ABOUT THE AUTHOR

Dotcenko Dmitry Vasilevich, Ph.D. in Philology, Associate Professor
Bonch-Bruevich Saint-Petersburg State University of Telecommunications
22, bld. 1, Bolshhevikov Ave., St. Petersburg, 193232, Russian Federation
dmitchina@gmail.com

ДАнные об авторе

Доценко Дмитрий Васильевич, кандидат филологических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича
пр. Большевиков, 22, к.1, г. Санкт-Петербург, 193232, Российская Федерация
dmitchina@gmail.com

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-1-26-39

UDC 81'33

LOCALIZATION OF WEBSITE VERBAL CONTENT INTO ENGLISH AS A MARKETING STRATEGY

Volkova I.D.

Purpose. *Today, website localization is of utmost importance due to the global trend prevailing in modern Internet communication. Depending on the nature of products and services being promoted via web platforms, localization patterns vary in their scale and verbal means. In any case, localized versions provide customers with access to authentic sources of information about world brands. The present paper deals with the concept of localization within the scope of linguistics and verbal content management. We have made an attempt to prove the need of differentiating English-language content for each of the English-speaking countries included into the websites' structure of localized options and to reveal the verbal means and techniques of text localization.*

Methodology and research materials. *We have used the texts of four global multilingual websites, each of them promoting a certain type of brand. The methods applied include the contextual analysis, comparative analysis and pragmatic analysis.*

Results. *The main results of the present research consist in describing the mechanisms of localized content creation within one website and within the space of one language, i.e. English. We have made conclusion on the relevance of website and text in particular localization into English and on the need of differentiating between two levels on which localization can be performed – intratextual and intertextual.*

Practical implications. *The obtained results may be applied in large-scale projects of websites localization.*

Keywords: *localization; textual localization; website; translation; promotion of brand; adaptation.*

ЛОКАЛИЗАЦИЯ ВЕРБАЛЬНОГО КОНТЕНТА САЙТА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК КАК СТРАТЕГИЯ МАРКЕТИНГА

Волкова И.Д.

Цель. На сегодняшний день необходимость локализации онлайн-ресурсов обусловлена глобализирующей тенденцией развития интернет-коммуникации. Стратегии локализации варьируются в зависимости от характера реализуемых посредством интернет-платформ продуктов и услуг, однако в любом случае локализованные версии предоставляют потенциальным клиентам доступ к достоверным источникам информации о мировых брендах. Целью настоящего исследования является изучение феномена локализации с лингвистической точки зрения применительно к вербальному контенту международных сайтов. В статье предпринимается попытка обоснования необходимости дифференциации англоязычного контента для каждой из англоязычных стран, включенных в структуру локализованных версий сайтов, и выявить вербальные средства, за счет которых осуществляется данный процесс.

Методология проведения работы. Основу исследования образуют методы контекстуального, сравнительного и прагматического анализа.

Результаты. В результате проведенного исследования были описаны механизмы создания локализованного контента в рамках одного сайта и в пространстве одного языка – английского. В статье делается вывод о значимости локализации сайта и текста, в частности, на английский язык и о необходимости дифференциации между двумя уровнями, на которых может осуществляться локализация – уровень текста и интертекстуальный уровень.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в сфере осуществления масштабных проектов локализации различных видов международных сайтов.

Ключевые слова: локализация; локализация текста; сайт; перевод; продвижение бренда; адаптация.

Introduction

In 1980s the American company Microsoft faced the task of creating software for different countries and translating content from English into other national languages. In this period, the term 'localization' was introduced to refer to the process of products adaptation for different regions. To date, the objects of localization are often represented with websites as the platforms for promoting goods, services, places and other types of brands. Over the recent years, there has been a great demand for the services of companies that specialize in localization of Internet resources in the framework of integrated marketing projects. According to one of the largest foreign translation agencies Moravia, the customers of localization services include global corporations working in the fields of information technology, retail, tourism, legal and medical services, clinical research and other industries [8]. The present research aims at studying the concept of localization from the viewpoint of linguistics and revealing the peculiar features of localized English texts.

Methodology

In their study of website localization, E.E. Sukhareva and O.V. Shurlina point out that this process consists of 4 stages: translation of verbal content; translation of software; sociocultural adaptation of structure and design; website optimization [10: p. 168]. In our research we consider localization as a process of websites' verbal content translation – the task faced by thousands of governmental and profit organizations all over the world under the pressure of overall globalization trends. Translation can rightly be considered as a key component of website localization, which results in making texts appropriate for the target audience. As for the language pairs typical of localization process, we should note the standard direction from the English language (the language of programming) to other languages. The opposite direction of text translation into English is traditionally referred to as internationalization [5: p. 2], since today English is a commonly recognized lingua franca of crosscultural communication. In the study of localization and globalization of tourism discourse [19], we have come to conclusion that localization may imply the

process of translation within any language pairs, while translation into English is the process of verbal content *globalization*, since there is no need of differentiating the texts of tourism for different English-speaking countries. The given prerequisites raise the questions on whether a localized text can be English and what are its peculiar features.

Modern realities of the world economy determine the importance of global corporations' presence in a certain number of target markets, the localized versions being created for each of them. These versions play the role of the only authentic Internet source of information about specific products and services. Website localization is obligatory since the prices, the range of goods and services, as well as the purchase conditions vary depending on the country of sale. The translation agency Epic Translations, specializing in localization services, emphasizes the importance of website localization taking into account the official status of English in more than 50 countries and the need for content differentiation for at least 4 countries (Great Britain, Australia, USA, New Zealand), where English is a *de facto* official language [20].

Results and discussion

We have carried out the analysis of English-language content of the website of insurance company American International Group (AIG), having branches in 80 countries and ranked in TOP-100 brands of America [17]. As can be seen from Fig. 1, the localized versions are marked with the names of territorial units – Americas, Europe, Asia Pacific, Middle East, Africa. Each of these options is further divided into the list of countries, where the company's services are available.

We should note that the versions for many countries (Antigua & Barbuda, Barbados, Jamaica, St Kitts and Nevis, Aruba, Bermuda, Cayman Islands, Grenada, St Lucia, Bahamas, Dominica, Haiti, Trinidad and Tobago, Virgin Islands, Malta, Leichtenstein, Uganda) are actually not localized and contain only contact information and the hyperlink to Global site, in particular to section Corporate news page. Besides, the English-language pages are created not only for inner-circle countries, but for expanding-circle countries (Russian, Finland, Sweden, Czech

Republic, Ukraine, etc.) as well. For example, the potential clients from Russia are offered two language options – Russian and English [4]. This peculiarity highlights the importance of geographical factor of website localization, i.e. the fact of different linguacultures representatives living in one country is taken into account in the process of content localization.

AIG Worldwide

Americas	Europe	Asia Pacific	Middle East	Africa
Americas				
Antigua & Barbuda	Aruba	Bahamas		
Barbados	Bermuda	Brazil		
Canada	Cayman Islands	Dominica		
Ecuador	Grenada	Haiti		
Jamaica	Mexico	Puerto Rico		
St Kitts & Nevis	St Lucia	Trinidad and Tobago		
United States	Venezuela	Virgin Islands		

Fig. 1. The fragment of localized versions' scheme on AIG website. Source: [21]

The analysis of English-language localized webpages for the target audience from two inner-circle countries (Australia and Canada) and two expanding-circle countries (Russia and Sweden) let reveal the verbal means and techniques of text localization.

Table 1.

**Text fragments of AIG website localized versions for four countries –
Australia, Canada, Russia, Sweden**

Country	Verbal means of localization
Australia	<ul style="list-style-type: none"> • <i><u>AIG Australia</u> is a general insurance company and is <u>regulated by the Australian Prudential Regulation Authority (APRA)</u></i> • <i><u>Operating in Australia since 1957, we combine international experience with <u>local expertise</u>.</u></i> • <i><u>The first Australian office opened in Collins Street, Melbourne in 1957. Within just two years, a second office was established in <u>Sydney</u>.</u></i> • <i><u>We have offices, technical expertise and underwriting authority in <u>Melbourne, Sydney, Perth and Brisbane</u>.</u></i> • <i><u>Travel Insurance Products (Domestic Travellers; Frequent Travelers; International Travellers; Travellers Aged Over 70) [1].</u></i>

The end of a table

Canada	<ul style="list-style-type: none"> • <i><u>AIG Canada is one of the country's leading property and casualty insurance companies</u></i> • <i><u>With a staff complement of approximately 425 members, AIG Canada is dedicated to providing innovative insurance products</u></i> • <i><u>We handled 25,000 claims and paid out \$670 million in 2016</u></i> • <i><u>In 2016 AIG celebrates 50 years in Canada</u></i> • <i><u>With its headquarters in Toronto, AIG Canada has branches in Vancouver and Montreal</u></i> • <i><u>Travel Guard provides travel insurance products for all types of travellers (Trip Cancellation Package; All Inclusive Package) [2].</u></i>
Russia	<ul style="list-style-type: none"> • <i><u>One of the company's unique advantages is that it combines deep knowledge of the Russian market with international practices and service standards</u></i> • <i><u>Total claims paid amounted to more than 5.5B rubles for the 20 years of operation in Russia</u></i> • <i><u>Member of top 50 Insurance companies in gross premium written in Russian Federation</u></i> • <i><u>Offices worldwide to serve the interests of Russian companies abroad</u></i> • <i><u>Travel Insurance (the Insured Trips) [4].</u></i>
Sweden	<ul style="list-style-type: none"> • <i><u>AIG began its Swedish operation in Stockholm over 30 years ago</u></i> • <i><u>AIG is proud to include a number of the top Swedish businesses and companies</u></i> • <i><u>Group Plus Business Travel Insurance (Medical expenses; Rehabilitation costs following an accident; Invalidity and death benefits; Assault; Crisis therapy; Property / baggage; Delay; Deductible protection; Liability and legal expenses; Cancellation; Interrupted travel; Kidnapping, hijacking and the taking of hostages; Search and rescue; Assistance through SOS International [3].</u></i>

The text fragments presented in Table 1 illustrate the differences among the localized versions. First of all, they are associated with the differentiated use of toponyms depending on the country (*Australia, Collins Street, Melbourne, Sydney, Perth, Brisbane; Canada, Toronto, Vancouver, Montreal; Russia, Russian Federation; Swedish, Stockholm*) and the company's age or the year of foundation in each of the countries (<...*Operating in Australia since 1957...*>; <...*In 2016 AIG celebrates 50 years in Canada...*>; <...*for the 20 years of operation in Russia...*>; <...*AIG began its Swedish operation in Stockholm over 30 years ago...*>). Other verbal means of localization include the additional information on branches' activities – regulating authorities (*Australian Prudential Regulation Authority*), staff (*staff complement of approxi-*

mately 425 members), financial activity and currencies (<...*We handled 25,000 claims and paid out \$670 million in 2016...>*; *Total claims paid amounted to more than 5.5B rubles*), as well as some advertising phrases (see Table 1).

Another variable in the hypertext structure of localized versions is represented by the range of services provided by the company. We exemplify the differentiation in Table 1 using the case of traveler insurance product. For example, at least 4 options in this category are available for Australian citizens (*Domestic Travellers; Frequent Travellers; International Travellers; Travellers Aged Over 70*), while in Canada, Russia and Sweden the insurance for tourists has a more general character and includes a single package of services for all groups of population.

Thus, the differentiation of localized versions' verbal content on the website under investigation is conditioned by the geographical factor of linguacultural adaptation, i.e. the geographical names and specific information about the company's branches vary depending on the country.

The website of the British daily newspaper *The Guardian*, one of the most famous media brands in the world, is also of much academic interest from the viewpoint of localization phenomenon. The online edition offers 4 options – *International edition, UK edition, US edition, Australia edition* (see Fig. 2). We cannot refer to these options as language ones, since they are all English. The differentiation is rather based on the geographical factor, which is observed in the very names of editions.

Fig. 2. Country options of *The Guardian* website. Source: [12]

The International edition was launched in 2015 ‘for over 40 million readers beyond the three target countries – UK, USA and Australia’ [7]. The US edition and Australia edition have been published since 2011 and 2013, correspondingly, so as to localize content for readers from these two countries as a major readership after the UK. Such differentiation is a particular case of international news localization described by Anthony Pym and consisting in the two-stage process: 1) the publication of internationalized reports by global news agencies; and 2) their further translation / adaptation by local newspapers, radio, websites and other media [9]. First of all, we’ve revealed differences in section names on different website versions: UK edition has the following sections – *UK, World, Business, Football, UK politics, Environment, Education, Science, Tech, Global development, Cities, Obituaries* [13]; US edition – *US, World, Environment, Soccer, US politics, Business, Tech, Science, Homelessness* [14]; and Australia edition – *Australia, World, AU politics, Environment, Football, Indigenous Australia, Immigration, Media, Business, Science, Tech* [12]. These hyperlinks show that each online edition is characterized by a set of country-specific topics along with such general headings as *World, Business, Environment, Science, Tech*. Firstly, localization reveals itself in indication of country names as primary options of each edition – *UK, US, Australia*. Secondly, we can observe the use of absolute synonyms ‘Football’ and ‘Soccer’, the latter being the American English word and the example of content localization for the U.S. citizens. Thirdly, the section *Politics* is also localized for each of three countries – *US politics, UK politics, AU politics*. According to the results of content analysis of 8 June 2018, the texts of *US politics* section are up-to-date articles about presidential reforms and political events in the USA; the *UK politics* section includes news reports on current decisions on the Brexit issue; and the *AU politics* section also includes relevant for Australian readership news. Besides, each edition has peculiar sections representing interest for the countries’ citizens: *UK edition (Education, Global development, Cities, Obituaries)*; *US edition (Homelessness)*; *Australia edition (Indigenous Australia, Immigration, Media)*.

The given example illustrates the process of verbal content localization of *The Guardian* online edition, which is carried out by including different news and articles into the website hyper-structure and making the editions interesting for readerships of three countries – the UK, the USA and Australia. In this case, localization is performed on the level of website content in a more wide sense as opposed to localization on the text level. The content analysis of the three online editions let reveal significant differences in the published materials, as well as an example of British and American English variants differentiation, which allows us talking about the process of localization being performed in the space of one language – English.

Branding in the tourism sector as one of the most prospective areas of economic activity includes the task of high-quality information logistics of international tourism websites. It should be noted that tourism products, such as places, destinations and objects do not belong to a certain tour operator. Besides, the range of potential travellers is not limited as in the case of brand goods which are available at specific target markets. In this connection, information presented on a travel website is not unique – various agencies organize similar tours and excursions. In such conditions of competitiveness and target audience vagueness, content localization is less obligatory, and, as a consequence, the number of language options on travel websites varies a lot. For example, the travel portal of Norway has 15 language options including *International edition* (see Fig. 3).

Fig. 3. The scheme of language options on the travel portal of Norway. Source: [18]

Along with the texts presenting different regions as unique objects of tourism and describing their geographical and cultural distinctions, travel portals often contain important practical information about organization of trips, flights, staying in a foreign country, etc. This sort of information needs to be adapted in the process of website localization. For example, we can observe the differentiation of localized content for *United Kingdom* and *USA* in section *Getting Here* of Norwegian travel portal (see Table 2).

Table 2.

Differences in localized content for *United Kingdom* and *USA*. Source: [6]

United Kingdom	USA
<p data-bbox="277 639 412 663">Getting Here</p> <p data-bbox="154 667 535 794"><i>Oslo Airport is where most of the international traffic arrives. Other international airports are located in the cities of Bergen, Kristiansand, Moss, Sandeffjord, Stavanger, Tromsø and Trondheim.</i></p> <p data-bbox="154 799 535 1086"><i>Norway is closer to the UK than you might think – only two hours by air, and with numerous flight departures every day, it couldn't be easier to get here. Or if you have the time, make the journey part of your holiday and travel by ferry, train, or car. From the United Kingdom there are direct services to Oslo Airport from Manchester, Aberdeen, Edinburgh, London Heathrow, London Stansted and London Gatwick.</i></p> <p data-bbox="154 1091 535 1193"><i>From Oslo Airport you can reach Oslo city centre in 20 minutes by Flytoget Airport Express Train. Express buses and local trains are also available.</i></p>	<p data-bbox="686 639 820 663">Getting Here</p> <p data-bbox="546 667 966 794"><i>Oslo Airport is where most of the international traffic arrives. Other international airports are located close to the cities of Bergen, Kristiansand, Moss, Sandeffjord, Stavanger, Tromsø, and Trondheim.</i></p> <p data-bbox="546 799 966 1086"><i>In recent years several direct routes to/from the US have been launched, making it easier than ever to travel between the two countries. Today there are direct services to Oslo Airport from Boston, Fort Lauderdale, Los Angeles, New York JFK, New York Newark, San Francisco (Oakland), Orlando and San Juan. On September 29, 2016, SAS is launching a new nonstop service from Miami to Oslo – in addition to their existing daily nonstop service from Newark, NJ.</i></p> <p data-bbox="546 1091 966 1193"><i>From Oslo Airport you can reach Oslo city centre in 20 minutes by Flytoget Airport Express Train. Express buses and local trains are also available.</i></p>

As can be seen from Table 2, the highlighted text fragments are localized for each of the target audiences through the use of geographical markers – country names (*the UK; the US*), cities and airports (*Manchester, Aberdeen, Edinburgh, London Heathrow, London Stansted and London Gatwick, Boston, Fort Lauderdale, Los Angeles, New York JFK, New York Newark, San Francisco (Oakland), Orlando and San Juan, Miami*), and other information about air travel to Norway (*only*

two hours by air; numerous flight departures every day; on September 29, 2016, SAS is launching a new nonstop service, etc.). In this case, we are dealing with localization of one and the same text, i.e. intratextual localization as opposed to the abovementioned examples.

The travel portal of Poland also demonstrates the performed localization of text about getting to the destination (see Table 3).

Table 3.

Differences in the localized text for UK & Ireland as opposed to the text in Global English

Global English [16]	UK & Ireland [15]
<i>Flying to Poland is easy! Over 30 different airlines fly to Poland – from Emirates to Ryanair, so prices vary considerably. It pays to take your time when shopping around for a flight. You can start with flight search websites, the major airlines or your local Polish specialist travel agent. Poland's international airports include Warsaw Chopin, Warsaw Modlin, Krakow, Gdansk, Wroclaw, Poznan, Katowice, Lodz, Bydgoszcz, Szczecin, Lublin and the newest one in Olsztyn.</i>	<i>Flying to Poland has become a lot easier recently due to a large number of airports across the country and airlines running busy flight schedules. Seven airlines now regularly operate to 11 Polish cities from 17 airports in the United Kingdom and ROI. FLIGHTS BETWEEN THE UK AND POLAND <i>There are no direct ferry services between the UK / Ireland and Poland.</i></i>

The comparative analysis of *Global English* version and *UK & Ireland* localized version let reveal significant changes in presented texts, which are associated with the latter's orientation at the UK citizens. Along with the indication of available transport links between the UK and Poland, section *Flights between The UK and Poland* also contains the detailed table of flights from cities of the UK & Ireland. There are no matching phrases in these two texts, so the localized text is not an adapted one but rather a newly made up for the specific audience.

Conclusion

Thus, the content analysis shows that in some cases there is need to localize websites and texts in particular from English to English. Such cases include the task of differentiating between several English-language countries when creating informational online resources which promote brands. The research results let us making conclusion on the

key role of geographic factor in the process of websites' verbal content localization into the English language. This factor implies the need to adapt texts and / or the whole website's hyperstructure depending on the country which citizens are addressed. The main peculiar features of localized English texts are represented with geographical markers playing significant role in implementing the informative function of texts, which promote service, media and place brands. The content analysis has also demonstrated the need to differentiate between localization of text and localization of website's textual content in general, i.e. intratextual and intertextual localization, since in the first case we adapt fragments of one and the same text and in the second case we deal with transcreation – making up new texts for target audiences from different countries.

Information on the conflict of interests. No conflicts of interests are claimed by the author.

Information on funding. The article was not funded.

References

1. About AIG Australia. URL: <http://www.aig.com.au/about-us> (accessed 18 April 2018).
2. About AIG Canada. URL: <http://www.aig.ca/about-us> (accessed 18 April 2018).
3. About AIG Sweden. URL: <http://www.aig.se/en/about-us> (accessed 18 April 2018).
4. AIG Russia. URL: <https://www.aig.ru/en/about-us/aig-russia> (accessed 18 April 2018).
5. Cadieux P., Esselink B. GILT: Globalization, Internationalization, Localization, Translation Globalization Insider. 2004, vol. XI. iss. 1.5, pp. 1–5. URL: <http://www.translationdirectory.com/article127.htm>
6. Getting Here. Visit Norway. URL: <https://www.visitnorway.com/plan-your-trip/getting-here/> (accessed 10 June 2018).
7. Giving our international readers a fresh take on the news // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/help/insideguardian/2015/>

- [apr/20/giving-our-international-readers-a-fresh-take-on-the-news](#) (accessed 8 June 2018).
8. Moravia. URL: <https://info.moravia.com>. (accessed 9 April 2018).
  9. Pym A. *Exploring Translation Theories*. New York: Routledge, 2014. 255 p.
  10. Sukhareva E.E., Shurlina O.V. Website localization as a form of intercultural communication. *Vestnik VSU. Series: linguistics and intercultural communication*, 2013, no. 1, pp. 166–169. (In Rus.).
  11. The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/international?INTCMP=CE_INT. (accessed 8 June 2018).
  12. The Guardian. Australia edition. URL: https://www.theguardian.com/au?INTCMP=CE_AU (accessed 8 June 2018).
  13. The Guardian. UK edition. URL: https://www.theguardian.com/uk?INTCMP=CE_UK (accessed 8 June 2018).
  14. The Guardian. US edition. URL: https://www.theguardian.com/us?INTCMP=CE_US (accessed 8 June 2018).
  15. Travel by air // Poland Travel. URL: <https://www.poland.travel/en-gb/travel-by-air/how-to-fly-to-poland> (accessed 15 June 2018).
  16. Travel by plane // Poland Travel. URL: <https://www.poland.travel/en/by-plane/how-to-fly-from> (accessed 15 June 2018).
  17. U.S. Brand 2010 – ТОП-100 американских брендов // Marketing.by. URL: <http://marketing.by/novosti-rynka/camym-dorogim-brendom-ssha-priznan-google-reyting-u-s-brand-2010-top-100-amerikanskikh-brendov/> (accessed 9 April 2018).
  18. Visit Norway. URL: <https://www.visitnorway.com/>. (accessed 10 June 2018).
  19. Volkova I.D. Globalization and localization as vectors for the development of tourism Internet discourse (on the Russian, English and French material). PhD Thesis. Volgograd, 2017. 210 p. (In Rus.).
  20. Website Language Select: BEST PRACTICE // EPICtranslations. URL: <https://epictranslations.com/website-language-select-best-practice>. (accessed 9 April 2018).
  21. Welcome to AIG. URL: <http://www.aig.com>. (accessed 18 April 2018).

DATA ABOUT THE AUTHOR

Volkova Irina Dmitrievna, Associate Professor, Department of Translation Studies, Candidate of Sciences (Philology)

Volgograd State University

100, Prosp. Universitetsky, Volgograd, Volgograd oblast, 400062, Russian Federation

romadina-irina@mail.ru

SPIN-code: 2016-1440

ORCID: 0000-0002-5718-9479

Researcher ID: B-6046-2019

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Волкова Ирина Дмитриевна, доцент кафедры теории и практики перевода, кандидат филологических наук

Волгоградский государственный университет

Просп. Университетский, 100, г. Волгоград, Волгоградская область, 400062, Российская Федерация

romadina-irina@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-1-40-57

UDC 81-23

ENGLISH LANGUAGE VARIATIONS IN WRITTEN
AND ORAL TYPES OF COMMUNICATION*Voloshina T.G., Fisunova N.V.*

The article deals with the peculiarities of the English language variants functioning in the process of writing and speaking and problems of mutual understanding resulting from different variants of using English as a dominant language. There are great numbers of English variations today due to the fact of world's globalization, which stresses the relevance of the research. The authors analyze the main theoretical issues presenting scientific ground of the English variations and give practical material of unique representation of cultural and linguistic peculiarities. The research is done on the basis of sociocultural linguistics and analyses the norms of the use of the native language. The authors believe there is a need in a more serious study of how the theory of speech acts, as well as the way strategies of politeness and rhetorical strategies are implemented in the speech of speakers of different English variants depending not only on the situation, but also on the style or genre of writing.

Purpose. *The purpose of the article is to reveal the main features of language variations of English in the era of globalization. The article deals with presenting peculiarities of English variations functioning in different types of communication. The authors analyze the connection between linguistic and cultural cooperation process in peoples' presenting different countries but speaking the same language, i.e. English.*

Methods. *For the purpose of the research, the author used both empirical and theoretical methods. The objects are analyzed by their external relations and manifestations. The main purpose for this level is the factual activity of the English language functioning in different language variations. The theoretical level is based on the theoretical research into the historical analogies, analysis, modeling, abstraction and concretization, comparison, generalization, systematization and interpretation of facts.*

Results. *Based on the result of the analysis of the theoretical foundations and practical material of contact linguistics, the authors come to the conclusion that peculiarities of the communication process in multinational countries have roots in cultural identity. The authors emphasize the need for a new approach to the theory of speech acts, style of speech and the principle of politeness corresponding multinational identity. The process of language and cultural contacts, traditional ways of expressing respect and intimacy in multinational communication between people have partially changed. The article resulted in describing peculiarities of English variations functioning in oral and written communication and revealing its main characteristics.*

Practical implications. *The results of the study can be applied in the field of contact linguistics and language variations in the era of globalization.*

Keywords: *intercultural communication; English variation; bilingual; monolingual; speech act; politeness; silence; rhetorical strategy.*

ВАРИАТИВНОСТЬ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

Волошина Т.Г., Фисунова Н.В.

Цель. *В статье рассматриваются особенности функционирования вариантов английского языка в устной и письменной коммуникации. На сегодняшний день существует большое количество вариантов английского языка в связи с явлением глобализации, что подчеркивает актуальность исследования. Авторы исследования рассматривают теоретические вопросы проблемы, анализируют практический материал, выявленный в устной и письменной коммуникации, выявляют лингвокультурологическую специфику языковых вариантов. Особое внимание уделяется исследованию вопросов социокультурной лингвистики, анализу норм родного языка и степени его влияния на применение английского языка в качестве международного средства коммуникации. Авторы исследования*

рассматривают особенности функционирования в речи стратегии вежливости и риторические стратегии в языке носителей разных вариантов английского языка в зависимости от стиля или жанра коммуникации.

Метод или методология проведения работы. В ходе исследования авторы применяют теоретические и эмпирические методы. Теоретическая методика подразумевает исследование исторических аналогий, анализ, моделирование теоретических данных. В рамках эмпирической методологии применялись конкретизация, сравнение, обобщение, систематизация и интерпретация полученных данных по полученным фактам.

Результаты. Основываясь на обширном материале теоретических исследований и практических данных, авторы исследования приходят к выводу, что специфика коммуникативного процесса в многонациональных странах зависит от особенностей культурной идентичности. Авторы подчеркивают необходимость применения нового подхода в рамках теории речевых актов, в зависимости от стиля речи и принципа вежливости, характерного соответствующему типу культурной идентичности. В ходе исследования в работе описываются особенности функционирования вариативности английского языка в устной и письменной коммуникации и раскрываются их основные характеристики.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в области контактной лингвистики, языковой вариативности, межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация; варианты английского языка; двуязычный; одноязычный; речевой акт; вежливость; молчание; риторическая стратегия.

Introduction

Our research is based on Kachru's theory. According to the author, the English language dominance is affected many countries' economic, cultural, linguistic lives. The way of its distribution can be noticed at different levels: "external", "expanding levels" [10, pp. 72–76]. In order

to successfully communicate in all spheres of life, communicants, using English as a means of interaction as a second or third language, apply different speech strategies. They need to properly present information, negotiate, convince their communicants, agree, disagree, demand, apologize. The so-called *speech acts* are used in oral personal communication; in writing, speech acts are also applied, but have a different form from those in oral speech [12, pp. 21–26].

In this research work, the authors pay attention to the way speakers of English variations use the language as a general means of communication, taking into consideration the traditions of their own socio-cultural factors [13, p. 1074]. In addition, the article provides review studies on speech acts, principle of politeness, analysis of spontaneous dialogical speech.

One must mention, English variations differ in the norms of use due to the fact that users of English, both belong to “external” and “expanding levels”, are bilinguals or multilinguals. The differences in sociocultural attitudes lie in the system, explaining the fact, that each level is characterized by its own speech traditions and cultural values based on its own principles of politeness and decency [4, p. 48].

Despite the fact that there is a huge amount of work devoted to the question of speech acts analysis in different languages, little attention has been paid to the comparative analysis of speech acts among the variants of the English language. English language variations have been the subject of discussions in the works (Adegbijah 1989, Bailey 2000, Kahn, 2003, Kachru 1998, Morgan 1998, Silva 1998, Sridhar 1991, etc.). The research on the analysis of spontaneous dialogic speech acts, business and trade negotiations, as well as speech in the sphere of professional communication showed how speech acts are implemented in the process of communication [6, p. 46]. Nowadays, a sufficient number of articles devoted to the questions of comparative study of intercultural speech strategies have been published, but just a few works are devoted to their comparison analysis [1; 2; 13].

Language contacts studies of the last three decades have raised several serious questions concerning the universal applicability of certain

provisions of pragmatics, such as the theory of speech acts, the principles of politeness and other questions [5, p. 26]. In contrast to many theoretical studies, in which the authors only suggest that speech acts belong to the same social acts in all cultures, the scientists Firth and Brown openly declare the fact, although the language can vary depending on how and when to apply speech acts, each language provides the user with the same set of basic speech acts, the same strategies and semantic formulas for the implementation of one or another speech act [3, p. 5].

A number of linguists disagree with this opinion. Some scientists object that speech and speech acts in different cultures and languages are not comparable at all. There is also an opinion which stresses the fact that just as well as different cultures have their differences, there is no equivalent or duplicating each other's vocabulary, and the speech acts are implemented in different cultures differently [6, p. 84]. R. Herbert considers that the principle of authority, described by P. Brown, is culturally conditioned and is not consequently applied in the analysis of dialogical speech as can be practically seen in the Japanese language [8, p. 12]. A famous linguist B. Kachru claims that the principle of cooperation, the principle of politeness, the rules of politeness, strategies of politeness differ not only in different speech communities, but also within one society, depending on which social group uses them and in which situation it takes place [9, p. 34].

The question of the theory of speech acts applicability in the analysis of spontaneous dialogical speech has been raised by many linguists. According to Grice's theory, one should not take into account such parameters of dialogic speech as sequence and temporality, and therefore it cannot be fully applied in the analysis. In addition, the theory of speech acts is primarily based on the intentions of the speakers and, therefore, lacks the crucial role of interaction between speakers and listeners during the communication process. Studies of this kind take into account a limited number of principles, such as social distance and dominance [7, p. 46]. The problem is also seen in the principle of distance and categorical (distance and imposition) factor, which seemed to B. Kachru simple and therefore may not be applicable to all cultures [10, p. 184].

Taking into consideration the empirical research of speech acts, it should be noted, not all of them were used with ethnographic method of observation and analysis of statements directly in the course of verbal communication in real life. The works that are based on the material using the above method include a study on compliments in the American version of the English language, and comparison of compliments in American and South African English variants, invitations in American English variant, expressions of requests in Hebrew, apologies in Creole Bislama of the Republic in the New Zealand version of the English language, and a study of politeness strategies used by native speakers of Korean [3, p. 61].

Many studies, including intercultural researches, were based on the analysis of role-playing games or written surveys, nevertheless, all the works devoted to the analysis of speech acts, spontaneous dialogic speech and verbal communication are written with the aim of having an idea of how social and cultural values, traditions of usage and structure of language interact within the framework of cultural and intercultural communication, as well as making a significant contribution to the development and promotion of English contact variant studies.

Language norms in different societies depend on many factors, especially on how the principle of politeness is expressed in language. Principle of politeness in the use of language in the context of Western culture is usually analyzed through discursive strategies. In Eastern languages, such as Hindi, Japanese, Korean, Thai, politeness is expressed not only by means of discursive strategies, but also through grammatical categories, which take place at the phonological, morphological, lexical, and syntactic levels. For these categories, honorific pronouns are typical in many grammar systems (as in Hindi or Korean); verbal endings and lexical sets, which are expressions of courtesy in relation to addressees or referents, are also a characteristic feature.

The complexity of this system is dependent on the fact when the choice of some means limits the use of other means. So, honorifics pronouns are not used in combination with phonological endings and vice versa, some pronouns are not used with honorifics endings. The problem

of the use of honorific and simple forms of politeness has been thoroughly investigated by many scientists in different languages: Japanese, Korean, Hindi and Maithili. The principle of respectfulness is defined as a powerful social phenomenon initially possessed by individuals or groups of people as a result of their unequal social position [10, p. 62]. Despite the fact that these principles are explained in different ways (one from the point of view of social behavior, and the other from the point of view of ideological attitudes), both of them are equally implemented in the speech by means of grammatical honorific forms.

Politeness, in turn, is seen as a part of a cognitive psychological process in which speakers and addressees evaluate themselves and each other. This dichotomy only adds the complexity to this part of the study. The principles of respect and politeness are equally necessary to understand how polite verbal behavior manifests itself in Asia (the same principles are applied in the study of this phenomenon in the African context). However, while the principle of recognition is implemented through specially created lexical and grammatical indicators in Hindi, as well as in Japanese, Korean, Thai and many other languages, the strategy of politeness is the same. It is realized through lexical and grammatical means of language, which are at the disposal of speakers even in the absence of such forms [11, p. 65].

Thus, in some languages, politeness can be expressed in two ways at the same time: on the one hand, it is expressed through separate categories used to convey the principle of recognition and on the other hand, through the implementation of the politeness strategy. Compared to Hindi, Japanese or Korean, English seems to be simpler and more egalitarian as it has no indicators to express the principle of recognition or respect, and only uses strategies of politeness.

According to P. Brown and S. Levinson the principle of “face preservation” plays a crucial role in the communication process. This principle has two sides of implementation: positive, with a “positive face” and negative, with “negative face”. A positive person indicates a desire or need to please other people, therefore, this principle is a strategy of friendliness [3, p. 21]. A negative person indicates a desire to avoid ob-

stacles on the part of others, therefore, this principle is a strategy of distancing from other people. All members of the speech community use positive and negative strategies to “preserve, maintain and improve the face” [3, p. 23]. P. Brown and S. Levinson describe a number of strategies and their ways of language implementation aimed at preserving and promoting the positive and negative face of the interlocutors in the conversation [3, pp. 28–36].

According to the theory of these researchers, all potential verbal and nonverbal communicative acts are perceived as acts of threat to a person (“face threatening acts”). Some acts threaten the preservation of “the positive face” of the interlocutors, while others threaten “the negative face”. For example, expression of criticism, opposition, aggression, or disrespect, breaking news, non-cooperation and the use of non-compliant cases in the initial contact threaten the preservation of “a positive person” listening. Orders, requests, suggestions, advice, reminders, threats, warnings, promises, compliments, and the expression of strong emotions towards listeners prevent them from maintaining their negative persons. Apologies, acceptance of compliments, the loss of physical equilibrium, for example when a speaker stumbles, self-deprecation, the recognition of or the inability to control emotions (laughter or tears) threaten the continuation of “the positive face” of the speaker. The expression of gratitude, acceptance of thanks, apologies, suggestions from speakers, response to the mistakes of listeners, as well as the acceptance of their promises and proposals prevent the preservation of “negative faces” of speakers [3, pp. 39–48].

The theory of acts of threat to a person does not take into account any problem of interaction of the principle of respect and politeness in the Eastern languages, nor the depth of the complexity of the relationship between the speaker and the addressee. In Japanese culture, there are stable forms of expression of the principle of deference, which, unlike P. Brown and S. Levinson, are not considered as a negative strategy of politeness, which is to minimize the impact of the addressee’s action.

One such example is the Japanese expression *doozo yoroshiku* (お願いいたします – *hajimashite*), which is translated as “I ask you to treat me well or take care of me” [8, p. 26]. This phrase is used by the speaker,

when it is presented to a third person, in order to gain respect to him. The speaker can apply this phrase not only to himself or herself, but also to someone with whom the speaker is in a close or kinship relationship, for example, to his or her wife or husband, son or daughter, etc.

The same expression is also typical for India, it is also used in relation to oneself as well as to one's children, relatives or close friends. Such expressions contribute to the preservation of the addressee's face, which is a positive strategy, although its form is similar to a request and thus obliges the addressee to anything that is seen in Western culture as threat to the person.

The ways of expressing the principles of recognition and politeness in some areas of Asian society are beginning to change due to the influence of the English language. The phenomenon of the mutual influence of politeness strategies on language deserves special attention. Let us turn to examples that show how this phenomenon manifests itself in oral and written speech in the variants of the English language.

B. Kachru gives an example of simultaneous implementation of consent models and disagreement in conversation between women in the Indian version of the English language. This situation may seem strange to other native English speakers. The author believes that the simultaneous expression of consent and disagreement is considered more acceptable if it is used in the following sequence: *Yes, but...* The sequence *No . . . but yeah* is not typical for other variants of the English language, but it is found in the Indian version of the English language:

A – Do you think it [wife abuse] is common?

B – In India? In rural families this is common.

C – No, it's common. Very much common even in very literate families [9, pp. 71–78].

In the above example, the female addressee (B) answers the interviewer (A) in an affirmative form. Another participant of the conversation (C) first answers the question negatively, saying *No*, and then agrees with the participants of the conversation, adding the phrase *it's common*. This model is familiar to native Hindi speakers who often start a phrase with *na ... "no"* and then express consent.

T. Falola gives the following example, testifying to differences in rhetorical strategies of American and Chinese communicants in the sphere of professional communication. After a lecture by a Chinese Professor from Beijing, an American listener asked him a question:

(5) Discussion after the lecture:

American: How does the Nutritional Institute decide what topics to study? How do you decide what topic to do research on?

*Chinese: **Because**, now, period get change. It's different from past time. In past time, we emphasize how to solve practical problems. Nutrition must know how to solve some deficiency diseases. In our country, we have some nutritional diseases, such as x, y, z. But, now it is important that we must do some basic research. **So**, we must take into account fundamental problems. We must concentrate our research to study some fundamental research [4, p. 79].*

Native English speakers of the Inner level of English dominant influenced (“meant” by B. Kachru) would have felt perplexed to hear how the Professor reacted to the question, as, in fact, he did not give a clear answer. The Chinese Professor, in turn, adhered to the answer with the rhetorical strategy of the culture according to which it is necessary to address at first a history of a question, and then gradually to approach its essence. The conjunctions highlighted – *because and so* – acts as markers showing the movement of his rhetorical strategy. The phrase, which is a relative answer to the question, is given at the very end, and in the example it is italicized.

Native English speakers from the Inner level would likely immediately start answering the question directly and use different strategies to express their thoughts in the sphere of professional non-academic communication.

Let us consider examples of how in the American English variant and Taiwanese English variant dissatisfaction of people with the ineffective work of his subordinate is expressed:

(6) The superior informs the subordinate that he is dissatisfied with the results of his work:

American English:

I am concerned about your performance.

*I have been extremely concerned about your work performance recently.
I don't feel that you're working to your full potential.*

Taiwanese English:

I don't like your performance.

I am not pleased with your performance.

I am not satisfied with your performance [9, p. 67-69].

According to this study, half of the chiefs of the American English version clearly explain to their subordinates how they can improve their work, while more than half of Taiwanese English version do not.

In the study of speech acts and spontaneous dialogic speech, one should not forget about the role of silence, which, like the speech itself, plays an important role in the communication process. The example of this can be traced in one most appropriate strategy for expressing condolences, which is common among the people of Igbo in Nigeria [13, p. 1076].

According to the traditions of the Nigerian people, it is not customary to express condolences to people who mourn the loss of a loved one. It is necessary to leave people alone for at least four days, and then come directly to their house, stand silently in front of them for a while, then approach the rest of the condolences and spend some time with them, sitting in complete silence.

The mentioned examples show which linguistic, social and cultural factors are responsible for the “acculturation” of the English language variants in different regions. Rhetorical strategies of speech are also conditioned by social and cultural norms. This thesis is confirmed in the work of B. Kachru. In his research the author considers that the meaning of any type of communication depends on cultural system of value, for example the attitude of Japanese and American students to the problem of death penalty:

1. American students began their essays with the formulation of their thesis statement, which was then supported by arguments, and at the end of the work made a conclusion.

2. Japanese students wrote their works on the principle of “from concrete to general”, and at the end of the essay they either expressed

their attitude to the problem or did not do that. American students held one point of view in their essays, while Japanese students mostly tried to show both sides of the problem.

3. 46 of the 55 analyzed applications of American students (83.6%) were recognized as “rational”, while Japanese students only 36 of 55 works (65.4%) corresponded to this criterion. In turn, the percentage of “emotional” appeals of American students amounted to 16.4 (9 cases), while in Japanese essays this figure was higher, namely 19 cases, or 34.6. Japanese students are much more likely to try to evoke sympathy in the reader, while American students tried to convince the reader through reason and strong arguments.

4. American students in their works emphasized the importance of their arguments with such modal verbs and constructions as *should/must, totally, no doubt, the +excellent degree of comparison*, while Japanese students resorted to more “soft” expressions, for example, *I think, perhaps, sad, sorrow* [10, pp. 113–148].

Thus, despite the fact that both sides are used in the same languages, these works differed in cultural content. Americans presented arguments in defense of only one position on the death penalty in a logical manner and thus tried to appeal to the mind of readers, while the Japanese tried to appeal to the feelings of readers and reflected in their work the position “for” and “against” in the topic of death penalty.

These rhetorical strategies are typical not only for students’ works, but also in written communication in English, which is vividly illustrated by excerpts from letters written by employees of Indian, British and American companies. These letters were written by the employees and sent to the same addressee, the bearer of the American version of English, whose biography was to appear in the collection *Who is who*:

(1) *We come back upon the correspondence resting with the inclusion of your biological note in the upcoming volume of our “Biography International” and thank you much indeed for your esteemed cooperation in sending to us the same.*

(2) *Your name has been put forward for biological and pictorial inclusion in the twelve Edition of Men’s Achievement, and you are respect-*

---

fully invited to complete the questionnaire overlay and return it to our editors, so that they can prepare your detailed biography and send you a typescript for proofing.

(3) Enclosed is a copy of your sketch as it appears in the 44th edition. Please, proofread it carefully. Make any necessary additions and corrections. Then, even if no changes are needed, sign the sketch where indicated and return it to me within the next 15 days [2, pp. 89–96].

The results obtained during the comparison of these passages are very indicative. The long sentence in Example 1 may seem extremely difficult for readers in the Inner level, who would prefer a simpler sentence structure. The phrase “...and thank you much indeed for your esteemed cooperation in sending to us the same” is not appropriate for the high style manner of Indian writing and may therefore seem too impertinent for speakers of this variant of English.

For the American style of writing (Example 3) is characterized by the use of imperatives in combination with the unit *please*, which is a marker of politeness, in the British style, the request is expressed indirectly with the help of such a construction as *you are ... invited* (Example 2) in combination with a marker respectfully expressing an extreme degree of politeness.

In a letter written by an employee of an Indian company, the unit *thank you* is followed by the amplifying expressions *much* and *indeed*, and the modifier *esteemed* is used before the unit *cooperation* in order to convey a special, respectful attitude towards the addressee.

Another distinguishing feature of Indian writing is the use of two sentences connection, although it would seem strange to speakers from the Inner level that two completely different thoughts are combined into one sentence by means of a connecting union. From the point of view of the carriers of the Indian version, the reference to the previous correspondence implies the fact that the biography sent by the addressee, was received, for which we should be thankful; therefore, these two events are connected.

According to the study on the style of the texts in the tradition of Oriental writing, the art of essay writing (essay text literacy) did not exist as

the an independent scientific direction in XX century, but has recently been defined as an independent branch of research in Anglo-American rhetoric [4]. It is characterized by the use of explicit, neutral and independent context (decontextualization) and impersonal vocabulary. While the Western tradition of written communication has developed over the past half-century, including the influence of technological innovations, the modernization of other societies, language cooperation has occurred as a result of contacts with the West, and it was the English language that served as a means of communication [4, pp. 79–86].

Thanks to educated representatives of the society, who are bilinguals and multilinguals, many written traditions of the English-speaking writing practices were borrowed, including the art of essay writing, which they adapted in accordance with their own cultural norms.

The examples of such adaptation can be noticed in business correspondence, namely in a letter of request. The first letter (1) is written by an Indian man and is addressed to a woman he requests information from, and the second letter (2) is written by a Japanese man and addressed to a non-Japanese man (1) requesting permission to use the addressee's materials in his work.

(1) It is a letter by the Indian scholar (male) to Indian recipient (female): *Madam, ... Now coming to the crux of the matter . . . I request you very humbly to enlighten me of the following points. So, with folded hands I request you to help me by supplying the needed information and names of any devotees and fans of E. I am writing to B. S. today. If you want anything from my side just let me know. Waiting very anxiously for your reply,*

Yours sincerely

(2) Letter from the Director of the medical Institute (male) to the scientist (male):

Dear Mr. X,

Explanations of Kangri of Kashmir are written in some medical books in Japan and we know it literary [sic], but there is almost no people practically booking [sic] at the real Kangri. I would like to use to demonstrate Kangri while teaching in postgraduate medical students as

---

well as for researchers working on Kangri cancer. I wrote to Consulate General of India, [City], Japan, so Mr. Y sent me your writing [Title of Book] with figure of Kangri, [Date]. I would like to have your permission to reproduce the figure of Kangri to my writing. Of course, I will explain the reproduction from your text.

*Your kind consideration on this matter will be greatly appreciated.
Sincerely [10, pp. 89–98].*

The letter in Example 1 follows the tradition of writing letters in India, it corresponds in form to the letter of request in the Anglo-American correspondence. This fact is quite natural taking into consideration the mentioning that certified specialists in Asia have a high level of English, so they have the skills of competent writing in different genres. The first letter was written by an Indian and is addressed to an Indian, so it is written with the Indian courtesy strategy, according to which the request must be preceded by general information, and complete offer of cooperation or mutual assistance.

The letter in Example 2, also written in English, was addressed to the recipient from an English-speaking country, so it immediately begins with a request and does not contain any emotive statements typical for the first letter.

The above example of adaptation in style does not mean, however, that representatives of the academic sphere of *External* and *Expanding levels* are ready to meet the expectations of their colleagues English teachers and follow a clear geometrically correct style of the Western model [4, p. 116]. The classic rhetorical triangle in the West, consisting of the speaker, the message and the audience, does not seem logical to representatives of cultures with a strong tradition of oratory [4, p. 127].

It should be noted that the principle of politeness also affects the style of academic writing in countries outside the Inner level [4, p. 136]. There are four main features characteristic of the scientific style of English speakers outside the Inner circle. The first feature is in the indirect style, the vagueness demonstrated by the examples of B. Kachru, when Japanese students tried to cover both sides of the problem. According to the traditions of scientific essay (deliberative essay) in India, the author

of the letter should outline all aspects of the problem, so that readers make their own conclusions [9, p. 76]. The second feature is the desire of the authors to adhere to a high style, which roots in the fact, that written speech is replete with exaggerations, quotations, idioms and metaphors. The third reason is extensive citation of previous studies and it is valued more than just a reference to the author, but as a customary characteristic feature of West philosophy. The purpose of this citation is not only to reinforce its position, but also to show respect and gratitude to its predecessors.

In addition, despite the fact that in the West scientific articles written by native English speakers imitative and unoriginal ideas are considered, it is a mistake to believe that originality lies in novelty.

In addition to cultural differences that affect the style of communication, the situation is complicated by the fact that not all societies have types of texts that are characteristic of the English-speaking world. In many cultures, despite the long history of writing, there are no such types of text as recipes and instructions for the production of something or on the technique of weaving, sewing, knitting, as in South Asia.

Conclusion

To sum it all, speech acts, rhetorical strategies, organization of dialogue, principles of politeness and strategies for the communication of politeness in multicultural countries differ from those applied in countries with a predominance of the population of the same nationality, speaking the same language. In the countries of the External and Expanding levels, the interaction between English and local languages has led, on the one hand, to the nativization of the English language, and on the other hand, to the angulation of indigenous languages. As a result of language and cultural contacts, traditional ways of expressing respect and intimacy have been partially changed, but this does not mean that Asian and African cultures are undergoing a process of total angulation.

Illustrating the features of the communication process in multinational countries, we aim to stress and indicate the need for a fresh approach to the theory of speech acts, speech style and the principle of politeness.

The research work in this branch requires further empirical analysis based on different styles and genres of written texts functioning.

References

1. Baghana J., Prokhorova O.N., Voloshina T.G., Raiushkina M.Y., Glebova Y.A. Some Aspects of African Study in the Era of Globalization [*Article@Algunos aspectos del estudio del idioma africano en la era de la globalización*]. *Revista Espacios*. 2018. 39, pp. 1–7.
2. Bailey B. Communicative behavior and conflict between African_American customers and Korean immigrant retailers in Los Angeles. *Discourse and Society*. 2000. № 11, pp. 86–108.
3. Brown P., Levinson S. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 89 p.
4. Falola T. *Historical Dictionary of Nigeria*. Lanham: The Scarecrow Press Inc., 2009. 473 p.
5. Firth A. *The Discourse of Negotiation: Studies of Language in the Workplace*. Oxford: Pergamon, 1995. 78 p.
6. Green G. *Pragmatics and Natural Language Understanding*. Hillsdale: Lawrence Erlbaum, 1989. 102 p.
7. Grice H. Logic and conversation. *Syntax and Semantics 7: Speech Acts*. 1975. № 12, pp. 41–58.
8. Hebert R. The ethnography of compliments and compliment responses: A contrastive sketch. *Contrastive Pragmatics*. 1989, pp. 3–35.
9. Kachru B. *Asian Englishes: Beyond the Canon*. Hong Kong: Hong Kong University Press, 2005. 112 p.
10. Kachru B. *The Handbook of World Englishes*. Maldan: Blackwell Publishing, 2006. 833 p.
11. Levinson S. *Pragmatics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 126 p.
12. Searle J. *Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 1969. 92 p.
13. Baghana J., Voloshina T.G., Kotch K.I., Rodina L.I., Radovich M.A. Theoretical issues of language contacts, borrowings and interference. *The Turkish Online Journal of Design, Art and Communication*. 2018. №12, pp. 1074–1079.

DATA ABOUT THE AUTHORS

Voloshina Tatyana Gennadievna, Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor, Department of Second Foreign Language
Belgorod State University
85a, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russian Federation
tatianavoloshina@rambler.ru

Fisunova Natalia Victorovna, Candidate of Pedagogical Sciences, As-
sociate Professor, Department of second foreign language
Belgorod State University
85a, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russian Federation
fisunova@bsu.edu.ru

ДАНИЕ ОБ АВТОРАХ

Волошина Татьяна Геннадьевна, кандидат филологических наук,
доцент, доцент кафедры второго иностранного языка
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет»
ул. Победы, г. Белгород, 85, 308015, Российская Федерация
tatianavoloshina@rambler.ru

Фисунова Наталья Викторовна, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры второго иностранного языка
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет»
ул. Победы, г. Белгород, 85, 308015, Российская Федерация
fisunova@bsu.edu.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-1-58-77

УДК 81'42

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭКСПРЕССИВНЫХ СРЕДСТВ
ЯЗЫКА ДЛЯ ПЕРЕДАЧИ АТМОСФЕРЫ ТОТАЛЬНОГО
ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ В РОМАНЕ
ДЖ. ОРУЭЛЛА «1984»**

Биккулов Ш.Ф., Биккулова Н.М.

В статье рассматриваются стилистические средства, задействованные автором романа для демонстрации способов манипулирования сознанием людей, живущих в тоталитарном обществе. Исследование проводится на материале относительно законченного текста в рамках научной школы стилистики декодирования.

***Целью исследования** является анализ употребления экспрессивных выразительных средств языка в дискурсе. Для анализа выбран отрывок из романа, посвященный описанию так называемой «двухминутки ненависти».*

***Методы исследования.** Используются методы контекстуального анализа, компонентного анализа лексического значения, метод тематической сетки.*

***Результаты.** Проведенный анализ показал, что при описании ритуальной процедуры «двухминутки ненависти» автор романа использует разнообразные стилистические средства, основанные на принципе контраста. Этот принцип позволяет четко вскрыть абсолютную бесчеловечность тоталитарного режима. В то же время обнаруживается ироническое отношение автора к проводимым официальными властями ритуальным мероприятиям; подвергается осмеянию методика психологического воздействия на людей посредством шаблонной пропаганды.*

***Область применения результатов.** Результаты работы могут быть использованы в преподавании университетских курсов по лингвистике текста, лексикологии и семасиологии, на практи-*

ческих занятиях по стилистике английского языка и семинарах по английской литературе.

Ключевые слова: лингвистика текста; стилистика декодирования; анализ дискурса; психологическое манипулирование; принцип контраста.

USE OF EXPRESSIVE LANGUAGE MEANS FOR REPRESENTING THE ATMOSPHERE OF TOTAL PSYCHOLOGICAL CONTROL IN 1984 BY G. ORWELL

Bikkulov S.F., Bikkulova N.M.

The article deals with the stylistic devices employed by the author of the novel with the purpose of demonstrating the ways of human mind manipulation in the totalitarian society. The research was conducted on the materials of the relatively complete text within the boundaries of the linguistic school known as the decoding stylistics.

The purpose of our work is to analyse the use of stylistic means of the language in the discourse. For the sake of analysis, we chose an extract from the novel that depicts the procedures of the so-called “Two Minutes Hate”.

The methodology. In our work we employed the contextual analysis method, the componential analysis of the lexical meaning, the method of thematic net.

The results. The conducted analysis showed that in order to depict the ritual Two Minutes Hate, the author resorts to multifarious stylistic means on the basis of the contrast principle. This principle enables to clearly disclose the absolute antihuman essence of the totalitarian regime. At the same time it reveals the author’s irony towards the ritual events conducted by the authorities by means of the stereotype propaganda.

Practical implications. The results of the research can be used when developing academic courses in Text Linguistics, Lexicology and Semasiology, in practical classes in English Stylistics and modern English Literature.

Keywords: *text linguistics; decoding stylistics; discourse analysis; psychological manipulation; principle of contrast.*

Знаменитый роман-антиутопия британского писателя Джорджа Оруэлла «1984» представляет собой, по всеобщему мнению, вершину его литературного творчества. В нем изображается гипотетическое будущее человечества, когда весь мир разделен между тремя державами, ведущими непрерывную войну друг с другом. Действие романа происходит в одной из них под названием Океания. В ней господствует тотальный иерархический строй, основанный на изощренном духовном порабощении и пронизанный всеобщим страхом и ненавистью. В этом обществе искореняется всяческая свободная мысль; человек живет в страхе наказания за малейшую провинность. Чтобы человек меньше думал, намеренно упрощается язык, переделываются тексты газет и книг. Власти поощряют доносительство, предательство – даже своих близких. Не остается ничего святого, ничего ради которого хотелось бы жить.

Цель данной статьи – показать методы психологического воздействия на людей в тоталитарном обществе, и к каким экспрессивно-лингвистическим средствам прибегает автор романа для описания этого воздействия. Для анализа мы выбрали отрывок, который демонстрирует пропагандистские приемы для поддержания в людях чувства ненависти к главному врагу Системы – Эммануэлю Голдстайну. Для этого во всех учреждениях регулярно собирают людей и проводят так называемую двухминутку ненависти (the Two Minutes Hate). Люди собираются у телеэкранов в строго назначенное время; увильнуть от этой процедуры невозможно.

Поскольку объектом нашего анализа является текст, то необходимо предварительно ввести некоторые ключевые понятия, связанные с ним. Фундаментальными категориями текста являются целостность и связанность. Целостность предполагает наличие единой семантической программы. Под текстом мы, вслед за М.И. Откупщиковой, понимаем «почти жестко фиксированную, передающую определенный связный смысл последовательность предложений, связанных

друг с другом семантически, что выражено различными языковыми способами» [6, с. 28]. Выделяется минимальная текстовая единица, микротекст, который имеет разные терминологические обозначения: сверхфразовое единство, сложное синтаксическое целое, абзац и др.

В фокусе изучения связности текста находятся связи между предложениями, входящими в микротекст. В лингвистике текста ученые выделяют два главных механизма построения межфразовых связей: зацепление и повтор. «Зацепление – наиболее элементарный способ реализации когезии. Он основан на использовании разного рода пограничных элементов – предлогов, союзных слов, союзов, частиц и т.п.» [7, с. 24–25].

Повтор большинством языковедов считается основным средством реализации межфразовых связей. Как справедливо отмечает М.И. Откупщикова, «повторение смысла – необходимое условие появления и существования текста» [6, с. 40]. Различают грамматический и лексико-семантический повторы. Грамматический повтор это прежде всего морфологическая соотнесенность словоформ, употребляемых в пределах сверхфразового единства. Сюда относятся межфразовое согласование имен и соотнесенность видовременных глагольных форм. Центральным способом соединения предложений в тексте считается лексико-семантический повтор. Основной механизм его реализации – замещение, или субституция, в ходе которой происходит «преобразование замещаемого в заместителе под влиянием грамматических свойств последнего» [6, с. 55].

«Повтор никогда не бывает механическим, – считает З.Я. Тураева. – Он связан с глубинным смыслом текста. Одним из основных факторов, создающих интегрированное единство текста, является прагматическая установка автора. Она отражает авторское мироощущение, ей подчинены все характеристики текста, его композиционно-смысловая и семантическая структура» [8, с. 50].

Наш анализ отрывка из романа Дж. Оруэлла базируется на принципах и методах стилистики декодирования, разработанной И.В. Арнольд, по мнению которой, язык с его многочисленными уровнями является целой системой кодов. Она проводит различие

между стилистикой от автора и стилистикой восприятия (декодирования). Объектом стилистики декодирования является целостный текст. Как пишет И.В. Арнольд, «отдельные стилистические приемы, типы выдвижения, функционально-стилистические пласты лексики и другие подобные вопросы входят в стилистику декодирования не как самоцель, а как расчленение всей задачи в целом на ее составные компоненты. . .» [1, с. 32]. Таким образом, декодирование осуществляется на уровне фонетики, лексики, грамматики, но в отличие от лингвостилистики эти разделы изучаются не на отдельных предложениях, а на относительно целостных текстах – отрывках из художественных произведений, поскольку о предсказуемости того или иного элемента можно судить только в сопоставлении со структурой целого.

Современные зарубежные лингвисты также различают позицию автора текста и восприятие его читателем. А. Бизрд пишет: «Тексты создаются авторами, которые живут в общественно-политическом мире своего времени, и мы получаем лучшее представление об их произведениях, если принимаем во внимание эти контексты. Иногда ошибочно утверждается, что тексты в определенной мере являются самодостаточными, существуя в своем собственном мире, и поэтому свободны от внешнего влияния» [9, с. 3]. И далее: «Текст не может существовать независимо от читателей, которые воссоздают этот текст посредством своих культурно обусловленных взглядов и отношений к нему. Каждый читатель воссоздает текст, читая и перечитывая его, ибо нет идентичных прочтений» [Там же, с. 4]. Такого же мнения придерживается Э. Блэк: «Мы находимся в мире (относительно) неустойчивых значений; роль читателя – это роль интерпретатора, а не просто пассивного реципиента» [10, с. 13]. Аналогичные воззрения мы видим и у многих других зарубежных лингвистов [11, с. 6; 12, с. 5; 13, с. 21].

Авторы данной работы также занимались отдельными вопросами этого направления стилистики [2; 3; 4].

Для стилистического анализа был взят отрывок из указанного романа Дж. Оруэлла, который представляет собой относительно законченный текст. Целостность данного текста обеспечивается идеей психоло-

гического накачивания людей чувством ненависти и использованием манипулятивных средств давления. В этом и состоит его смысл. При этом мы исходим из положения, что «смысл – это не нечто аморфное, а более или менее строго организованная сущность» [5, с. 5].

В изображении автора романа вся двухминутка ненависти четко разделяется на временные фазы (тридцатисекундные отрезки), результаты которых заранее просчитаны организаторами данного действия. Рассмотрим начальную фазу: *The next moment a hideous, grinding speech, as of some monstrous machine running without oil, burst from the big telescreen at the end of the room. It was a noise that set one's teeth on edge and bristled the hair at the back of one's neck. The Hate had started* [15, с. 17].

На зрителей обрушивается неприятный ужасающий шум как от какой-то чудовищной машины, работающей без смазки. Это – начало речи Голдстайна, однако слово *speech* сопровождается эпитетами *hideous* и *grinding*, что дает представление о весьма негативном впечатлении слушателей от этого начала, и этот эффект поддерживается сравнением с ржавой машиной, издающей скрежет. Второе предложение содержит стереотипные фразеологизмы, передающие крайне отрицательные чувства по отношению к воспринимаемым звукам. В последнем предложении абзаца содержится тематическое слово *hate*, которое своими связями и коннотациями пронизывает весь анализируемый отрывок, описывающий двухминутку ненависти. Также следует отметить метонимическое употребление существительного *hate*, которое приобретает в данном контексте семантический признак временной протяженности. Рассмотрим дальнейшее развитие событий.

As usual, the face of Emmanuel Goldstein, the Enemy of the People, had flashed on to the screen. (...) The programmes of the Two Minutes Hate varied from day to day, but there was none in which Goldstein was not the principal figure. He was the primal traitor, the earliest defiler of the Party's purity [15, с. 18]. Содержание и композиция данного абзаца отражают идею наличия стереотипных представлений в умах людей относительно фигуры Голдстайна, что, несомненно, является результатом повседневной официальной пропаганды.

Обстоятельство *as usual* в начальной позиции задает тон всему последующему повествованию. Голдстейн именуется Врагом Народа, что вызывает определенные ассоциации со сталинским режимом в СССР. Эта идея находит дальнейшее подкрепление в тех ярлыках, которые обычно приклеивали к репрессированным деятелям того периода – ренегат, отступник, главный предатель, осквернитель чистоты партии. Люди также знают, что Голдстейн был когда-то одной ведущих фигур в партии почти наравне с Большим Братом, но затем изменил революции, был приговорен к смерти, но таинственным образом скрылся. Предложение «The programmes of the Two Minutes Hate varied from day to day, but there was none in which Goldstein was not the principal figure» заключает в себе антитезу, а во второй его части противопоставление усиливается употреблением литоты – двойным отрицанием, которое придает всему высказыванию иронический оттенок. Таким образом, получается, что здравствующий враг народа очень полезен для властей как объект постоянной критики, на которого можно свалить все что угодно. В фигуре Голдстейна явно высвечивается реальный исторический деятель Советской России – Лев Троцкий, судьба которого была известна как автору, так и читателям романа того времени. Рассмотрим следующий фрагмент.

Goldstein was delivering his usual venomous attack upon the doctrines of the Party ... He was abusing Big Brother, he was denouncing the dictatorship of the Party, he was demanding the immediate conclusion of peace with Eurasia, he was advocating freedom of speech, freedom of the Press, freedom of assembly, freedom of thought... [15, с. 19]. Описание речи Голдстейна носит явно гротескный характер. Слово *attack* (атака, нападки) сопровождается эпитетом *venomous*, имеющим значения «ядовитый», «злобный», поэтому сочетание *venomous attack* имеет коннотацию «опасный, смертельный». Однако употребленный перед этим сочетанием эпитет *usual* нейтрализует такую коннотацию и низводит все на обыденный бытовой уровень: это привычные регулярные нападки, не способные причинить никакого вреда. Более того, повтор слова *attack* в сопровождении эпитетов *exaggerated*, *perverse* показывает «детский» характер таких нападков. Тем не менее, даль-

ше следует антитеза *and yet just plausible enough*, в которой сквозит ирония автора по поводу надуманной тревоги обывателя, обеспокоенного тем, что найдутся менее сообразительные, чем он сам, люди, которые могут попасться на крючок врага.

Во втором предложении мы видим синтаксические повторы: *He was abusing... he was denouncing... he was demanding... he was advocating...* Все это создает впечатление несвязной речи в виде скороговорки, которая не может восприниматься всерьез даже непредубежденными зрителями. Последняя конструкция: *he was advocating...* дополнена повторами словосочетания со стержневым словом *freedom* – *freedom of speech, freedom of the Press, freedom of assembly, freedom of thought*. Все это составляет неотъемлемые права подлинно демократического общества, которые являются результатом борьбы людей за свои идеалы. Однако в условиях тоталитарного государства эти свободы становятся наименованиями государственных преступлений, и именно так они воспринимаются зрителями мероприятия под названием «двухминутка ненависти». Это является наглядным примером зомбирования людей путем бесконечного повторения основных лозунгов Партии, один из которых гласит: *Freedom is slavery*. Таким образом, понятие свободы извращено идеологами Партии и превращено в свою противоположность.

Концовка данного развернутого предложения представляет собой антиклимакс (убывание степени градации качества) и приводит к снижению пафоса, созданного предыдущим климаксом (нарастанием, т.е. интенсификацией качества). Здесь сквозит ирония автора: речь Голдстейна очень напоминает стиль ораторов Партии и содержит много слов из новояза (*Newspeak*), что маловероятно для таких противников режима, как Голдстейн. Все это наводит на мысль о постановочном фарсе для не рассуждающих людей, готовых проглотить любую глупость, предложенную властями [15, с. 19].

К концу первой тридцатисекундной фазы наблюдаются запрограммированные реакции зрителей на происходящее на телеэкране:

Before the Hate had proceeded for thirty seconds, uncontrollable exclamations of rage were breaking out from half the people in the

room. The self-satisfied sheep-like face on the screen, and the terrifying power of the Eurasian army behind it, were too much to be borne ... [15, с. 19–20]. Вновь подчеркивается протяженность чувства ненависти во времени (the Hate proceeded for thirty seconds), указаны объекты ненависти (Goldstein, Eurasia, Eastasia). Индуцируемая ненависть искажает адекватное восприятие наблюдаемых на экране вещей: лицо Голдстейна выглядит самодовольным и овцеподобным, а мощь евразийской армии представляется чудовищно ужасающей. Соединение этих образов сочинительной связкой *and* в единое словосочетание явным образом вызывает мысль о волке в овечьей шкуре. Однако здесь вмешивается сам автор, и мы чувствуем его сарказм по поводу всего происходящего.

But what was strange was that although Goldstein was hated and despised by everybody, although every day and a thousand times a day, on platforms, on the telescreen, in newspapers, in books, his theories were refuted, smashed, ridiculed, held up to the general gaze for the pitiful rubbish that they were – in spite of all this, his influence never seemed to grow less. Always there were fresh dupes waiting to be seduced by him. A day never passed when spies and saboteurs acting under his directions were not unmasked by the Thought Police. (...) [15, с. 20]. В авторском повествовании союз *but* радикально меняет всю картину. В первом предложении наблюдается кумуляция стилистических средств. Здесь и синтаксические параллелизмы с лексическими повторами (*although Goldstein was hated and despised by everybody, although... his theories were refuted*), и гиперболы (*every day and a thousand times a day*), и употребление в пассивной форме глагольных предикатов, семантически связанных с тематической группой со значением «ненависть», и расположение этих глаголов в порядке нарастания степени нетерпимости (*refuted, smashed, ridiculed, held up for the pitiful rubbish*). Однако достигнутая кульминация неожиданно опрокидывается и возникает эффект обманутого ожидания. Кажущиеся первоначально всеобщими ненависть и презрение, проповедуемые во всех мыслимых местах и пространствах (*on platforms, on the telescreen, in newspapers, in books*) неожиданно подвергаются развенчанию: не-

смотря на гигантские усилия пропаганды против учения Голдстайна, его влияние нисколько не снижается. Напротив, число его сторонников растет, и это подчеркивается инверсией в предложении *Always there were fresh dupes waiting to be seduced by him*. Потенциальные сторонники Голдстайна иронично называются *fresh dupes* (свежие простофили), они якобы только и ждут, когда их совратит Голдстайн. Иронией пронизано и следующее предложение, начинающееся гиперболой (*A day never passed...*) и заканчивающееся двойным отрицанием (литотой) (*... were not unmasked...*), которое развивает идею постоянного роста числа сторонников Голдстайна: ибо кого же в противном случае разоблачает каждодневно Полиция Мысли?

Вторая часть абзаца состоит из предложений, объединенных идеей смутной веры в существование тайной подрывной организации, во главе которой и стоит пресловутый Голдстайн. Почти все эти предложения содержат составное именное сказуемое с глагольной связкой *was (were)*: *He was the commander...*, *its name was...*, *there were stories*, *Goldstein was the author...*, *it was a book...*, *the book was a subject...*, *there was a way...* В каждом предложении мы видим набор слов с семантическим компонентом «тайный, скрытый»: *shadowy army*, *underground network of conspirators*, *whispered stories*, *a terrible book*, *compendium of all heresies*, *circulated clandestinely*, *vague rumours*. Слово *brotherhood*, попав в эту тематическую сетку, получает значение «тайное братство», которое отсутствует в его исходном словарном значении. У этого тайного братства имеется своя «священная» книга, книга без названия. Эту ужасную книгу, автором которой считают Голдстайна, стараются не упоминать рядовые члены партии: она внушает суеверный ужас, хотя о ее содержании мало что известно.

Таким образом, в рассмотренном абзаце мы видим личность Голдстайна как бы изнутри мифологизированного сознания людей, задавленных чудовищными условиями существования в тоталитарном государстве. Вопреки оголтелой госпропаганде (а может быть и благодаря ей?) фигура Голдстайна предстает в виде эпического героя, который борется с угнетателями народа. Однако все это остается на

уровне подсознания, а в реальной действительности люди вынуждены демонстрировать полную лояльность к существующему режиму.

Тем временем наступает вторая минута отмеренного периода двухминутки ненависти. Поведение людей становится совершенно управляемым: In its second minute the Hate rose to a frenzy. People were leaping up and down in their places and shouting at the tops of their voices in an effort to drown the maddening bleating voice that came from the screen. The little sandy-haired woman had turned bright pink, and her mouth was opening and shutting like that of a landed fish. The dark-haired girl behind Winston had begun crying out *Swine! Swine! Swine!* and suddenly she picked up a heavy Newspeak dictionary and flung it at the screen. It struck Goldstein's nose and bounced off; the voice continued inexorably [15, с. 21].

Слово *frenzy* определяется в словаре The All Nations English Dictionary как «violent excitement» [14, с. 254], т.е. безумие, бешенство. Это состояние крайнего возбуждения, когда человек не отдает себе отчета в своих поступках, и его поведение может быть агрессивным по отношению к окружающим: это антипод разумного поведения.

В вышеприведенном описании раздражителем является блеющий голос с экрана, который зрители пытаются заглушить неистовыми криками и прыжками на месте. Яркий динамизм и неистовство данной сцены передаются употреблением глаголов действия в форме Past Progressive: were leaping and shouting, her mouth was opening and shutting. Темноволосая девушка бросает тяжелый словарь в экран как в живого человека. В последнем предложении (It struck Goldstein's nose and bounced off; the voice continued inexorably) мы видим бессоюзное соединение обеих частей, т.к. опущен союз *yet*. Противопоставление здесь чисто смысловое. Именно отсутствие союза создает комический эффект: словарь ударяет Голдстейна по носу и отскакивает, но голос Голдстейна невозмутимо продолжает вещать свое.

Главный герой романа Уинстон Смит, который также присутствует на этом сеансе ненависти, в минуту просветления обнаруживает, что он, как и все остальные, ведет себя как безумец:

In a lucid moment Winston found that he was shouting with the others and kicking his heel violently against the rung of his chair [15, p. 21]. Далее

следует авторский комментарий: The horrible thing about the Two Minutes Hate was not that one was obliged to act a part, but, on the contrary, that it was impossible to avoid joining in. Within thirty seconds any pretence was always unnecessary. A hideous ecstasy of fear and vindictiveness, a desire to kill, to torture, to smash faces in with a sledge-hammer, seemed to flow through the whole group of people like an electric current, turning one even against one's will into a grimacing, screaming lunatic. And yet the rage that one felt was an abstract, undirected emotion ... [15, p. 21].

Слово *horrible* здесь является ключевым: его значение так или иначе заложено не только в лексических единицах последующих предложений, но обнаруживается также и в их синтаксических структурах. Первое предложение формулирует в обобщенном виде главный посыл и смысл двухминутки ненависти. Первое, ключевое слово индуцирует, распространяет значение «ужас» на существительное *hate* и глагольную форму *was obliged*.

Слово *hate* определяется в словаре как «a strong feeling of dislike» [14, p. 293], т.е. в нем уже заложена отрицательная коннотация. Наведение на него ключевого слова *horrible* многократно усиливает эту коннотацию по степени интенсивности данного чувства. В то же время *hate* в сочетании the Two Minutes Hate употребляется метонимически: это не просто ненависть как таковая, но процедурная ситуация, призванная вызвать у людей чувства отвращения, ярости, агрессивности по отношению к врагам режима, стремление их уничтожить. В сочетании *one was obliged* к значению «принуждение» добавляется оттенок чудовищности такого состояния «вынуждать кого-либо притворяться, быть неискренним». С синтаксической точки зрения, это сложноподчиненное предложение с двумя однородными придаточными, противопоставленными друг другу союзом *but*. Оба придаточных предложения содержат отрицание, но если в первом из них наличествует чисто грамматическое отрицание (отрицательная частица *not*), то во втором придаточном мы имеем два отрицания: в виде отрицательного префикса *im-* в слове *impossible*, и лексическое отрицание в слове *avoid*. *Avoid* определяется в словаре как «to stay away from» [14, p. 39]; соответственно, *to avoid joining in* означает «воздерживаться, не

принимать участия в каком-либо действе». Отрицательный потенциал второго придаточного значительно превосходит таковой в первом придаточном, так как двойное отрицание, заложенное в единицах разного уровня (морфологическом и лексическом) является более мощным в плане воздействия на сознание человека. Помимо того, контраст между двумя придаточными усиливается добавлением к союзу *but* именной группы *on the contrary*. Таким образом, в первом предложении абзаца подчеркивается мысль о невозможности сознательно притворяться лояльным, поскольку каждый участник как бы захвачен общим энергетическим потоком сознания, текущим в заданном направлении. Второе предложение абзаца уточняет временные параметры достижения этого результата и вновь используется отрицательная форма прилагательного (*unnecessary*), которая говорит об отсутствии необходимости прямого жесткого давления на сознание участников собрания: все идет своим чередом, в заданном направлении.

Третье предложение начинается с оксюморонного сочетания – *A hideous ecstasy of fear and vindictiveness*. Слово *ecstasy* в словаре определяется как «a feeling of intense delight» [14, p. 196], т.е. экстаз, состояние крайней степени восторга, доходящего до иступления. Прилагательное *hideous* имеет значение «very ugly; frightful» [14, p. 301], т.е. ‘отвратительный, страшный, ужасный’. Таким образом, в сочетании *a hideous ecstasy* превалирует значение ключевого слова *horrible* (как и в предыдущих предложениях). В зависимой от существительного *ecstasy* атрибутивной группе *of fear and vindictiveness* также наблюдается отношение контраста между *fear* и *vindictiveness*. Так, *fear* определяется как «the feeling caused by the nearness of danger or the possibility of something bad happening», т.е. в этом состоянии человек пассивно ожидает возможных неприятностей, ничего не предпринимая (физически или ментально). А существительное *vindictiveness* имеет значение «strong inclination toward revenge; desire to harm someone who has harmed oneself». [14, p. 722]. Отсюда следует, что установка на месть другому (другим) имплицитно реализацию своих намерений, хотя последняя может и не состояться по каким-либо причинам. Последующее перечисление желаний людей (*a desire*

to kill, to torture, to smash faces) выявляет их крайне деструктивный, разрушительный характер. Этот набор низменных инстинктов в каждом из участников возникает как бы от поражения электрическим током, превращая их в сумасшедших нелюдей.

Тем не менее, и здесь автор прибегает к методу контраста, как бы дезавуируя все вышесказанное. Мягкое противопоставление, начинающееся с *and yet*, демонстрирует слабое место в методике жесткого воздействия на психику человека: вызываемые отрицательные эмоции могут быть переключены с одного объекта на другой, не предусмотренный заранее авторами данного сеанса. Именно это мы видим в случае с Уинстоном Смитом: Thus, at one moment Winston's hatred was not turned against Goldstein at all, but, on the contrary, against Big Brother, the Party, and the Thought Police; and at such moments his heart went out to the lonely, derided heretic on the screen, sole guardian of truth and sanity in a world of lies. And yet the very next instant he was at one with the people about him... At those moments his secret loathing of Big Brother changed into adoration, and Big Brother seemed to tower up, an invincible, fearless protector, standing like a rock against the hordes of Asia... [15, p. 22].

В какой-то момент Уинстону удается переключить свою ненависть с Голдстайна на Большого Брата, его партию и полицию мысли. Союз *but* здесь свидетельствует именно о резком повороте, грубом противопоставлении Голдстайна Большому Брату. Одновременно меняется его восприятие Голдстайна: вместо карикатурного создания в сознании Уинстона возникает трагическая фигура непонятого, оболганного человека. Голдстайн высокопарно называется единственным проповедником (проводником) правды и здравомыслия в мире лжи. Тем не менее, начало следующего предложения (*and yet*) говорит об очередной смене декораций: разум Уинстона вновь капитулирует перед всеобщим безумием окружающих его бесноватых людей. Ненависть к Большому Брату сменяется его обожанием, и теперь уже именно Большой Брат характеризуется в возвышенных тонах (*tower up, invincible, fearless protector*), он возвышается мощной скалой, преградой перед азиатскими ордами. Но

даже при всем этом фигура Голдстайна остается источником опасности для режима Большого Брата: вновь автор прибегает к контрасту «in spite of his isolation, his helplessness ... (he) seemed capable by the mere power of his voice of wrecking the structure of civilization».

Итак, мы видим парадоксальное на первый взгляд контрастное восприятие двух образов – Большого Брата и его оппонента Голдстайна. Это противопоставление становится символическим. Большой Брат предстает в образе эпического богатыря, который смеет бесчисленные вражеские орды. Но при этом он ничего не может сделать с Голдстайном, который предстает в виде призрачного колдуна – заклинателя, способного своим блеющим голосом разрушить основы цивилизации. Под цивилизацией, очевидно, имеется в виду тоталитарная система Океании, на страже которой стоит бравый и несокрушимый Большой Брат. Вновь мы сталкиваемся с эффектом обманутого ожидания, создающим комический эффект.

Тем не менее, для Уинстона путем волевого усилия оказывается возможным сместить чувство ненависти с фигуры на экране на окружающих людей:

Suddenly, by the sort of violent effort with which one wrenches one's head from a pillow in a nightmare, Winston succeeded in transferring his hatred from the face on the screen to the dark-haired girl behind him. [15, p. 22]. Словно в горячечном бреде в его мозгу проносятся видения чисто садистского характера: He would flog her to death with a rubber truncheon. He would tie her naked to a stake and shoot her full of arrows like Saint Sebastian. He would ravish her and cut her throat at the moment of climax [15, p. 22].

Параллельные синтаксические конструкции сочетаются с лексико-семантическими повторами, обозначающими виды зверских убийств (flog her to death, shoot her full of arrows, cut her throat). Это вновь подтверждает мысль о том, к чему приводит зомбирование людей целенаправленным воздействием на их умы во время сеанса двухминутки ненависти. Даже такие относительно здравомыслящие персоны, как Уинстон Смит, не в состоянии противостоять сеансу массового гипноза, всеобщий бред токсичен для тех, кто оказывается среди возбужденной массы людей.

Но вот действие достигает своего апогея: The Hate rose to its climax. The voice of Goldstein had become an actual sheep's bleat, and for an instant the face changed into that of a sheep. Then the sheep-face melted into the figure of a Eurasian soldier who seemed to be advancing, huge and terrible. But in the same moment, drawing a deep sigh of relief from everybody, the hostile figure melted into the face of Big Brother, black-haired, black – moustachio'd, full of power and mysterious calm [15, p. 23].

На экране происходят прямо-таки волшебные превращения. Человеческий голос трансформируется в реальное бляение овцы, а человеческое лицо превращается в овечью морду. Затем овечья морда в свою очередь уступает место изображению вражеского солдата. Этот процесс трансформации передается в виде глагольной метафоры – melt (таять). Словарное значение глагола melt – ‘to cause a solid to become liquid by heating’ [14, p. 407]. Употребление его в тексте показывает, во-первых, недолговечность, непрочность позиции Голдстейна, который может легко «растаять» и, соответственно, перестать существовать, а во-вторых, напоминает о страшном волке, скрывающемся в овечьей шкуре, и вот он как чудовище выпрыгивает из экрана, наводя ужас на зомбированных зрителей. И вновь автор прибегает к методу контраста: союз *but*, с которого начинается следующее предложение, маркирует смену декораций, и ситуация меняется в «лучшую» сторону. Фигура врага на глазах у всех «тает», превращаясь в лицо Большого Брата. Его черные волосы и черные усы символизируют могущество и спокойствие, исходящие из таинственных источников. Большой Брат воспринимается как спаситель человечества, он произносит какие-то слова, но никто не вникает в их смысл: они априори являются магическими для его паствы, они обладают сверхъестественной силой. И далее на экране появляются три «сакральных» лозунга партии:

WAR IS PEACE

FREEDOM IS SLAVERY

IGNORANCE IS STRENGTH

Это знаменует конец двухминутки ненависти, однако еще тридцать секунд люди не могут выйти из гипнотического состояния и дружно издают звуки, напоминающие песнопения дикарей: At this

moment the entire group of people broke into a deep, slow, rhythmical chant of “B-B! B-B!” [15, p. 24]. Ритмическое распевание “B-B!” с длинной паузой внутри говорит о состоянии транса людей, которые как бы воспевают мудрость и величие своего вождя. Сокращение имени Big Brother до начальных букв напоминает суеверный страх дикарей перед именем своего вождя, на которое наложено табу и которое запрещается называть вслух, прилюдно.

Что касается Уинстона, то он в этой ситуации полностью владел собой и не поддавался всеобщему умопомешательству, хотя вынужденно участвовал в песнопении. Но при этом он ощущал ужас от того, что происходило вокруг него:

In the Two Minutes Hate he could not help sharing in the general delirium, but this sub-human chanting of “B-B!...B-B!” always filled him with horror. Of course he chanted with the rest: it was impossible to do otherwise [15, p. 24].

Итак, в заключительной части нашего отрывка мы видим возвращение к теме ненависти (ключевое слово *hate*) и ореол в виде лексико-семантических повторов того, что окружает данный концепт: *general delirium, subhuman chanting, horror*.

Таким образом, весь отрывок о процедуре двухминутки ненависти строится на принципе контраста: противопоставляются образы Большого Брата и его оппонента Голдстайна, главный герой Уинстон противостоит аморфной массе зомбированных обывателей, ложь противостоит правде. Противопоставление выражается соответствующим языковыми средствами: лексическими антонимами, синтаксическими антитезами, нарастанием и убыванием степени градации качества, оксюмороном, гиперболой, эффектом обманутого ожидания и др. На них накладываются многочисленные повторы всевозможных языковых единиц, что приводит к значительному усилению эффекта гнетущей атмосферы того общества, в котором вынуждены обитать персонажи романа «1984».

Список литературы

1. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка (Стилистика декодирования) Л.: Просвещение, 1981. 303 с.

2. Биккулов Ш.Ф. Несобственно-прямая речь как средство раскрытия внутреннего мира героев романа Сомерсета Моэма «The Painted Veil» // Вопросы современной филологии в контексте взаимодействия языков и культур. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. С. 38–43.
3. Биккулова Н.М. К вопросу об интерпретации рассказа Ф.Кафки «Превращение» // 80 лет высшему образованию Оренбуржья. Материалы научно-практической конференции. Оренбург, 1999. С. 77–79.
4. Биккулова Н.М. Функции политической метафоры в публицистическом тексте // Общественные науки. 2017. № 2, т. 2. С. 317–325.
5. Брандес М.П., Провоторов В.И. Предпереводческий анализ текста. М.: НВИ – ТЕЗАУРУС, 2001. 224 с.
6. Откупщикова М.И. Синтаксис связного текста. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. 104 с.
7. Седов К.Ф. Дискурс и личность. М.: Лабиринт, 2004. 318 с.
8. Тураева З.Я. Лингвистика текста. М.: Просвещение, 1986. 126 с.
9. Beard A. *Introducing Literature and Language Study*. L.&N.Y.: Routledge, 2001. 164 p.
10. Black E. *Pragmatic Stylistics*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006. 166 p.
11. Chapman S., Clark B. (eds). *Pragmatic Literary Stylistics*. L.: Palgrave Macmillan, 2014. 228 p.
12. Ehrlich S. *Point of View. A Linguistic Analysis of Literary Style*. L.&N.Y.: Routledge, 1990. 132 p.
13. Leech G. *Language and Literature. Style and Foregrounding*. L.&N.Y.: Routledge, 2013. 183 p.
14. *The All Nations English Dictionary*. Pasadena: ALL NATIONS, 1990. 756 p.
15. Orwell G. 1984. СПб.: КАРО, 2014. 384 с.

References

1. Arnold I.V. *Stilistika sovremennogo angliyskogo yazyka (Stilistika dekodirovaniya)* [Stylistics of Modern English (Decoding Stylistics)]. Leningrad: Prosveshcheniye, 1981. 303 p.

2. Bikkulov S.F. Nesobstvenno-pryamaya rech kak sredstvo raskrytiya vnutrennego mira geroyev romana Somerseta Moema “The Painted Veil” [Free Indirect Discourse as Means of Disclosing the Inner World of the Characters of Somerset Maugham’s Novel “The Painted Veil”]. *Voprosy sovremennoy filologii v kontekste vzaimodeystviya yazykov I kultur* [Questions of contemporary philology in the context of the interaction of languages and cultures]. Orenburg: OGPU Press, 2016, pp. 38–43.
3. Bikkulova N.M. K voprosu ob interpretatsii rasskaza F. Kafki “Prevrashcheniye” [To the Problem of Interpreting F. Kafka’s Story “The Metamorphosis”]. *80 let vysshemu obrazovaniyu v Orenburzhye. Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [80 years to higher education in Orenburg. Materials of the scientific-practical conference]. Orenburg, 1999, pp. 77–79.
4. Bikkulova N.M. Funktsii politicheskoy metafory v publitsisticheskom tekste [Functions of the Political Metaphor in Publicistic Text]. *Obshchestvennyye nauki*. 2017. № 2, v. 2, pp. 317–325.
5. Brandes M.P., Provotorov V.I. *Predperevodcheskiy analiz teksta* [Pre-translational Analysis of the Text]. Moscow: NVI – TEZAURUS, 2001. 224 p.
6. Otkupshchikova M.I. *Sintaksis svyaznogo teksta* [The Syntax of Connected Text]. Leningrad: LGU Press, 1982. 104 p.
7. Sedov K.F. *Diskurs i lichnost* [Discourse and Personality]. Moscow: Labirint, 2004. 318 p.
8. Turayeva Z.Y. *Lingvistika teksta* [Linguistics of Text]. Moscow: Prosveshcheniye, 1986. 126 p.
9. Beard A. *Introducing Literature and Language Study*. L& N.Y.: Routledge, 2001. 164 p.
10. Black E. *Pragmatic Stylistics*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006. 166 p.
11. Chapman S., Clark B. (eds). *Pragmatic Literary Stylistics*. L.: Palgrave Macmillan, 2014. 228 p.
12. Ehrlich S. *Point of View. A Linguistic Analysis of Literary Style*. L.&N.Y.: Routledge, 1990. 132 p.

13. Leech G. Language and Literature. Style and Foregrounding. L.&N.Y.: Routledge, 2013. 183 p.
14. The All Nations English Dictionary. Pasadena: ALL NATIONS, 1990. 756 p.
15. Orwell George. 1984. St. Petersburg: KARO, 2014. 384 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Биккулов Шамиль Фаритович, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и МПАЯ
Оренбургский государственный педагогический университет
ул. Советская, 19, г. Оренбург, 460014, Российская Федерация
shamilbikkulov@mail.ru

Биккулова Нурия Мингазетдиновна, кандидат филологических наук, доцент романо-германской филологии и МПИЯ
Оренбургский государственный педагогический университет
ул. Советская, 19, г. Оренбург, 460014, Российская Федерация
nurmingaz2013@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Bikkulov Shamil Faritovich, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of English and MTEL
Orenburg State Pedagogical University
19, Sovetskaya St., Orenburg, 460014, Russian Federation
shamilbikkulov@mail.ru

Bikkulova Nuriya Mingazetdinovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Roman-Germanic Philology and MTFL
Orenburg State Pedagogical University
19, Sovetskaya St., Orenburg, 460014, Russian Federation
nurmingaz2013@yandex.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-1-78-94

УДК 808

**ФИГУРЫ КОНТРАСТА В МЕДИАТЕКСТЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)**

*Высоцкая И.В., Пром Н.А., Йованович Т.Г.,
Алексеев Н.В.*

Данная статья рассматривает прагматический потенциал фигур контраста. Источниками материала исследования послужили немецкие и российские спортивные издания, а также газеты, содержащие рубрику «Спорт». Предметом анализа выступает прагматический потенциал контрастного описания на материале спортивного немецкого и русского дискурса. Целью исследования стало определение прагматических функций контраста в медиатексте. В ходе исследования использованы стилистический анализ и прием количественного подсчета. Результатами работы стало выделение языковых средств, послуживших основой для контраста, и определение функционального спектра фигуры контраста в массмедийном тексте. Анализ показал, что контраст в значительной степени представлен антитезой, в частности, она оказалась наиболее востребованной в спортивном репортаже. Менее частотны в исследовании паронимы и другие. Контраст может быть усилен авторскими метафорическим и метонимическим переносами и синтаксическими средствами: повторами, синтаксическим параллелизмом, сравнением и другими. Контрастное описание представляет собой сильное прагматическое средство создания яркого изобразительного и комического эффекта, оценочности, скрытого поучения, а также реализации аттрактивной функции текста. Поскольку при сопоставлении материала в немецком и русском языках количественные и качественные показатели имеют близкие значения, представленные выводы могут считаться релевантными для обеих лингвокультур. Следовательно, результаты исследования могут быть учтены при описании прагматических особенностей

в целом и при сопоставительных описаниях немецкого и русского медиадискурсов.

Ключевые слова: медиадискурс; прагматический эффект; функции; контраст; антитеза; синтаксический параллелизм.

FIGURES OF CONTRAST IN THE MEDIA TEXT (AS BASED ON THE MATERIAL OF THE GERMAN AND RUSSIAN LANGUAGES)

*Vysotskaya I.V., Prom N.A., Yovanovitch T.G.,
Alekseenko N.V.*

This article considers the pragmatic potential of the figures of contrast. German and Russian sport publications and newspapers with the Sport column were used as the sources for the research material. The subject under analysis is the pragmatic potential of contrast description on the material of the German and Russian discourse. The research purpose is to identify the pragmatic functions of contrast in the mediatext. The authors used stylistic analysis and quantitative estimation in the research study. The results of the work are the identification of language tools that served as the basis for contrast and definition of the functional spectrum of the figures of contrast in the mass media text. The analysis has shown that the contrast is largely represented by antithesis; in particular, it turned out to be the most in demand in sports reporting. Less frequent in the study were paronyms. The contrast can be amplified by author's metaphorical and metonymic transfers and syntactic means: repetitions, syntactic parallelism, comparison and others. The contrast description is a powerful pragmatic means of creating a bright visual and comic effect, evaluation, hidden teachings, as well as the realization of an attractive text function. As in the process of the material comparison in the German and Russian languages, qualitative and quantitative indexes turned out to be approximative, the given conclusions may be considered relevant for both linguocultures. Consequently, the research results can be taken

into consideration in the context of pragmatic peculiarities description in general and in the context of the German and Russian media discourses descriptions.

Keywords: *media discourse; pragmatic effect; functions; contrast; antithesis; syntactic parallelism.*

Введение

Современный медиадискурс тщательно изучается различными направлениями гуманитарного знания. Особый интерес представляет воздействующий потенциал медиатекста. Эффективное воздействие на читателя успешно выполняет семантическая категория, основанная на противопоставлении [5, с. 134]. Фигуры контраста не являются распространенными, тем не менее, они представляют интерес для понимания и оценки стилистики текста, особенно в медиадискурсе [10; 15; 16; 17; 18]. Контрастное противопоставление в любой жизненной сфере способно подчеркнуть, сделать понятными отдельные свойства предмета или явления, незаметные при обычных обстоятельствах, поэтому в речи часто используется автором сообщения с разъяснительной целью.

Целью предлагаемой статьи является рассмотрение прагматического потенциала контраста. Для этого были отобраны тексты одного речевого жанра, а именно, спортивного репортажа в газетном тексте, с последующим проведением стилистического анализа на наличие контрастного предоставления информации. Далее произведен подсчет выявленных единиц и выделены типы контраста по способу его выражения, а также определены его прагматические функции.

Вопрос природы контраста является, несомненно, дискуссионным. Ряд исследователей [12; 13] рассматривают контраст как отношение. Другим он видится как [11] прием. В некоторых работах [1; 4] контраст определяется как организующий принцип, а именно, как принцип организации языковых/речевых реалий и изобразительно-выразительных средств (тропов и стилистических фигур), способствующих усилению прагматики речи, а значит, и повышению эффективности общения в целом [3]. Для нашей работы дан-

ный подход представляется наиболее релевантным, поскольку он предлагает комплексное осмысление фигур принципа контраста, учитывая особенности их структуры, семантики и специфики функционирования в публицистике.

Материалы и методы

Источниками нашего материала исследования послужили немецкие и российские спортивные издания и газеты, содержащие рубрику «Спорт». Это «Советский спорт» (далее – СС), «Спорт экспресс» (далее – СЭ), «Спорт-ревью», «Коммерсант», «Spiegel», «Welt», «Sueddeutsche Zeitung» (далее – SdZ), «Frankfurter Allgemeine Zeitung» (далее – FAZ), «Bild». Мы выбрали 60 русских и 60 немецких газетных текстов в жанре спортивного репортажа. Стилистический анализ позволил выявить все случаи контрастной организации языковых единиц [8, с. 147–139]. Результаты подсчетов и анализа полученных единиц приведены далее.

Результаты

Русский материал насчитывает 62 и немецкий 79, всего 141 единица. Количественные данные показывают, что использование контраста в немецком и русском медиадискурсах сопоставимо, поэтому выводы, представленные в данной статье актуальны для обеих лингвокультур. По типу значения были выделены две группы контраста: с прямым и переносным значениями. Важно отметить, что эти группы имели почти равные объемы. Фигуры контраста на основе прямого значения составили 109 единицы: 62 русских и 47 немецких единицы. Остальные фигуры контраста (32 единицы: 15 русских и 17 немецких единиц) имели производное значение, то есть метафорическое либо метонимическое. Материал в немецком и русском языках был сопоставлен как по количественному, так и по качественному показателям.

Объектами противопоставления, как организационного принципа, могут быть различные средства, из которых в нашем материале выявлены однокоренные слова, синонимы и антонимы.

Основными фигурами контраста, выделенными в нашем материале исследования, являются антитеза и аллеотота. Участие данных фигур в формировании контраста можно представить в виде диаграммы на Рисунке 1.

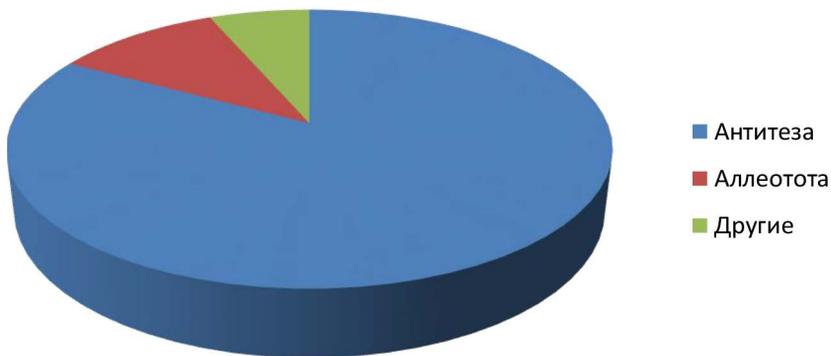

Рис. 1. Фигуры речи, участвующие в формировании контраста

На рисунке показано, что самую многочисленную группу фигур контраста (117 единиц, что составляет 83% нашей выборки) образует антитеза. Вторая группа контрастных средств (10,6%) включает аллеототу и насчитывает 15 единиц. Такие способы создания контраста, как синонимы (3 единицы), указания на крайние точки (2 единицы) и один пароним мы отнесли в группу «другие» в силу их незначительного количества.

Стилистические средства выражения контраста

Антитеза основана на противопоставлении положений, образов и понятий, для чего часто использует антонимы [10, с. 223]. Для ее создания используются антонимы следующих типов:

а) общеязыковые антонимы: *Игра амбициозного «Спартака» на фоне скромных «Химок» не смотрится* [баскетбол, СЭ, 31.03.08]. *«Ihr habt hier unter Beweis gestellt, daß euer Weg in der zweiten Liga wieder nach oben führen wird». Doch für den Moment fühlten sich die Lübecker ganz unten angekommen* [футбол, FAZ, 18.03.04]. – «Вы доказали, что ваш путь во второй лиге снова ведет наверх». Но на

данный момент любекцы чувствовали, что приехали как раз вниз. HSV-Star Rafael van der Vaart tief enttäuscht: ... Russen-Star Arshavin dagegen glücklich: ... – Звезда HSV [гамбургского спортивного союза] Рафаэль Ван дер Ваарт глубоко разочарованно: ... Русская звезда Аршавин напротив счастливо ...;

б) контекстуальные антонимы: *Игроки и тренеры итальянской команды замирают на скамейке, а зрители, напротив, вскакивают со своих мест* [волейбол, СС, 14.02.08]. *Manche unserer Profis halten sich für große Spieler, aber sie haben sich heute als ganz kleine Lichter entpuppt* [футбол, FAZ, 7.04.01]. – *Некоторые наши профессионалы считают себя большими игроками, но сегодня они оказались совсем маленькими огоньками-светилами.*

В лингвистике описаны многочисленные разновидности антитезы: апофонема, антаногога, диатеза и др. Данную детализацию в рамках нашего исследования считаем избыточной, поскольку имеющийся материал позволяет иллюстрировать лишь незначительную часть видов описываемой фигуры речи.

Антитеза – довольно сильное стилистическое средство, несомненно, обладающее аттрактивным свойством, подвергается авторскому усилению. Распространенным способом усиления выступают метафорический и метонимический виды переноса (32 единицы): Ахатова бережется – Юрьева рвется в бой [биатлон, СС, 15.02.08].

Immer wieder hat er im Laufe der Saison Personal und Taktik ohne große Not, aber mit viel Verve durcheinander gewirbelt, doch in Monaco endete das Vabanquespiel mit dem Bankrott. ... Anstatt der erhofften Auswärtstore fielen zwei Kontertreffer für Monaco. «Ranieri hat im Schatten des Casinos alles auf Blau gesetzt, es kam aber Rot» [футбол, SdZ, 22.04.04]. – *Снова и снова по ходу сезона без особой нужды, но зато с большим воодушевлением он беспорядочно вертел игроками и тактикой, однако в Монако игра ва-банк закончилась банкротом. ... Вместо ожидаемых голов на чужом поле выпали два контргола в пользу Монако. «Раньери в тени казино все поставил на синее, а вышло красное». Связь сфер спорта и казино возможна на основа-*

нии единой семьи «игра» и имеет негативную оценку, так как говорит о неприемлемой в работе тренера безответственности либо нервозности. Результатом этого становится то, что часто происходит в казино – *игра ва-банк закончилась банкротом, голы выпали в пользу соперника. Раньери в казино все поставил на синее, а вышло красное*, т.е. его команда в синей форме (= его ставка) проиграла марокканским футболистам в красной форме. Здесь прослеживается сложное, но в то же время удачное сочетание метафоры (игра в казино) и метонимии (ставки на *синее* → игроков в синей форме и *красное* → игроков в красной форме). В этом свете досрочная отставка тренера кажется читателю справедливой. Другими словами, в этом примере антитеза, в основе которой лежит синекдохический перенос *символический цвет команды* → команда, усилена метафорической сферой-донором казино.

Антитеза обладает более яркой выраженностью, будучи включенной в стилистически окрашенные синтаксические конструкции. Материал нашего исследования демонстрирует следующие синтаксические средства усиления контрастного употребления:

- отрицание противоположного (20 единиц): *Три круга проехала... Даже не проехала – пролетела!* [биатлон, СС, 15.02.08]. Компонентами отрицательной антитезы могут выступать целые предложения: *Рождением выдающейся биатлонистки Юрьевой я назвала бы не вчерашний фантастический финиш. И даже не момент, когда к ликованию российских болельщиков биатлонистка уверенно захлопнула двадцатую мишень из 20. А те 20 с небольшим секунд на втором стрелковом рубеже, в течение которых Катя пережидала порыв ветра, готовясь сделать пятый выстрел* [биатлон, СС, 15.02.08]. *Eine Sensation. Wie das kam? Bogstra lächelt bloß: «Sie wissen schon. Weil wir keinen Star, aber eine tolle Mannschaft hatten. Sie war der Star»* [футбол, Handelsblatt, 6-7.04.01]. – *Сенсация. Как это случилось? Богстра [тренер] только улыбается: «Вы уже знаете. Потому что у нас нет звезды, но у нас есть команда. Она была звездой»;*

- различного рода повторы (17 единиц), лексической основой которых часто являются однокоренные антонимы: *От взрыва эмоции кажется, что «Петровский» не доживет до возведения своего 60-тысячного сменщика на Крестовском острове. Но арена, построенная в 20-х годах прошлого века, выдерживает. Не выдерживают зрители, которые теперь жаждут крови «Вильярреала»* [футбол, СС, 14.02.08]. *Nach vorn spielt Real außerirdisch - aber hinten haben sie ganz irdische Schwächen!* [футбол, Bild, 23.02.04]. – *Впереди Реал играет неземной футбол, но сзади у него вполне земные слабости!*;
- синтаксический параллелизм (11 единиц): *Конечно, события 5-го тура нет-нет да и воскрешали мысль о том, что для белгородцев, сколько бы они ни проигрывали, все равно ничего не потеряно, а для одиновцев, сколько бы они ни вели в счете, наоборот, не выиграно* [волейбол, СЭ, 01.11.08]. *Erbaut in Jahrzehnten, erstürmt in 60 Minuten* [футбол, FAZ, 18.03.04]. – *Построено за десятилетия, взято штурмом за 60 минут.* В русском переводе параллелизм не всегда возможно передать. *Das Herz haben wir heute gehabt, aber das Glück hatte uns verlassen* [футбол, FAZ, 18.03.04]. – *Сердце у нас сегодня было, а счастье нас покинуло;*
- сравнение (4 единицы): *В заключительной трети матча шансов у хозяев увеличить преимущество больше, чем у гостей сократить разрыв в счете* [хоккей, СС, 24.03.08]. *Plötzlich scheint die Frankfurter Kopie besser als das Kölner Original* [хоккей, FAZ, 19.03.04]. – *Вдруг франкфуртская копия оказывается лучше, чем кельнский оригинал.* Метафорический перенос здесь нуждается в пояснении: хоккейная команда из Кельна использует те же приемы игры, что и франкфуртская команда, но, как оказывается, более эффективно.

Однокоренные слова, лежащие в основе противопоставления, образуют фигуру речи, которая называется аллеототой [5, с. 100]. Это группа контрастных средств насчитывает 15 единиц (10,6%): *Потерю такого форварда, как Марек, переоценить*

действительно трудно, а вот оценить – вполне возможно [хоккей, СС, 14.02.08]. *Tatsächlich ließ sich diese skeptisch beäugte deutsche Nationalmannschaft ihre Laune nicht nehmen und packte zu, als sie gefordert und herausgefordert war* [футбол, FAZ, 2.05.03]. – Фактически эта скептически оцениваемая немецкая национальная сборная [дублирующий состав] не отказала себе и ухватились [за предложение], когда ее позвали и вызывали.

Синонимы в основе контраста на материале газетного спортивного репортажа также встречаются редко (3 единицы, что составляет 2,1%): «Магнитка» – ну да, гнулась – не ломалась, но в атаке смотрелась опять жидковато [хоккей, СС, 28.03.08]. *Ego удар вратарь хозяев среагировать еще успеваает, но на повторный в исполнении Карадениза – уже не в состоянии* [футбол, СЭ, 31.03.08]. Контраст создается стилистическими синонимами на фоне развернутого сравнения: *Вышел средних лет дядечка в корсете, далее по тексту, и еще более средних лет тетечка, на этот раз без комментариев, и сплясали, нет, станцевали такое, что молодые отводили глаза не от неловкости за них, а от неловкости за себя* [бокс, СЭ, 05.02.08].

Указание на крайние точки как прием контраста насчитывает 2 единицы: *Хенкель, Юрьева и Ахатова вновь преодолели путь от старта до медали чисто* [биатлон, СС, 15.02.08]. *От свистка до свистка падают, не опуская блинов, клюшек и ловушек, голкиперы* [хоккей, СС, 24.03.08].

Единичный случай паронимийной контрастирующей пары, а именно, слов с похожим звуковым составом, но имеющих разные морфологические корни, выявлен в немецком блоке. По понятным причинам данное стилистическое явление не проявляется в переводе: *Viel Kampf und noch mehr Krampf* [футбол, Bild, 18.06.08]. – *Много борьбы и еще больше лишней суеты.*

Функциональность фигур контраста

Стилистический анализ текстов спортивного репортажа с целью выявления спектра фигур речи (более широкое исследование

[8], в рамках которого прагматика текста, содержащего фигуры контраста, выступает как самостоятельное направление) показал, что контрастное описание, также как и гиперболы, рассмотренные с этих позиций ранее [7], не является частотным стилистическим средством в массмедийном дискурсе. Это стилистическое средство средней частотности, употребление которого составило 2,4% от общего числа стилистических средств в 120 текстах. Вместе с тем, анализ текстов с позиции функциональности выделенных стилистических единиц показал, что контраст в спортивном репортаже выполняет ряд функций.

Противопоставлением, контрастным описанием событий, действий, эмоций, атмосферы достигается довольно яркий изобразительный эффект: «Манчестер Юнайтид» перекачивает мяч словно нехотя, а «Зенит» давит с настроением [футбол, СС, 30.08.08]. *So flatterte der Ball aus dreißig Metern zur Verwunderung der Deutschen und zur Verärgerung der Serben ins Netz* [футбол, FAZ, 2.05.03]. – Так порхнул мяч тридцатиметров в сетку удивлению немцев и досадесербов. *Löw schritt mit leerem Blick über den Rasen, während die Spanier ihren Coach, den 69-jährigen Luis Aragones, in die Luft warfen* [футбол, Welt, 30.06.08]. – Лёв [тренер сборной Германии, проигравшей матч] с пустым взглядом переходил газон, в то время как испанцы подбрасывали в воздух своего тренера, 69-летнего Луи Арагонса.

Оценочность на контрасте передается, на наш взгляд, наиболее выразительно: *А затем рванула так, как опять-таки умеет нынче делать только она. Но вот стрелять не только метко, но и быстро, Слепцова пока еще не научилась* [биатлон, Коммерсантъ, 22.12.08]. *Все зависит от того, какой именно «Зенит» мы увидим: тот, что едва-едва вышел из группы Кубка УЕФА осенью, или тот, который пронесся, как скоростной поезд, по плей-офф весной...* [футбол, СС, 30.08.08]. *Sturm stark, aber die Abwehr wackelt gewaltig* [футбол, Bild, 22.06.08]. – *Нападение сильное, а защита шатается еще сильнее.* Противопоставлением эксплицируется несоответствие статуса игрока и его действий: *Superstar Arshavin ging in der*

Regenflut mit unter [футбол, Bild, 27.06.08]. – Суперзвезда Ариавин зашла в потоке дождя.

Контраст – эффективное средство создания комического эффекта, а именно, насмешки, объектом которой являются участники соревнований, их действия и результаты. *Большая часть мюнхенских атак строится в расчете на Тони [нападающий], и видно, что сдержать итальянца леверкузенским оборонцам не по силам. На нем постоянно фолят то центральный защитник Хаггуи, недостаточно быстрый, чтобы раньше успеть к мячу, то страхующий его Сарпай, которому скоростенки вроде хватает, а вот габаритов для борьбы с мощным форвардом явно недостает* [футбол, СС, 24.03.08]. Комическим эффектом обладает оценка в виде насмешки, которая представляет собой форму «потраченного укола, агрессии под благопристойной маской» [9; 14].

Аттрактивная функция контраста легко прослеживается в заголовке: *Без титула. Зато в белых штанах!* [волейбол, СЭ, 28.07.08]. *Lions 3:4 Auswärts – Geht's nur abwärts* [хоккей, Bild, 23.02.04]. – *Львы 3:4 на выезде – спускаются вниз. Schumi schlägt jeder, Ferrari schlägt keiner...* [Формула 1, Bild 22.06.08]. – *Шуми [Шумахера] бьет каждый, Феррари не бьет никто.*

На отрицательной антитезе строится явно не выраженное поучение: *В конце тайма Божович выходит к бровке и напоминает подопечным, что главная цель в футболе – забить гол, а не просто бегать по полю* [футбол, СЭ, 21.07.08].

Контраст акцентирует внимание читателей на общественно значимых вопросах. В спортивном репортаже – это защита спортивной чести страны. Например, у двух российских команд «Зенит» и «Спартак» была возможность выйти в 1/8 финала Кубка УЕФА, но только «Зенит» ею воспользовался. Мнение репортера о решающих матчах этих команд: *Болельщикам «Спартак» не стоит биться головой об стену. Лично я, признаться, скорее ожидал чего-то подобного в обоих матчах наших клубов в среду. Спартаковцы эти ожидания – правда, в несколько худшем, чем предполагал, варианте – подтвердили, зенитовцы – опровергли. Но в ответных*

встречах рук не следует опускать и красно-белым – хотя возможность выйти в 1/8 финала для них теперь эфемерна. Им не следует забывать, что даже вроде бы ненужная победа со счетом 1:0 гарантирует России три места в Лиге чемпионов-2009/10. А значит, «Спартак» должен биться не только для себя, но и для страны [футбол, СЭ, 15.02.08]. В силу развлекательной коммуникативной направленности спортивной журналистики подобных воспитательно-патриотических примеров в газетных репортажах обнаружено мало.

Заключение

Исследование показало, что фигуры контраста в значительной степени представлены антитезой, в частности, она оказалась наиболее востребованной в спортивном репортаже. Менее частотны в исследовании аллеотота и паронимы. Контраст может быть усилен авторскими метафорическим и метонимическим переносами и синтаксическими средствами: различного рода повторами, синтаксическим параллелизмом, сравнением и др. Несмотря на то, что контрастное описание не является частотным стилистическим средством в массмедийном дискурсе, оно представляет собой сильное прагматическое средство создания яркого изобразительного и комического эффекта, оценочности, скрытого поучения, а также реализации аттрактивной функции текста.

Список литературы

1. Астахова Е.А. Антитеза в свадебных и корильных песнях//Филологические науки. 1994, № 5–6. С. 27–37.
2. Бергсон А. Смех. М.: Искусство, 1992. 128 с.
3. Егорченко О.Н. Стилистические фигуры контраста в современном русском литературном языке: семантико-структурно-функциональная характеристика: Дисс. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2006. 221 с.
4. Матвиевская Л.А. Контраст и антитеза // Русский язык в школе. 1978. № 5. С. 50–65.

5. Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь 3-е изд. Ростов н/Д: Феникс, 2007. 940 с.
6. Пекарская И.В. Контаминация в контексте. Проблемы системности стилистических ресурсов русского языка. Часть 1. Абакан: Изд-во Хакасского гос. университета им. Н.Ф.Катанова, 2000. 248 с.
7. Пром Н.А., Высоцкая И.В., Глебова Е.А., Тихаева В.В. Прагматический эффект гиперболы в медиадискурсе (на материале немецкого и русского языков) // Современные исследования социальных проблем 2018. Том 10. № 4. С. 176–189. DOI: <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2018-4-176-189>
8. Пром Н.А. Современный газетный спортивный репортаж: жанрово-стилистический аспект: Дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2011. 240 с.
9. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. СПб.: Алетейя, 1997. 287с.
10. Рехлова О.А. Фигуральная основа газетной афористики // Вестник КрасГУ. Гуманитарные науки. 2006. № 6. С. 222–224. URL: http://library.krasu.ru/ft/ft/_articles/0112775.pdf (Дата обращения: 25.03.2010).
11. Русский язык. Энциклопедия / под ред. Ю.Н. Караулова. 2-е изд. М.: Большая российская энциклопедия, 1997. 703 с.
12. Чмыхова Н.М., Баскакова Л.В. О речевых приемах реализации контраста // Проблемы экспрессивной стилистики. Ростов н/Д., 1992. С. 131–135.
13. Хазагерев Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999. 320 с.
14. Шаронов И.А. Приемы речевой агрессии: насмешка и ирония // Агрессия в языке и речи: сб. науч. статей / Сост. и отв. ред. И.А. Шаронов. М.: РГГУ, 2004. С. 38–52. URL: <http://il/rsuh.ru/lib/aggr/0.4.pdf> (Дата обращения: 17.09.2014).
15. Dahlberg L. Put a Tiger in Your Text: Metalepsis and Media Discourse // Nordicom Review. 31. 2010. 1, pp. 103–114.
16. Mann W.C. and Thompson S.A. Antitheses: A study in clause combining discourse structure 1987. 31 p. <http://www.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/a184789.pdf> (Дата обращения: 8.12.2013).

17. Van Belle H. Less Ado, More Done: Verbal and Visual Antithesis in the Media Informal Logic, Vol. 33, No. 3. 2013, pp. 343–360.
18. Van Belle H. Playing with Oppositions. Verbal and visual antithesis in the media. 2009. OSSA Conference Archive. 15. <https://scholar.uwindsor.ca/ossaarchive/OSSA8/papersandcommentaries/15> (дата обращения: 5.02.2016).

References

1. Astakhova E.A. Antiteza v svadebnyh i koril'nyh pesnyah [Antithesis in Wedding and Burlesque Wedding Songs]. *Filologicheskie nauki*. 1994, No. 5–6, pp. 27–37.
2. Bergson A. *Smekh* [Laughter]. M.: Iskusstvo, 1992. 128 p.
3. Egorchenko O.N. *Stilisticheskie figury kontrasta v sovremennom russkom literaturnomazykye: semantiko-strukturno-funkcional'naya karakteristika* [Stylistic Speech Figures of Contrast in the Modern Russian Literary Language: a Semantic-structural-functional Characteristic]. Diss. ... kand. filol. nauk. Barnaul, 2006. 221 p.
4. Matvievskaya L.A. Kontrast i antiteza [Contrast and Antithesis]. *Russkij yazyk v shkole*. 1978. No. 5, pp. 50–65.
5. Moskvina V.P. *Vyrazitel'nye sredstva sovremennoj russkoj rechi. Tropy i figury. Terminologicheskij slovar* [Expressive Means of Modern Russian Speech. Tropes and Figures. Terminological Dictionary]. Rostov/D: Feniks, 2007. 940 p.
6. Pekarskaya I.V. *Kontaminaciya v kontekste. Problemy sistemnosti stilisticheskix resursov russkogo yazyka*. [Contamination in Context. Problems of the Systematic Stylistic Resources of the Russian Language]. Part 1. Abakan: Izd-vo Hakasskogo gos. universiteta im. N.F. Katanova, 2000. 248 p.
7. Prom N.A., Vysotskaya I.V., Glebova E.A., Tikhayeva V.V. Pragmaticheskij effekt giperboly v mediadiskurse (na materiale nemeckogo i russkogo yazykov) [The Pragmatic Effect of Hyperbole in the Media Discourse (as based on the material of German and Russian Languages)]. *Sovremennye issledovaniya socialnyh problem*, 2018. V. 10. No. 4, pp. 176–189. DOI: <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2018-4-176-189>.

8. Prom N.A. *Sovremenniy gazetnij sportivnij reportazh: zhanrovo-stilisticheskij aspekt* [Contemporary Newspaper Sports Report: Genre-Stylistic Aspect]. Diss. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2011. 240 p.
9. Propp V.Ya. *Problemy komizma i smekha* [The Issues of Humor and Laughter]. St. Petersburg: Aletejya, 1997. 287 p.
10. Rekhlova O.A. Figuralnaya osnova gazetnoj aforistiki [The figurative basis of newspaper aphoristics]. *Vestnik KrasGU. Gumanitarnye nauki*. 2006. No. 6, pp. 222–224. http://library.krasu.ru/ft/ft/_articles/0112775.pdf (accessed March 25, 2010).
11. Russkij yazyk. *Enciklopediya* [Encyclopedia]. Yu.N. Karaulov. M.: Bolshaya rossijskaya ehnciklopediya, 1997. 703 p.
12. Chmyhova N.M., Baskakova L.V. O rechevyh priemah realizacii kontrasta [On Speech Techniques for the Realization of Contrast]. *Problemy ehkspressivnoj stilistiki* [Problems of expressive stylistics]. Rostov n/D, 1992, pp. 131–135.
13. Khazagerov T.G., Shirina L.S. *Obshchaya ritorika: Kurs lekcij; Slovar' ritoricheskikh priemov* [General Rhetoric: The Course of Lectures; Dictionary of Rhetorical Techniques]. Rostov n/D, 1999. 320 p.
14. Sharonov I.A. Priemy rechevoj agressii: nasmeshka i ironiya [Methods of Verbal Aggression: Mockery and Irony]. *Agressiya v yazyke i rechi: sb. nauch. Statej* [Aggression in language and speech: Sat. scientific articles]. M.: RGGU, 2004, pp. 38–52. <http://il/rsuh.ru/lib/aggr/0.4.pdf> (accessed September 17, 2014).
15. Dahlberg L. Put a Tiger in Your Text: Metalepsis and Media Discourse. *Nordicom Review*. 31. 2010. 1, pp. 103–114.
16. Mann W.C. and Thompson S.A. Antitheses: A study in clause combining discourse structure 1987. 31 p. URL:<http://www.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/a184789.pdf> (accessed, December 8, 2013).
17. Van Belle H. Less Ado, More Done: Verbal and Visual Antithesis in the Media Informal Logic, Vol. 33, No. 3. 2013, pp. 343–360.
18. Van Belle H. Playing with Oppositions. Verbal and visual antithesis in the media. 2009. OSSA Conference Archive. 15. <https://scholar.uwindor.ca/ossaarchive/OSSA8/papersandcommentaries/15> (accessed, February 5, 2016).

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Высоцкая Инна Владимировна, доцент кафедры «Иностранные языки», кандидат педагогических наук
*Волгоградский государственный технический университет
пр. им. Ленина, 28, г. Волгоград, 400005, Российская Федерация
niphertity@gmail.com*

Пром Наталья Александровна, доцент кафедры «Иностранные языки», кандидат филологических наук
*Волгоградский государственный технический университет
пр. им. Ленина, 28, г. Волгоград, 400005, Российская Федерация
natalyprom77@mail.ru*

Йованович Тамара Георгиевна, доцент кафедры «Иностранные языки», кандидат педагогических наук
*Волгоградский государственный технический университет
пр. им. Ленина, 28, г. Волгоград, 400005, Российская Федерация
srdjan@live.ru*

Алексеевко Наталья Валерьевна, старший преподаватель кафедры «Иностранные языки»
*Волгоградский государственный технический университет
пр. им. Ленина, 28, г. Волгоград, 400005, Российская Федерация
Natalyalekseenko@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Vysotskaya Inna Vladimirovna, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Ph.D. in Pedagogy
*Volgograd State Technical University
28, Lenin ave., Volgograd, 400005, Russian Federation
niphertity@gmail.com
ORCID: 0000-0003-3407-9047*

Prom Natalya Alexandrovna, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Ph.D. in Philology
Volgograd State Technical University
28, Lenin ave., Volgograd, 400005, Russian Federation
n_prom@vstu.ru
ORCID: 0000-0003-2711-4916

Yovanovich Tamara Georgievna, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Ph.D. in Pedagogy
Volgograd State Technical University
28, Lenin ave., Volgograd, 400005, Russian Federation
srdjan@live.ru
ORCID: 0000-0001-7701-6607

Alekseenko Natalya Valerevna, senior lecturer, Department of Foreign Languages, Ph.D. in Pedagogy
Volgograd State Technical University
28, Lenin ave., Volgograd, 400005, Russian Federation
Natalyalekseenko@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6060-6632

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-1-95-108

УДК 811.133.1'04

СТАРОФРАНЦУЗСКАЯ ЛЕКСИКА СО ЗНАЧЕНИЕМ «ЯЗЫК» В СРЕДНЕВЕКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Гаджиева З.Ц., Кайтукова С.И.

Цель. Основной целью настоящей статьи является попытка систематизировать и дополнить лексику со значением «язык» в старофранцузском языке.

Предметом анализа выступают лексемы со значением «язык», зафиксированные в словаре старофранцузского языка А.Ж. Грей-маса.

Метод или методология проведения работы. Основу исследования образует историко-этимологический метод, который позволяет выявить специфические черты анализируемой лексики в указанном периоде, а также помочь современному читателю максимально адекватно воспринять информацию с учетом большого хронологического разрыва.

Результаты. В результате анализа выявлено, что семантическая эволюция лексики со значением «язык» и ее функционирование в рассматриваемом периоде свидетельствует, главным образом, о значительных изменениях в их семантике, приведших к выработке специфического для средневековой культуры способа концептуализации окружающей действительности, состоящего из чрезвычайно гибкого и разностороннего дробления последней.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены при преподавании истории французского языка, лексикологии и в практике составления словарей.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика; билингвизм; галло-романский язык; франкский язык; языковая ситуация; диглоссия; социолингвистика.

ARCHAIC FRENCH WORDS MEANING «LANGUAGE» IN THE MEDIEVAL VIEW OF THE WORLD

Gadzieva Z.Ts., Kaitukova S.I.

Purpose. *The article deals with the studies of the words meaning “language”. An attempt to systemize and enlarge the list of words meaning “language” in the Old French language is made. The object of the analysis are the words meaning “language” fixed in the dictionary of the Old French language by A.J. Greimas.*

Method or methodology of the work. *Methodological framework of our article is based on the historical-etymological method, which allows to reveal the specific features of the analyzed words as well as to help modern readers to adequately perceive the information considering a great chronological gap.*

Results. *The analysis revealed that the semantic evolution of the words meaning “language” and their functioning during the studied chronological period tell about considerable changes in their semantic. This resulted in specific for the medieval culture way of cognizing the surrounding world.*

Practical implications. *The results of the research can be used at teaching the History of the French language, the Theory of Language as well as special courses and seminars on lexicographic practice.*

Keywords: *Cognitive Linguistics; bilingualism; Gaul-Roman language; Frankish language; language situation; diglossia; Sociolinguistics.*

Развитие социолингвистики позволило выдвинуть теоретическое положение о внутреннем расслоении языка, в первую очередь, его лексического состава. Литературный язык представляет собой сложный механизм, обеспечивающий функционирование взаимосвязанных стилей. Однако исследование этих взаимосвязей актуально в условиях, когда литературный язык уже сложился. По-другому складывается ситуация на начальном этапе эволюции языка, в данном случае в старофранцузском периоде.

Когнитивная лингвистика ставит вопросы о том, каким видит человек окружающую действительность. Е.С. Кубрякова определяет задачи, стоящие перед исследователями в области когнитивной лингвистики: в каком виде сознание человека, опирающегося на языковые данные, отражает окружающую действительность, какой опыт взаимодействия с природой и себе подобными человек фиксирует в первую очередь и почему [7, с. 479].

Из всех уровней языка наибольший простор для семантических исследований предлагает лексика, так как именно в лексике отражается в основном национальная картина мира, сложившаяся в общественном сознании того или иного языкового коллектива. Именно лексический фонд языков является хранилищем многовекового опыта, накопленного человечеством в процессе познания окружающего материального и духовного мира. Как подчеркивал академик В.И. Абаев, именно элементы лексики непосредственно связаны, соотносимы с данными опыта познания объективной действительности [1, с. 41].

Совершенно очевидно, что к анализу семантики старофранцузской лексики, по мнению авторитетного романиста Р.А. Будагова, невозможно подходить с современных позиций, поскольку из-за большого хронологического разрыва между моментом отправления информации (IX–XIII вв.) и моментом осмысления с позиций современного читателя возникают определенные трудности адекватного декодирования [3; 4]. Забвение этого условия приводит к неточным, а иногда к ложным толкованиям значений. Преодоление трудностей понимания становится возможным благодаря применению историко-этимологического анализа, широко используемого исследователями старофранцузской лексики, такими как Ж. Гугенейм [12], П. Гиро [13], К.-Ж. Холлиман [14], Ш. Ланглуа [15], А. Мейе [17].

Предпринятая попытка выявления лексико-семантической группы существительных, выражавших понятие «язык» в старофранцузском периоде имеет целью помочь современному исследователю хотя бы отчасти воссоздать сложную языковую ситуацию, которая складывалась в средневековой Франции на протяжении нескольких веков.

Человека окружает объективный, существующий независимо от его сознания, материальный мир. Представляется, однако, что изучать языковую ситуацию в историческом аспекте значительно сложнее, чем в современном языке. Общеизвестно, что в процессе становления французского языка на территории Северной Галлии языковая ситуация постоянно менялась, в том числе дважды наблюдался билингвизм, притом, на первом этапе сосуществуют латинский и галльский языки, затем они постепенно трансформируются в единый галло-романский язык. Во втором периоде билингвизма сосуществуют галло-романский и франкский языки. Оба периода закончились принятием единого разговорного французского языка.

Общеизвестно, что латинский язык проникал на территорию Северной Галлии двумя путями, а именно, латынь легионеров Юлия Цезаря была усвоена местным галльским населением в устной форме, с другой стороны, письменную латынь начали преподавать в монастырских школах. В период раннего средневековья (с V по IX вв.) на территории Северной Галлии произошли значительные изменения в разговорной латыни (галло-романском). Это была уже не латынь метрополии, а язык, находящийся на стадии дальнейшей эволюции, притом, в каждой провинции, помимо общей языковой базы, появляются свои индивидуальные черты, которые составят в дальнейшем новые диалекты, а затем и романские языки.

Галло-романский, как разговорная форма средневековой латыни, развивается, пополняется разговорными элементами, отражающими фонетические, морфологические и лексические новшества. Известно, что лексической базой старофранцузского языка остается латинская лексика. Исследователей постоянно привлекают семантические изменения, произошедшие в старофранцузском периоде и отражающие языковую ситуацию.

Благодаря изучению функционирования старофранцузской лексики, выражающей понятие «язык», можно хотя бы отчасти воссоздать сложную языковую ситуацию, складывавшуюся в средневековой Франции на протяжении нескольких веков, а именно с IX по XIII вв.

Исходя из того, что в известном смысле каждый социум располагает своей собственной культурой, можно наметить пути воссоздания наиболее значимых фрагментов языковой картины средневековой Франции через взаимосвязь языковых и внеязыковых факторов. Предлагаемый анализ, возможно, сможет подтвердить наблюдение В.И. Беликова и Л.П. Крысина о наличии у каждой общности собственной совокупности представлений об устройстве мира и общества и связанных с ним норм и моделей поведения, в том числе и языкового [2, с. 178].

При отборе языкового материала мы опирались на данные словарей авторитетных историков и лексикографов А. Доза [18] и А.-Ж. Греймаса [19]. А.-Ж. Греймас включает в свой словарь старофранцузского языка такие существительные как **langue**_f, **languaige**, **(-age)**_m, **latin**_m, **roman**_m, **romance** adj.et n_f, **jargon**_m, **plait**_m, **gramoire** (**gramaire**)_f, **parleure**_f.

langue

Предположительно доминантой синонимического ряда в начальном периоде развития французского языка является **langue**, существительное, восходящее к латинскому **lingua**. Из 10 значений латинской лексемы у шести архисемой является «язык»: 1) язык (орган), 2) язык (речь), 3) манера выражаться, слог, 4) красноречие, 5) гомон, звуки, щебетание, 6) болтливость, хвастовство.

Для старофранцузского **langue** А.-Ж. Греймас приводит следующие значения: 1) орган, находящийся во рту, 2) предмет похожий на язык по своей форме (похожее значение встречается еще в латыни), 3) язык разговорный и письменный. По наблюдениям А.-Ж. Греймаса, последнее значение еще редко встречается в старофранцузском периоде (IX–XIII в.).

languaige

Однокорневое суффиксальное производное от **langue** существительное **languaige**, **langage**_{mf} зафиксировано 980 годом, то есть примерно одновременно с **langue** (X в.). А.-Ж. Греймас отмечает для **language** такие значения как: 1) средство общения, объединяющее одно сообщество:

Quant il les vit, bel les apele: Il les welcome en sa *language* (Saint Gilles). Когда он их увидел, он их зовет, как подобает: Он их приветствует на своем языке. 2) манера говорить с высокомерием, дерзкая ложь: Ces Francozis **ont** trop de *langages* (Livre du bon Jehan). Эти французы говорят слишком высокомерно.

Примечательно, что у старофранцузского *langue* искомое значение зафиксировано последним, отметим также, что в нем не делается различие между разговорным и письменным языком, в то время как у *language* значение средство общения является первым, а также то, что оба значения сосредоточены в области «язык». Иногда *langue* встречается в сочетании с прилагательным *roman* (*langue romane*), но еще нет *langue françoise*. Прилагательное *franceis* не перешло в разряд имен существительных и не приобрело значение «французский язык», однако встречается прилагательное *francor* в словосочетании с *langue* – «язык франков, то есть будущий «французский язык».

plait

Синонимом *language* в старофранцузском языке может выступать существительное *plait*_m со значением «разговор, устный язык»: En la salle entre sans lonc *plait* (Couci). Без долгого разговора он входит в зал.

latin

Чрезвычайно богатой семантической структурой обладает старофранцузское *latin*_m: 1) устная речь: *Sa lengue torne, ses latins estmuez: Grezois parole, qu'il en fud octriné* (Alisc.). Его **язык** поворачивается, его **язык** изменился: Он говорит по-гречески, так как он ему научен. 2) язык: *Ele savoit parler de .XIII. latins* (Aiol.). Она умела говорить на 14 языках. 3) речь: *Si recomence son latin| La ou ele l'avoit lessié* (Chr. De Tr.). Она продолжает свою речь с того места, на котором остановилась. 4) мысль, размышление: *Avez vous dit vostre latin?* (Renard). Вы высказали свою мысль? 5) щебет птиц: *Que cil oiselet cantent lor latin* (Rom. d'Alex.). Эти птицы щебечут на своем языке. 6) остроумие, премудрости. 7) наука.

Примечательно, что первые четыре значения связаны с понятиями *langue*, *langage*, но, ни одно из них не выражает понятие «латинский язык». Возможно, что в старофранцузском периоде значение

«латинский язык» исчезло на какое-то время, а затем вновь появилось, что случалось довольно часто при переходе слов от латыни к старофранцузскому. Можно предположить, что в раннефранцузском средневековье унаследованное *latin* вновь начинает обогащать свою семантику. Это отразилось на семантической структуре *latinier*_m «знающий несколько языков, ученый, переводчик».

gramaire

Заимствованное из греческого существительное *gramoire*, *gramaire*_{n.f} зарегистрировано 1119 г. со значениями «грамматика», «латинский язык», а также «тарабарщина, неразбериха». Греческое *grammatikê* пришло в латинский со значением «искусство писать и читать», но уже в старофранцузском употребляется как синоним *latin*.

roman

По наблюдениям А. Доза, прилагательное *roman* первоначально имело значение «относящийся к новому языку, в противоположность латинскому». Производное от него существительное *roman*_m, судя по данным словаря А.-Ж. Греймаса, активно пополняло свою семантическую структуру. Так к 1135 г. это уже «народный романский язык», то есть «повседневный язык, не латинский»; затем «рассказ на повседневном языке»; в XIV в. – «приключенческий роман в стихах»; в XV в. – «рыцарский роман в прозе.»; в XVI в. – «необыкновенное приключение». В последующий период *roman* в значении «разговорный язык» будет вытеснен существительным *franceis*, которое в старофранцузском периоде еще не приобрело значение «французский язык». *Roman* в дальнейшем теряет большинство своих значений, обозначая лишь литературный жанр – «роман» и именно в этом значении заимствуется различными языками.

romance

Однокорневое *romance* adj.et n_f означало «повседневный язык (в противоположность латыни), а также «повествование в прозе или в стихах на народном языке», и, наконец, «разговор, речь, беседа». Таким образом, в семантику существительных *roman* и *romance* включены наиболее значимые компоненты значений: «устный разговорный язык» и «повседневный разговорный язык», в противоположность латыни как письменному, книжному языку.

jargon

Многозначное существительное *jargon*_m, этимология которого не установлена, в XII в. имело значения: 1) «щебетание, язык птиц» 2) «язык вообще». А.-Ж. Греймас толкует *jargon* как «птичий язык». По его мнению, слово восходит к тому же корню, что *gazouiller* «щебетать». Только в XV в. Оно приобретает метафорическое значение «argot des malfaiteurs ou des coquillards» (арго злоумышленников) как тайный язык деклассированных групп общества.

parleure

Наконец, существительное *parleure*_f (современное *le parler*). Этимологи отмечают у него такие значения как «речь, манера говорить, особый язык». Представляется, что в данном случае речь идет скорее об устном воспроизведении речи.

Проведенный анализ семантической структуры всех отобранных позволяет отметить интересное явление, а именно переход одного и того же значения от одной лексемы к другой. Так, у латинского существительного *lingua* одним из второстепенных значений было «гомон, щебетание, звук», значение, не сохранившееся у старофранцузского *langue*; у старофранцузского *latin* также отмечено второстепенное значение «щебет птиц». В то же время в XII в. основным значением существительного *jargon* было «птичий язык».

Таким образом, сопоставление семантических структур существительных со значением «язык» доказывает всю сложность языковой ситуации в средневековой Франции. Это подтверждается следующими фактами: 1) параллельным употреблением устной формы нового развивающегося романского языка и латинского в письменном и устном варианте; 2) начинающимся развитием новой разновидности разговорного языка – арго с XII в.; 3) представленностью старофранцузского языка не единым языком, а совокупностью диалектов, формирующихся, как известно, в донациональный период.

Следовательно, в средневековом французском социуме, наблюдался билингвизм «нового обиходно-разговорного языка» и «средневекового латинского языка в устной и письменной форме» (*roman, romance* ⇔ *latin, gramaire*). С другой стороны, наблюдалась диглос-

сия, т.е. владение разновидностями или подсистемами одного и того же языка, а именно: обиходно-разговорного языка в форме диалектов, арго и письменной формы романского языка.

Что касается причин богатства данной лексической группы, то для их установления следует учитывать взаимосвязь как внутриязыковых, так и экстралингвистических факторов, а именно: 1) заимствования из языков, с носителями которых у средневековых французов были различные контакты, в том числе языковые, приведшие к синонимическому богатству; 2) обогащение словарного состава языка в условиях билингвизма; 3) территориальная раздробленность Франции в условиях феодального строя, характеризующаяся в плане языка употреблением различных слов для передачи одного и того же понятия в различных старофранцузских диалектах, формирующихся, как известно, в донациональный период.

Большинство анализируемых слов полисемантически. Для снятия неоднозначности необходимо учитывать роль контекста. Понятие контекста интерпретируется в лингвистической литературе по-разному. Так, Г.В. Колшанский [6, с. 38], И.В. Меньчикова [8, с. 324], Ж. Лавис [16, с. 170] различают контекст экстралингвистический (от ситуации до совокупности культурных и социальных условий) и контекст лингвистический. Представляется, однако, что для старофранцузского языка большую значимость приобретает именно экстралингвистический контекст, недостаточное внимание к которому может привести к ошибкам декодирования. Следует отметить, однако, два случая, когда контекст не снимает неоднозначности. В частности, речь идет о синкретизме значений, под которым следует понимать объединение значений многозначного слова в их функциональной ориентированности на основе близости понятий. Синкретизм значений обнаружен, по данным исследований Н.В. Феоктистовой, в древнеанглийском языке [9, с. 109]. Характерно явление синкретизма значений и для старофранцузской лексики, обозначающей понятие «язык».

С другой стороны, по утверждению исследователя французского историка Ж. Шорана в старофранцузском периоде было распространено такое явление как диффузность значений [11, с. 46].

Представляется, однако, что диффузность «возникает» там, где не существуют достаточные условия для адекватного осмысления информации с позиций современного читателя. Напротив, семантический синкретизм старофранцузской лексики есть явление закономерное, отражающее в одной лексеме нерасчленимые с точки зрения носителей языка понятия, способные реализоваться только совместно. Анализ в полной мере позволяет утверждать наличие в семантической структуре старофранцузской лексики со значением «язык» синкретичных значений, а также предположить, что представление о диффузности семантики объясняется невозможностью адекватно декодировать информацию из-за большого хронологического разрыва [10, с. 122–123].

Известный исследователь категорий средневековой культуры А.Я. Гуревич предостерегает, что нельзя навязывать прошлому свое собственное мировидение, напротив, мы должны реконструировать в прошлом иное понимание мира [5, с. 7–17]. Лишь с учетом сказанного можно приблизиться, насколько это возможно в условиях большого хронологического разрыва, к специфическому видению мира представителями средневекового социума и понять всю сложность языковой ситуации в период становления нового языка.

В последующие периоды большинство слов подверглось изменениям семантического, количественного и стилового характера, о чем свидетельствуют не только данные словарей, но и употребление сохранившихся слов в различных стилях современного французского языка.

Семантическая эволюция изучаемой лексической группы и ее функционирование в рассматриваемом периоде свидетельствует главным образом о том, что понятие «язык» в старофранцузском языке претерпело значительные изменения, основываясь на специфических для средневековой культуры способах концептуализации окружающей действительности, состоящей из очень гибкого и разностороннего дробления последней. Некоторые слова обозначают устную форму языка, другие – письменную и правильную, третьи – язык вообще и манеру говорить. Таким образом, анализ семантики

данных существительных свидетельствует об их способности нести информацию о специфической языковой ситуации, сложившейся в средневековой Франции.

Список литературы

1. Абаев В.И. Язык и история // Теоретические проблемы советского языкознания. М.: Наука, 1968. С. 35–49.
2. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социоллингвистика. М.: РГГУ, 2001. 439 с.
3. Будагов Р.А. Сравнительно-семасиологические исследования (романские языки). М.: Изд-во МГУ, 1963. 302 с.
4. Будагов Р.А. Язык, история и современность. М.: МГУ, 1971. 299 с.
5. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1972. 318 с.
6. Колшанский Г.В. Контекстная семантика. М.: Наука, 1980. 150 с.
7. Кубрякова Е.С. Язык и сознание. М.: Языки славянской культуры, 2004. 60 с.
8. Меньчикова И.В. Система значений и синонимические отношения группы существительных абстрактного значения, выражающих понятие «мужество» в старофранцузском языке (XIV–XV вв.) // Вопросы германо-романского языкознания и методики преподавания иностранных языков. Иркутск: Изд-во ИГПИИЯ, 1968. С. 322–330.
9. Феоктистова Н.В. Специфика семантической структуры древнеанглийских слов и ее контекстуального выражения // Вопросы английской контекстологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. Вып. 1. С. 108–129.
10. Чехоева З.Ц. Языковые и прагматические аспекты функционирования лексики со значением качества в старофранцузском языке. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2009. 140 с.
11. Chaurand J. Histoire de la langue française. Paris: Presses universitaires de France, 1969. 128 p.
12. Gougenheim G. Les mots français dans l'histoire et dans la vie. Paris: Picard, 1962. 331 p.
13. Guiraud P. La sémantique. Paris: Presses universitaires de France, 1962. 120 p.

14. Hollymann K.-J. Le développement du vocabulaire féodal en France pendant le Haut Moyen âge. Genève-Paris: Société de publications romanes et françaises, 1957. 202 p.
15. Langlois Ch. La connaissance de la nature et du monde au Moyen Age. Paris: Hachette, 1911. 400 p.
16. Lavis G. Pour une nouvelle lexicologie de l'ancien français // Marche romane. 1972. Vol. 22, pp. 165–179.
17. Meillet A. Comment les mots changent de sens // Linguistique historique et linguistique générale. Paris: Champion, 1921–1938. Vol. 1, pp. 230–271.
18. Dauzat A., Dubois J., Mittérand H. Nouveau dictionnaire étymologique et historique. Paris: Librairie Larousse, 1964. 806 p.
19. Greimas A.-J. Dictionnaire de l'ancien français. Paris: Librairie Larousse, 1980. 676 p.

References

1. Abaev V.I. *Yazyk i istoriya* [Language and History]. Teoreticheskie problemy sovetskogo yazykoznanija. M.: Nauka, 1968, pp. 35–49.
2. Belikov V.I., Krysin L.P. *Sociolingvistika* [Sociolinguistics]. M.: RGGU, 2001. 439 p.
3. Budagov R.A. *Sravnitel'no-semasiologicheskie issledovaniya (romanskije yazyki)* [Comparative Semasiological Studies (Romanic Languages)]. M.: Izd-vo MGU, 1963. 302 p.
4. Budagov R.A. *Yazyk, istoriya i sovremennost'* [Language, History and Modernity]. M.: MGU, 1971. 299 p.
5. Gurevich A.Ya. *Kategorii srednevekovoj kul'tury* [Categories of Medieval Culture]. M.: Iskusstvo, 1972. 318 p.
6. Kolshanskij G.V. *Kontekstnaya semantika* [Contextual Semantics]. M.: Nauka, 1980. 150 p.
7. Kubryakova E.S. *Yazyk i soznanie* [Language and Consciousness]. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. 60 p.
8. Men'chikova I.V. Sistema znachenij i sinonimicheskie otnosheniya grupy sushchestvitel'nyh abstraktnogo znacheniya, vyrazhayushchih ponyatie «muzhestvo» v starofrancuzskom yazyke (XIV–XV vv.) [The system of Meanings and Synonymous Relations of the Group of Nouns]

- of Abstract Meaning Expressing the Concept of *Courage* in the Old French Language (XIV–XV centuries)]. *Voprosy germano-romanskogo yazykoznanija i metodiki prepodavaniya inostrannyh yazykov* [Questions of German-Romance linguistics and methods of teaching foreign languages]. Irkutsk: Izd-vo IGPIIYA, 1968, pp. 322–330.
9. Feoktistova N.V. Specifica semanticheskoy struktury drevneanglijskih slov i ee kontekstual'nogo vyrazheniya [The Specifics of the Semantic Structure of Old English Words and its Contextual Expression]. *Voprosy anglijskoj kontekstologii*. L.: Izd-vo LGU, 1974. Issue 1, pp. 108–129.
  10. Chekhoeva Z.C. *Yazykovye i pragmaticheskie aspekty funkcionirovaniya leksiki so znacheniem kachestva v starofrancuzskom yazyke* [Language and Pragmatic Aspects of the Functioning of Vocabulary with the Meaning of Quality in the Old French Language]. Vladikavkaz: Izd-vo SOGU, 2009. 140 p.
  11. Chaurand J. *Histoire de la langue française*. Paris: Presses universitaires de France, 1969. 128 p.
  12. Gougenheim G. *Les mots français dans l'histoire et dans la vie*. Paris: Picard, 1962. 331 p.
  13. Guiraud P. *La sémantique*. Paris: Presses universitaires de France, 1962. 120 p.
  14. Hollymann K.-J. *Le développement du vocabulaire féodal en France pendant le Haut Moyen âge*. Genève-Paris: Société de publications romanes et françaises, 1957. 202 p.
  15. Langlois Ch. *La connaissance de la nature et du monde au Moyen Age*. Paris: Hachette, 1911. 400 p.
  16. Lavis G. *Pour une nouvelle lexicologie de l'ancien français. Marche romane*. 1972. Vol. 22, pp. 165–179.
  17. Meillet A. *Comment les mots changent de sens. Linguistique historique et linguistique générale*. Paris: Champion, 1921–1938. Vol. 1, pp. 230–271.
  18. Dauzat A., Dubois J., Mittérand H. *Nouveau dictionnaire étymologique et historique*. Paris: Librairie Larousse, 1964. 806 p.
  19. Greimas A.-J. *Dictionnaire de l'ancien français*. Paris : Librairie Larousse, 1980. 676 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Гаджиева Замира Цараевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка
Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова
ул. Ватутина, 44-46, Владикавказ, Республика Северная Осетия-Алания, 362025, Российская Федерация
zinazamira@yandex.ru

Кайтукова Светлана Ильинична, кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка
Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова
ул. Ватутина, 44-46, Владикавказ, Республика Северная Осетия-Алания, 362025, Российская Федерация
svetllanakaitukova@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Gadzhieva Zamira Tsaraevna, Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor at the Department of the French Language
North-Ossetian State University named after K.L. Khetagurov
44-46, Vatutin Str., Republic North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, 362025, Russian Federation
zinazamira@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-4478-2473

Kaitukova Svetlana Ilinichna, Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor at the Department of the French Language
North-Ossetian State University named after K.L. Khetagurov
44-46, Vatutin Str., Republic North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, 362025, Russian Federation
svetllanakaitukova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2011-9995

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-1-109-121

УДК 811

КОНЦЕПТ ГЛОБАЛИЗАЦИИ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ

Глебова Е.А.

Данная работа является лингвокультурологическим исследованием явления глобализации. В работе исследуется концепт глобализации, отражающийся в дискурсе англоязычных СМИ. Попытка интерпретировать понятие глобализации в лингвистике на материале периодических изданий англоязычных средств массовой информации и стало целью данной работы.

В качестве основных методов исследования применялись метод интерпретативный, словообразовательный, стилистический и количественный методы, применяемые для анализа фрагментов печатных текстов периодических американских и английских изданий, содержащих апелляцию к изучаемому концепту.

Научная новизна исследования состоит в выявлении концепта глобализации на материале англоязычных СМИ и описания его образной составляющей.

Результаты исследования: образ глобализации в англоязычных СМИ раскрывается преимущественно через метафоры природного мира и человеческой деятельности, указывая на масштабность и стихийность исследуемого явления.

Ключевые слова: глобализация; концепт; англоязычные СМИ; метафора; образы глобализации; публицистика.

CONCEPT OF GLOBALIZATION IN THE ENGLISH-LANGUAGE MASS MEDIA

Glebova E.A.

This article is a linguoculturological research of the globalization phenomenon. The concept of globalization, as being revealed through

the discourse of the English-language mass media, is studied in this work. The objective of the article is an attempt to explain the notion of globalization in linguistics on the basis of periodicals in the English-language mass media. The main methods are the interpretation analysis, word-formative, stylistic and quantitative methods used to analyze excerpts from English and American periodicals, appealing to the concept under research. The scientific novelty of the research is to bring to light the concept of globalization on the basis of the English-language mass media and to characterize its figurative component. The findings: the figure of globalization in the English-language mass media is mainly revealed through metaphors of the natural world and human beings' activity, highlighting all immensity and spontaneity of the phenomenon under research.

Keywords: *globalization; concept; English-language mass media; metaphor; globalization images; periodicals.*

Глобализация стала важнейшей характеристикой современной мировой системы, одной из наиболее влиятельных сил, определяющих ход развития нашей планеты. Согласно преобладающей точке зрения на глобализацию, ни одно действие, ни один процесс в обществе (экономический, политический, юридический, социальный) нельзя рассматривать в изоляции от других сфер деятельности. Глобализация – это усиление взаимозависимости и взаимовлияния различных сфер общественной жизни: она затрагивает экономику, политику, идеологию, социальную сферу, культуру, экологию, безопасность, образ жизни, а также сами условия существования человечества.

Понятие глобализации окружено системой ассоциаций, смысловых значений, толкований, оно становится воплощением разнообразных нравственно-эстетических ценностей, а потому образует лингвокультурный концепт в сознании человека.

Поскольку процессы, связанные с явлением глобализации, широко обсуждаются в публицистике (что объясняется стремлением общества не только понять данное явление, но и выработать опре-

деленное отношение к нему), то нам представляется актуальным исследовать в данной работе концепт глобализации в дискурсе СМИ Англии и Америки.

Материал исследования

Материал исследования почерпнут из периодических изданий англоязычных средств массовой информации (около 600 фрагментов печатных текстов, содержащих апелляцию к концепту глобализации): английских изданий *The Times* (2005, 2006, 2007, 2008), *The Economist* (2007, 2008), *The Financial Times* (2007) и американских изданий *The New York Times* (2007, 2008), *The San Francisco Chronicle* (2007), *Foreign Policy* (2006). Была использована также информация сети Интернет, посредством поисковых серверов Google, Rambler, Yandex, Yahoo, MSN.

Результаты исследования

Одним из ярких образов глобализации в публицистике является картинка «глобальной деревни»: «technological advances have created the impression of a “global village”» [11]. Изо дня в день, вступая в связь друг с другом посредством информационных технологий, люди рассуждают и поступают так, как если бы они были совсем рядом, как если бы они жили в одной деревне. Они вольно или невольно все основательнее влезают в жизнь друг друга, рассуждая при этом обо всем, что им приходится видеть и слышать. Как замечает М. Маклуэн, в глобальной деревне повседневно переплетаются и выставляются на всеобщее рассмотрение “все времена и пространства сразу” – все мировоззрения, культуры, способы общения, ценности, созданные и сохраненные человечеством. “Я не отзываюсь одобрительно о глобальной деревне. Я просто говорю, что мы живем в ней” [3].

В информационно-аналитических текстах образ глобализации сопровождается в основном отрицательными ассоциациями (в свыше 300 анализируемых фрагментах текста прослеживается отрицательный ассоциативный ряд, вызываемый глобализацией), ко-

торому приписываются все негативные процессы, происходящие в мире: господство США и засилье американской культуры, глобальное потепление, безработица. Глобализацию метафорично сравнивают со слабым ребенком, к которому «прилипают» все возможные заболевания: “Globalization has a bad image problem. It is a conceptual tar baby to which every perceived ill in the world attaches: depressed commodity prices, Asian sweat shops, child labor, fast-food imperialism, American cultural hegemony, outsourcing and global warming [19].

Глобализация рисует образы страха, террора и угрозы. Образ опасности прослеживается в следующих цитатах: “Today’s Europeans **fear that globalisation** may not be good for most people. Or, to be more precise, even if they notice the diffuse benefits (cheap jeans and high-tech gadgets), **they fret** about the visible losers, starting with workers whose jobs are shipped overseas. Worse, with globalisation disrupting business models at an ever finer level of detail many citizens **feel they cannot be sure** if they will be next” [25]. Солидарен с нами и Ф. Джеймисон, крупнейший социальный теоретик США, утверждающий, что образ глобализации – преимущественно образ терроризма и заговора [2]. Глобализация вызывает не только страх, но и чувство тревожности, обеспокоенности: «**Worry about globalization** is deeper and broader than it has been for decades. It has spread from the working class to the middle class, thanks to the outsourcing of brain work, and from the Democrats to the Republicans. In their presidential campaigns both Hillary Clinton and Barack Obama have been playing on popular **anxieties about globalization...**» [24]; «...an awareness that there is no simple solution to the **malaise** in which globalization finds itself» [20].

Истоки людской обеспокоенности различны, это и страх потерять работу «fears of rising inequality and job insecurity» [9]; «The OECD assessment of globalization-related fears came in its annual international employment outlook...» [12], это и размышления по поводу снижения доходов и усиления социального неравенства “Public mistrust of globalization is founded on legitimate concerns over the falling share of wages in national income and rising earnings inequality...» [12]; «...

with globalization comes an increased transparency of inequalities» [7], это и угроза собственной жизни “Protect yourself – hide under the table because there is globalization...” [5]; это и переживания родителей за судьбы своих детей: “That’s enough to create anxiety among parents who recently sent their children off to exclusive, high-priced colleges, convinced that a prestigious degree will protect them from the threat of globalization” [23].

Интересен и образ огромного зала с зеркалами, к которому прибегает журналист, используя прием сравнения: «...globalization is like the global hall of mirrors» [13]. Глобализация подобно зеркалам отображает все мировые события, например, социальное неравенство «...with globalization comes an increased transparency of inequalities» [7]. СМИ являются «помощниками» глобализации в данном процессе: «The extraordinary growth of the global media industry illustrates yet another aspect of globalisation. Nothing is hidden now in this world» [7].

Приписывается и образ некоего эксплуататора глобализации, который подчиняет себе людей и полностью завладевает их трудом и доходами: «... people who regard globalization as a process of exploitation companies... [21]; «... globalization can lead to corruption, exploitation, and impoverishment» [16]. Мир постепенно колонизируется: «...globalization may be little more than a license for giant Western companies to colonize the emerging world, yet more and more firms from poorer economies are planting their flags in rich ground” [8].

Разделение точек зрения на глобализацию как на зависящий и не зависящий от воли человека процесс сопровождается эмоциональной оценкой процесса: глобализация горячо приветствуется одними и решительно отвергается другими, что приводит к возникновению совершенно разных образов глобализации: глобализация как естественное явление и глобализация как сознательно инициированный и направляемый процесс.

▪ **Глобализация как стихийное явление**

Глобализация отождествляется с природным миром. В частности, глобализация сравнивается с природными явлениями, такими

как ветер и вода. Глобализация подобна природе, поскольку мы не в силах постичь все ее тайны или каким-то образом изменить законы функционирования таких природных констант, как солнце, луна, ветер...: “Globalization is not something we can hold off or turn off... it is the economic equivalent of a force of nature – like wind or water” [6]. Интересны сравнения и со стихийным бедствием, сметающим все на своем пути: “...globalization is an unmitigated disaster for the poorer... countries” [22] или с представляющей опасность для жизни людей волной – цунами: “globalization is the tidal wave ...” [23]. Причем процесс глобализации не только стихийен, но и неуправляем, подобно природным явлениям: “... globalization is unstoppable” [18].

Таким образом, можно сказать, что представление о глобализации как стихийном явлении подкрепляется и в значительной степени формируется концептуальными метафорами со сферами-источниками «природный мир». Использование метафор природного мира в данном контексте весьма показательно, ведь оно призвано подчеркнуть естественный характер глобализации, ее независимость от человеческой воли.

- **Глобализация как сознательно инициированный и направляемый процесс**

Метафоры, создающие образ глобализации как сознательно осуществляемого процесса, в качестве сферы-источника задействуют самые разные области человеческой деятельности. Представлены метафоры, связанные со строительством: у глобализации есть свои архитекторы, свой экономический базис и идейный фундамент. В качестве экономического базиса вырисовываются свободное движение и капитала, и товаров, и услуг, и труда: “the very foundations of globalization – the free movement of capital, goods and services, and labor” [10]. В качестве идейного фундамента представлены творчество, инновации, соперничество, сотрудничество и ответственность: «There, being innovative and creative is going to be fundamental to future business success. Competition and innovation, although fundamental, are not enough... My third characteristic of business is to learn better how to collaborate... My fourth business

imperative is that business needs to be responsible» [7]. Подобные метафоры здесь неслучайны: как отмечает Н.Д. Арутюнова, со времен К. Маркса принято представлять себе общество как некоторое здание, а социальные процессы рассматривать в терминах строительства, обустройства, перестройки, разрушения и т. д. [1, с. 234].

Несмотря на то что, глобализация «строит», она еще и разрушает, а потому появляется образ разрушения (destruction). Развиваются новые сферы деятельности, но приходят в упадок старые, люди теряют свои работы и попадают в категорию пострадавших от глобализации и, следовательно, ставят под сомнение ее созидательные силы: «In periods of rapid innovation, such as the recent episode of globalization, economic growth accelerates, but so does the rate of destruction of certain jobs and creation of other jobs. ... this emphasis on “destruction” of old jobs misleads the public about the “creative” aspect of creative destruction and its contribution to economic growth» [17].

Феномен глобализации не является до конца понятным и изученным. Он таит в себе как положительное, так и отрицательное, вот почему важно найти пути, как изъять блага из данного явления и миновать нежелательные последствия. Именно так мы начинаем рассуждать, наталкиваясь в статье английского издания The Times на метафоричное сравнение феномена глобализации с двуострым мечом: «Globalization has been a double-edged sword» [15]. В этом же издании аккумулируется мысль, что глобализация – процесс не неизбежный, ею можно и нужно управлять: «The problems of globalization are not inevitable. They are the result of the way we have managed globalization but it can be managed in a different way» [15]. Причем воспользоваться благами данного явления является возможным всем слоям населения, как развитыми, так и развивающимися странами: «It is only if we make these changes that globalization can live up to its potential of improving the living standards, not only for the rich and the richest in the world, but the rich and the poor in both the developing and the developed world» [15]. Влиянию глобализации подвержены все аспекты нашего общества, вот почему на по-

вестке дня стоит вопрос, о том, как заставить ее работать в наших интересах: «Today, globalization affects every aspect of our society and that is why an agenda to try to make globalization work has to be comprehensive in scope» [14].

Глобализация также сравнивается с игрой: «globalization game» [16], в которой есть победители и проигравшие «globalization has more winners and fewer losers» [14]. Метафоричное сравнение с игрой плавно перетекает в другое колоритное метафоричное сравнение с духом соперничества, который присущ любой игре и является главным двигателем на пути к победе «...the new opportunities which globalization brings, as well as the enhanced competition that accompanies, all mean that globalization can be a tremendous spur for innovation and creativity» [14]. Это соперничество – есть некое противостояние за лучшие условия жизни, за защиту собственной жизни, за образование ... «Globalization is a never-ending saga in which the striving for a better life and greater security by millions of individuals manifests itself in the search for profit, for a livelihood, for knowledge, for inner peace, for protection for oneself, one's dear ones and one's community» [19]. Это состязание не только между отдельными людьми, а целыми нациями и цивилизациями: «The globalization paradigm leads people to see economic development as a form of foreign policy, as a grand competition between nations and civilizations» [4].

Имеются и сравнения с театром / кинотеатром (play, never-ending saga), производственной сферой (product), охотой (chase for globalisation). У глобализации есть свое «оружие» (a global warrior, armed with mobile phones, laptop and credit card), моторы (OON, NATO и т. д.), главный двигатель (The USA), и др.

Анализ столь разных образов глобализации в массовом сознании вновь подтверждает мысль о том, что человек умеет интуитивно выбирать нужные метафоры, подкрепляющие его позицию и усиливающие аргументацию. Как известно, особенно ярко это проявляется в речи политиков, а так как использованный материал относится к сфере публицистики, то и в нем можно наблюдать эти проявления человеческой способности. Выбор метафор всякий

раз обусловлен взглядом автора публикации на глобализацию как на естественный или искусственный процесс (этот взгляд, в свою очередь, связывается с позитивным или негативным отношением пишущего к этому процессу).

Заключение

Явление глобализации представляет собой сложное и противоречивое явление культуры, не имеющее единого и точного определения. Мы, обобщая множество взглядов на данный процесс, понимаем под ним преобразования, охватывающие все стороны жизни общества, под влиянием общемировой тенденции к взаимозависимости и открытости.

Явление глобализации и его последствия не могут быть оценены однозначно. Анализ информационно-аналитических текстов показывает, что глобализация в англоязычной культуре существует как объективное явление, со своими законами, со своими плюсами и минусами, и не несет в себе только лишь положительный или отрицательный аспекты. Тем не менее, образ глобализации наделяется преимущественно отрицательными ассоциациями: глобализация рождает образы страха, террора, угрозы, разрушения, эксплуатации и др.

Разделение точек зрения на глобализацию как зависящий и не зависящий от воли человека процесс приводит к возникновению двух образов глобализации: глобализация как стихийное явление и глобализация как сознательно инициированный и направляемый процесс. Для обоснования образа глобализации как объективного, естественного явления используются метафоры, связанные с природным миром, а изображение глобализации как сознательно осуществляемого процесса сопровождается обращением к различным тематическим областям, связанным с человеческой деятельностью (строительству, игре, войне, охоте, спорту и др.).

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.

2. История как цепь катастроф // Независимая газета, 27.07.2006 URL: http://www.ng.ru/fakty/2006-07-27/2_jaimison.html (дата обращения: 20.08.2018).
3. Терин В.Т. Исследования средств коммуникации. URL: <http://www.sociognosis.narod.ru/MEDIA/MS02/INDEX.HTM> (дата обращения: 20.08.2018).
4. Brooks D. The Cognitive Age // The New York Times, May 2, 2008. URL: <https://www.nytimes.com/2008/05/02/opinion/02brooks.html?scp=1&sq=globalization&st=nyt> (дата обращения: 21.08.2018).
5. Browne A. We cannot hide. EU must accept globalization or we are nothing // The Times, 24 October, 2005.
6. Clinton B. quotes. URL: <http://www.afterquotes.com/great/quotes/globalization.htm> (дата обращения: 20.08.2018).
7. Dawson S. Globalisation places new responsibility on tomorrow's business leaders // The Times, 26 February, 2007.
8. Globalisation is creating a new class of companies; they should fight harder for it // The Economist, 10 January, 2008.
9. Globalisation needs more than PR to be sold to its losers // The Financial Times, 20 June, 2007.
10. Gordon B. Business leaders must now make the positive case for globalisation // The Times, 10 June, 2006.
11. Is the World Really Becoming a "Global Village"? URL: <http://www.chillibreeze.com/articles/global-village.asp> (дата обращения: 20.08.2018).
12. Jones A. Dangers of globalization overblown says OECD in move to calm fears // The Financial Times, 20 June, 2007. URL: <https://www.ft.com/video/8b1e2fec-5ad4-3aaa-9537-ce776e630bdf> (дата обращения: 20.08.2018)
13. Lull J. Globalisation, media aiding rape victims // The San Francisco Chronicle, December 16, 2007.
14. Stiglitz J. MBA Podcast: Making Globalisation work // The Times, 18 February, 2007.
15. Stiglitz J. Globalisation fails to help the poorest // The Times, 19 February, 2007.
16. The Business Week, November 6, 2000. URL: http://www.business-week.com/common_ssi/tools.htm (дата обращения: 16.10.2018).

17. The benefits and risks of financial globalization // The Cato Journal, January 1, 2003.
18. The Economist, 29 July, 2006. URL: https://www.economist.com/print-edition/covers?print_region=76977 (дата обращения: 20.08.2018).
19. The New York Times, May 30, 2007. URL: <https://www.nytimes.com/> (дата обращения: 16.10.2018).
20. The Telegraph, 9 September, 2006. URL: <https://www.telegraph.co.uk/archive/> (дата обращения: 16.10.2018).
21. The Times, 24 October, 2006. URL: <https://www.thetimes.co.uk/> (дата обращения: 20.08.2018).
22. The Foreign Policy, November 1, 2006. URL: <https://foreignpolicy.com/the-magazine/> (дата обращения: 16.10.2018).
23. Tucker C. Globalisation has a downside, and we'd better be prepared // UEXPRESS, September 1, 2007.
24. Wooing the world // The Economist, 27 March, 2008.
25. Winners and losers // The Economist, 28 February, 2008.

References

1. Arutyunova N.D. *Yazyk i mir cheloveka* [The Language and the Human World]. М.: Yazyki russkoi kultury, 1999. 896 p.
2. Istoriya kak tsep' katastrof [History as a Chain of Catastrophes]. *Nezavisimaya gazeta*, 27.07.2006. http://www.ng.ru/fakty/2006-07-27/2_jaimison.html (accessed: 20.08.2018).
3. Terin V.T. *Issledovaniya sredstv kommunikatsii* [Research of Communication Means]. <http://www.sociognosis.narod.ru/MEDIA/MS02/INDEX.HTM> (accessed: 20.08.2018).
4. Brooks D. The Cognitive Age. The New York Times, May 2, 2008. <https://www.nytimes.com/2008/05/02/opinion/02brooks.html?scp=1&sq=globalization&st=nyt> (accessed: 21.08.2018).
5. Browne A. We cannot hide. EU must accept globalization or we are nothing. The Times, 24 October, 2005.
6. Clinton B. quotes. <http://www.afterquotes.com/great/quotes/globalization.htm> (accessed: 20.08.2018).
7. Dawson S. Globalisation places new responsibility on tomorrow's business leaders. The Times, 26 February, 2007.

8. Globalisation is creating a new class of companies; they should fight harder for it. *The Economist*, 10 January, 2008.
9. Globalisation needs more than PR to be sold to its losers. *The Financial Times*, 20 June, 2007.
10. Gordon B. Business leaders must now make the positive case for globalisation. *The Times*, 10 June, 2006.
11. Is the World Really Becoming a “Global Village”? <http://www.chillibreeze.com/articles/global-village.asp> (accessed: 20.08.2018).
12. Jones A. Dangers of globalization overblown says OECD in move to calm fears // *The Financial Times*, 20 June, 2007. <https://www.ft.com/video/8b1e2fec-5ad4-3aaa-9537-ce776e630bdf> (accessed: 20.08.2018).
13. Lull J. Globalisation, media aiding rape victims. *The San Francisco Chronicle*, December 16, 2007.
14. Stiglitz J. MBA Podcast: Making Globalisation work. *The Times*, 18 February, 2007.
15. Stiglitz J. Globalisation fails to help the poorest. *The Times*, 19 February, 2007.
16. *The Business Week*, November 6, 2000. http://www.businessweek.com/common_ssi/tools.htm (accessed: 16.10.2018).
17. The benefits and risks of financial globalization. *The Cato Journal*, January 1, 2003.
18. *The Economist*, 29 July, 2006. https://www.economist.com/printedition/covers?print_region=76977 (accessed: 20.08.2018).
19. *The New York Times*, May 30, 2007. <https://www.nytimes.com/> (accessed: 16.10.2018).
20. *The Telegraph*, 9 September, 2006. <https://www.telegraph.co.uk/archive/> (accessed: 16.10.2018).
21. *The Times*, 24 October, 2006. <https://www.thetimes.co.uk/> (accessed: 20.08.2018).
22. *The Foreign Policy*, November 1, 2006. <https://foreignpolicy.com/the-magazine/> (accessed: 16.10.2018).
23. Tucker C. Globalisation has a downside, and we'd better be prepared. *UEXPRESS*, September 1, 2007.
24. Wooing the world. *The Economist*, 27 March, 2008.
25. Winners and losers. *The Economist*, 28 February, 2008.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Глебова Екатерина Александровна, доцент кафедры «Иностранные языки», кандидат педагогических наук
*Волгоградский государственный технический университет
пр. им. Ленина, 28, г. Волгоград, 400005, Российская Федерация
eaglebova@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Glebova Ekaterina Alexandrovna, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Ph.D. in Pedagogy
*Volgograd State Technical University
28, Lenin av., Volgograd, 400005, Russian Federation
eaglebova@mail.ru*

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-1-122-129

УДК 81-139

МЕТОД ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ИНДЕКСОВ В ИССЛЕДОВАНИИ АФФИКСОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ КАЧЕСТВА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ ТЕКСТЕ

Дмитриева Е.И.

Цель исследования. *Статья рассматривает применение метода типологических индексов в анализе словообразования. Типологическое индексирование помогает объективно описать частотность того или иного языкового явления. Принимая во внимание принцип эргодичности, заключающийся в том, что если в одной части системы осуществлена комбинация элементов определенного типа, то она осуществима и в другой части системы, можно считать метод индексов применимым для анализа отдельных языковых явлений на конкретном языковом материале. В данной работе рассмотрены индекс суффиксации, префиксации и деривации применительно к категории качества. Материалом практической части исследования служат профессиональные тексты железнодорожной тематики.*

Методы и методология исследования. *Основными методами является индексирование, количественный анализ и сопоставление.*

Результаты исследования. *Из полученных данных можно сделать вывод о том, что в профессиональном тексте наиболее часто встречаются суффиксы -ation, -tent, -ity и префиксы in-, en-.*

Область применения полученных результатов. *Полученные результаты могут применяться в дальнейших исследованиях в области словообразования и терминоведения, в ходе процедуры стандартизации терминов, а также при обучении английскому языку для специальных целей.*

Ключевые слова: *словообразование; аффиксы; индексирование.*

TYOLOGICAL INDEXES IN RESEARCH OF QUALITATIVE AFFIXES IN A PROFESSIONAL ENGLISH TEXT

Dmitrieva E.I.

Purpose. *The paper considers the application of the method of typological indexes in the analysis of word formation. Typological indexing helps to objectively describe the frequency of a linguistic phenomenon. Taking into account the principle of ergodicity, which consists in the fact that if in one part of the system a combination of elements of a certain type is implemented, then it is also possible in another part of the system, we can consider the index method applicable for analyzing individual language phenomena on a specific language material. In this paper we consider the index of suffixation, prefixation and derivation with reference to the category of quality. The material of the practical part of the study is the professional texts of the railway subject.*

Methodology. *The main methods are indexing, quantitative analysis and comparison.*

Results. *From the data obtained it can be concluded that in the professional text, the most common suffixes are -ation, -ment, -ity and prefixes in-, en-.*

Practical implications. *The results can be used in further research in the field of word-formation and terminology, during the procedure of standardization of terms, as well as in teaching English for specific purposes.*

Keywords: *Word-building; affixes; indexing.*

Настоящая статья посвящена анализу реализации аффиксов со значением качества в профессиональном тексте (на материале текстов железнодорожной тематики). Для анализа были выбраны материалы электронного издания *Railway Gazette International*. Обновляемое ежедневно, данное издание дает возможность оценить актуальное состояние словообразовательной системы. В связи с

тем, что *Railway Gazette International* содержит не только технические сведения, но мимо собственно железнодорожных терминов в нем представлен широкий пласт общеупотребительной лексики, а также термины из сферы экономики, управления, экологии и т.д. Объем текстовой выборки составил 74390 слов (470911 печатных знаков).

Типологическое индексирование помогает объективно описать частотность того или иного языкового явления. По мнению Дж. Гринберга, в зависимости от целей исследования могут быть отобраны разные языковые единицы. Принимая во внимание принцип эргодичности, заключающийся в том, что если в одной части системы осуществлена комбинация элементов определенного типа, то она осуществима и в другой части системы, можно считать метод индексов применимым для анализа отдельных языковых явлений на конкретном языковом материале.

Впервые метод типологических индексов был предложен Дж. Гринбергом как «попытка охарактеризовать каждый признак, используемый в данной классификации, через отношение двух единиц, каждая из которых получает достаточно точное определение посредством исчисления числового индекса, основанного на относительной частотности этих двух единиц в отрезках текста» в работе «Квантитативный подход к морфологической типологии языков». Автор выделяет следующие индексы:

- 1) M/W – индекс синтеза
- 2) A/J – индекс агглютинации
- 3) R/W – индекс словосложения
- 4) D/W – индекс деривации
- 5) I/W – индекс преобладающего словоизменения
- 6) P/W – индекс префиксации
- 7) S/W – индекс суффиксации
- 8) O/N – индекс изоляции
- 9) Pi/N – индекс словоизменения в чистом виде
- 10) Co/N – индекс согласования [2, с. 60–94].

Дальнейшее развитие теория типологических индексов получила в работах Е.С. Кубряковой [5].

Целесообразным представляется использование метода типологических индексов для описания той или иной грамматической категории. Применение данного метода позволяет дополнить структурную модель рассматриваемого явления вероятностным компонентом, то есть создать структурно-вероятностную модель употребления той или иной категории.

В данной работе будут рассмотрены индекс суффиксации, префиксации и деривации применительно к категории качества. Соответственно, предлагается введение трех индексов:

- 1) индекс качественной суффиксации, рассчитанный по формуле sq/w , где sq – число слов с суффиксами, выражающими значение качества, и w – общее число слов в тексте.
- 2) индекс качественной префиксации, рассчитанный по формуле pq/w , где pq – число слов с префиксами, выражающими значение качества, и w – общее число слов в тексте.
- 3) индекс качественной деривации, рассчитанный по формуле dq/w , где dq – число деривационных морфем, выражающих значение качества, и w – общее число слов в тексте.

Для получения объективного результата, каждый индекс рассчитан в ходе 10 экспериментов, проведенных на 10 случайно выбранных стословных отрезках текстов из указанной выше выборки. Результаты представлены в таблицах.

Таблица 1.

Индекс качественной суффиксации

Выборка 1	0,02
Выборка 2	0,05
Выборка 3	0,04
Выборка 4	0,05
Выборка 5	0,06
Выборка 6	0,03
Выборка 7	0,04
Выборка 8	0,04
Выборка 9	0,02
Выборка 10	0,05

Среднее значение индекса качественной суффиксации составляет 0,04 (для сравнения, общий индекс суффиксации в английском языке, рассчитанный Дж. Гринбергом составляет 0,64, рассчитанный Е.С. Кубряковой – 0,19).

*Таблица 2.***Индекс качественной префиксации**

Выборка 1	0,001
Выборка 2	0,006
Выборка 3	0,004
Выборка 4	0,003
Выборка 5	0,002
Выборка 6	0,003
Выборка 7	0,003
Выборка 8	0,004
Выборка 9	0,005
Выборка 10	0,001

Среднее значение индекса качественной префиксации составило 0,003. Данный невысокий показатель объясняется тем, что общий индекс префиксации в английском языке не является высоким (по подсчетам Дж. Гринберга и Е.С. Кубряковой, он составляет 0,04).

*Таблица 3.***Индекс качественной деривации**

Выборка 1	0,0050
Выборка 2	0,0038
Выборка 3	0,0040
Выборка 4	0,0042
Выборка 5	0,0044
Выборка 6	0,0039
Выборка 7	0,0042
Выборка 8	0,0041
Выборка 9	0,0045
Выборка 10	0,0040

Среднее значение индекса качественной деривации составляет 0,042 (при этом общий индекс деривации в английском языке, рассчитанный Дж. Гринбергом составляет 0,15, рассчитанный Е.С. Кубряковой – 0,23), т.е. можно говорить о том, что частотность аффик-

сов со значением качества составляет 28%, что представляет собой весьма высокий показатель.

В ходе исследования в исходной выборке были обнаружены следующие суффиксы (всего 3366 примеров употребления):

- acy – 20 примеров; 0,59% выборки, например, *privacy*
- age – 31 примеров; 0,92% выборки, например, *storage*
- ance – 311 примеров; 9,2% выборки, например, *maintenance, compliance*
- ation – 864 примеров; 25,6% выборки, например, *application, digitalisation, electrification*
- dom – 218 примеров; 6,4% выборки, например, *officialdom*
- ed – 242 примеров; 7,1% выборки, например, *accumulated, adjusted*
- ence – 110 примеров; 3,2% выборки, например, *difference, intelligence*
- ery – 30 примеров; 0,9% выборки, например, *delivery*
- hood – 30 примеров; 0,9% выборки, например, *likelihood*
- ish – 80 примеров; 2,36% выборки, например, *Danish*
- ism – 10 примеров; 0,29% выборки, например, *absenteeism*
- ity – 435 примеров; 12,9% выборки, например, *ability, capacity*
- ment – 512 примеров; 15,2% выборки, например, *deployment, equipment*
- ness – 173 примеров; 5,1% выборки, например, *completeness, cost-effectiveness*
- ous – 130 примеров; 3,86% выборки, например, *continuous, nitrous*
- ship – 20 примеров; 0,6% выборки, например, *partnership*
- some – 12 примеров; 0,35% выборки, например, *troublesome*
- y – 138 примеров; 4,1% выборки, например, *trustworthy, lengthy*.

Из приведенных выше данных можно сделать вывод о том, что в профессиональном тексте наиболее часто встречаются суффиксы *-ation, -ment, -ity*. Все они являются заимствованными (что можно объяснить высокой степенью интернационализации профессиональной лексики) и транспортирующими (в профессиональном тексте нет необходимости передавать оттенки значений слов).

В ходе исследования в исходной выборке были обнаружены следующие префиксы (всего 541 пример употребления):

de- – 30 примеров; 5,54% выборки, например, *derailment*
dis- – 31 пример; 5,7% выборки, например, *discontinued*
en- – 142 примера; 26,2% выборки, например, *enabled*
il- – 24 примера; 4,43% выборки, например, *illegal*
im- – 10 примеров; 1,84% выборки, например, *impartial*
in- – 157 примеров; 29% выборки, например, *incomplete*
ir- – 20 примеров; 3,69 % выборки, например, *irrelevant*
mis- – 17 примеров; 3,14% выборки, например, *miscalculation*
non- – 43 примера; 7,94% выборки, например, *non-electrified*
over- – 12 примеров; 2,2% выборки, например, *overcome*
un- – 21 примеров; 3,8% выборки, например, *unpleasant*
under- – 34 примеров; 6,28% выборки, например, *underestimated*

Из приведенных выше данных можно сделать вывод о том, что наиболее часто в подобных текстах встречаются префиксы *in-*, *en-*. Префикс *in-* выражает отрицание (причем подчеркнутое) и сочетается с латинскими основами, поэтому его широкое использование вполне объяснимо в тексте с большим процентом интернациональной лексики. В свою очередь префикс *en-* имеет значение наделения объекта каким-либо качеством, а наделение объекта каким-либо качеством, в свою очередь, является очень важной концепцией для технического текста, так как она отражает изменения состояния объекта в ходе проведения того или иного технологического процесса.

Список литературы

1. Арапов М.В. Квантитативная лингвистика. М.: Наука, 1988. 184 с.
2. Гринберг Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков // Новое в лингвистике. Вып. III. М., 1963. С. 60–94.
3. Зятковская Р.Г. Суффиксальная система современного английского языка // Структурные аспекты слова и словосочетания: межвуз. темат. сб. / Редкол.: Р.Г. Зятковская (отв. ред.) и др. Калининград: КГУ, 1980. С. 46–57.
4. Карашук П.М. Словообразование английского языка. М.: Высшая школа, 1977. 314 с.
5. Кубрякова Е.С. Теория номинации и словообразование. М.: URSS, 2016. 86 с.

6. Railway Gazette International [Электронный ресурс] <https://www.railwaygazette.com/>

References

1. Arapov M.V. *Kvantitativnaya lingvistika* [Quantitative linguistics]. M.: Nauka, 1988. 184p.
2. Grinberg Dzh. Kvantitativnyj podhod k morfoloicheskoj tipologii yazykov [Quantitative approach to the morphological typology of languages]. *Novoe v lingvistike* [New in linguistics]. Issue III. M., 1963, pp. 60–94.
3. Zyatkovskaya R.G. Suffiksals'naya sistema sovremennogo anglijskogo yazyka [Suffix system of modern English]. *Strukturnye aspekty slova i slovosochetaniya* [Structural aspects of words and phrases] / Redkol.: R.G. Zyatkovskaya (otv. red.) i dr. Kaliningrad: KGU, 1980, pp. 46–57.
4. Karashchuk P.M. *Slovoobrazovanie anglijskogo yazyka* [Word formation of the English language]. M.: Vysshayashkola, 1977. 314 p.
5. Kubryakova E.S. *Teoriya nominacii i slovoobrazovanie* [Theory of nomination and word formation]. M.: URSS, 2016. 86 p.
6. Railway Gazette International [Electronic resource]. <https://www.railwaygazette.com/>

ДАНИЕ ОБ АВТОРЕ

Дмитриева Елизавета Игоревна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Иностранные языки – 5»
Российский университет транспорта (МИИТ)
Минаевский пер., 2, г. Москва, 127055, Российская Федерация
eidmitrieva@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Dmitrieva Elizaveta Igorevna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department “Foreign Languages - 5”
Russian University of Transport
2, Minaevsky Lane., Moscow, 127055, Russian Federation
eidmitrieva@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-1-130-148

УДК 811.111

КЛАССИФИКАЦИЯ АГНОНИМОВ В ПЬЕСЕ У. ШЕКСПИРА «КОРОЛЬ ЛИР»

Ершов Д.И.

Целью данного исследования является создание классификации агнонимов по тексту оригинала трагедии У. Шекспира «Король Лир».

Методы исследования. В работе использованы следующие основные методы и приёмы исследования: общенаучные методы анализа, сравнения, описания (при работе с лексическим материалом). Интроспективный подход к тексту явился одним из основных при отборе материала для научной статьи. В исследовании также применялись: метод сплошной текстовой выборки, лексикографический метод, компонентный анализ лексической семантики, приёмы обобщения и классификации, метод дискуссии и анализа лексикографических данных социологического опроса.

Результаты работы. В пьесе Шекспира «Король Лир» нами были определены три основные функции агнонимов – стилистическая, экспрессивная и прагматическая. Кроме того, были даны две классификации агнонимических рядов – групп агнонимов, объединённых по своим функциям. Первая классификация охватывала грамматические агнонимические ряды. Вторая – тематические. Для каждой классификации из текста анализируемого произведения были выбраны необходимые группы агнонимов. Были определены методы выявления и распознавания агнонимов. Возникновение агнонимов в тексте нами было объяснено авторским специфическим замыслом, делающим текст его произведения оригинальным, своеобразным и неподражаемым в своей уникальной идентичности, с учётом теории релевантности с учётом текстовых категорий насыщенности неоднозначности при опоре на когнитивный подход – теорию реликтовых концептов.

Область применения результатов: рекомендации по использованию результатов диссертационного исследования, отражённых в настоящей статье, состоят в возможности их применения при разработке лекционных и практических курсов по лексикологии, когнитивной лингвистике, истории английского языка, лингвистике текста, для проведения практических занятий по аналитическому чтению оригинальных текстов, а также при написании исследовательских работ разного уровня. Проведённый в работе анализ оригинального текста трагедии У. Шекспира «Король Лир» на предмет наличия в нём агнонимов может лечь в основу спецкурсов по исторической прагмалингвистике и аналитической лексикологии.

Ключевые слова: агнонимы; классификация агнонимов; теория релевантности; критерий; насыщенность; реликтивизация концептов и словоформ; неоднозначность; когнитивный подход; лингвистический корпус; готическая трагедия.

CLASSIFICATION OF AGNONYMS IN W. SHAKESPEARE'S PLAY KING LEAR

Ershov D.I.

The subject of the research is the semantics, functions and contextual environment of potential agnonyms of W. Shakespeare's tragedy King Lear. The article is devoted to English agnonyms and their groups in the text of the play.

The purpose of this study is to create a classification of agnonyms in the text of the original.

Research methods. The following basic research methods and techniques were used: general scientific methods of analysis, comparison, descriptions (when working with lexical material). The introspective approach to the text was one of the main ones in the selection of material for a scientific article. The study also used: the method of continuous textual sampling, the lexicographic method, component analysis of lexical semantics, methods of generalization and classification, the

method of discussion and analysis of lexicographic data of a sociological survey.

The results of the work. *In Shakespeare's play King Lear, we identified three main functions of agonyms, i.e. stylistic, expressive, and pragmatic. In addition, two classifications of agonymic series were grouped according to their functions. The first classification covered grammatical agonymic series. The second is thematic. For each classification, the necessary groups of agonyms were selected from the text of the analyzed work. The methods for identifying and recognizing agonyms were defined.*

The appearance of agonyms in the text was explained by us by the author's specific concept, making the text of his work original, original and inimitable in his unique identity, taking into account relevance theory taking into account textual categories of ambiguity saturation based on the cognitive approach – theory of relic concepts.

Practical implications. *Recommendations on the use of the results of the dissertation research, reflected in this article, consist in the possibility of their use in the development of lecture and practical courses in lexicology, cognitive linguistics, history of the English language, text linguistics, for conducting practical classes on analytical reading of original texts, as well as when writing research papers of different levels. The analysis of the original text of the tragedy for the presence of agonyms in it can form the basis of special courses in historical pragmalinguistics and analytical lexicology.*

Keywords: *agonyms; classification of agonyms; relevance theory; criterion; saturation; relictization of concepts and word forms; ambiguity; cognitive approach; linguistic corpus; gothic tragedy.*

В результате взаимодействия человека с миром складываются его представления о мире, формируется некоторая модель мира, которая в философско-лингвистической литературе именуется картиной мира. В последние десятилетия одной из важных проблем когнитивной лингвистики стала проблема отображения в сознании человека целостной картины, фиксируемой языком [5, с. 48].

Картина мира «запечатлевает в себе определённый образ, который никогда не является зеркальным отражением мира» [8, с. 60]. Так как возникновение картины мира тесно связано с языком и во многом определяется языком, её называют «языковой картиной мира». Немецкий языковед Й.Л. Вайсгербер, образуя от слова «Wort» новый глагол «worten», говорил, что родной язык есть «ein Worten der Welt» – «осмысление мира, постижение мира в слове» [2, с. 27]. Решая проблему соотношения концептуальной и языковой картин мира, лингвисты пытаются установить, как происходит формирование тех или иных концептов. Они выделяют целый ряд базисных когнитивных категорий (концептов), которые являются универсальными, ибо отражают единый для всех когнитивный процесс. К таким универсальным концептам относятся пространство, время, число, дружба и др. [5, с. 51]. По мнению российского и советского лингвиста-востоковеда В.Б. Касевича, картина мира, закодированная средствами языковой семантики, со временем может оказываться в той или иной степени пережиточной, реликтовой, устаревшей: *солнце садится, дождь идёт*. Или ещё пример: довольно часто для обозначения и передачи состояния эмоционального подъёма говорящий использует фразеологизм *воспарить душой*, не осознавая, что это средство языка связано с архаическими представлениями о наличии внутри человека животворящей субстанции–души, которая мыслилась в мифологической картине мира в виде пара и могла покидать тело, подниматься к небу [Там же, с. 52]. Все эти явления ведут к появлению проблемы непонимания некоторых слов и выражений в языке и речи.

В 90-е г. XX в. в науке появился термин *агноним*, напрямую связанный с проблемой понимания слов отдельной языковой личностью [6, с. 13; 7, с. 87]. Многие слова, встречающиеся в текстах английской классической литературы, для современного носителя языка непонятны или понятны лишь частично.

В конце XX в. возникло особое направление лексикографии, связанное с фиксацией и толкованием слов, вызывающих трудности в понимании их значения. Одной из первых попыток такого

лексикографирования явился словарь-справочник под редакцией А.А. Семенюк «Лексические трудности русского языка». Появляются словари редких, забытых, трудных слов: словарь под редакцией Р.П. Рогожникова «Редкие слова в произведениях авторов XIX в.». Но агнонимы есть практически в каждом языке. Э.В. Фомин составил и издал «Материалы словаря агнонимов чувашского языка. В Варшаве в 2007 г. выходит сборник «Словарные агнонимы русского языка» под редакцией Яна Вавжинчика, где собраны слова, не зафиксированные словарями современного русского языка. В сборнике показано структурное, семантическое и прагматическое разнообразие агнонимов на примере обширной группы лексем.

Таким образом, актуальность исследования обусловлена несколькими обстоятельствами: 1) научным интересом к проблеме понимания значения слова носителями и неносителями языка; 2) потребностью постоянного осмысления и переосмысления творчества У. Шекспира как величайшего мастера слова; 3) облегчением процесса понимания незнакомых слов и декодирования оригинального текста трагедии У. Шекспира «Король Лир».

Теория релевантности в настоящее время представляет собой довольно популярную альтернативу грайсовскому подходу к значению говорящего и его Принципу Кооперации. Авторами этой теории являются французские учёные Деирдра Уилсон и Дан Спербер. Свою концепцию они постоянно совершенствуют, выступив в творческом дуэте в 1986 г. с книгой «Relevance: Communication and Cognition» и активно публикуясь совместно и порознь вплоть до настоящего времени [14].

В качестве стимулов для построения Теории Релевантности послужили следующие главные источники:

- а) работы Г.П. Грайса о коммуникации между людьми (как вербальной, так и невербальной), в процессе которой осуществляется выражение и распознавание интенций; и
- б) на начальном этапе книга Дж. Фодора «The modularity of mind» (1983), посвящённая сопоставлению процессов кодирования/декодирования информации и выводного (инференционного) оперирования информацией, архитектуре разума.

Г.П. Грайс заложил основы инференционно-прагматической модели. Д. Спербер и Д. Уилсон исходят из того, что передачу информации обеспечивают две модели – *кодвая* и *инференционная* [14, с. 37]. Согласно кодовой модели, говорящий кодирует своё намеченное для передачи сообщение посредством сигнала, а слушатель осуществляет декодирование, используя идентичную, как и у говорящего, копию кода. Согласно инференционной модели коммуникации, говорящий обеспечивает как языковыми, так и неязыковыми средствами *очевидность* (evidence, ясность, доказательность) своего намерения передать определённое значение, которое слушателем выводится на основе обеспеченной говорящим очевидности путём логического выведения (инференции) [Там же, с. 38].

В работе норвежского учёного Г. Кйолла «Значение слова, понятия (концепты) и представление абстрактных объектов с точки зрения фундаментальной прагматики и семантического экстернализма» указано, что теория релевантности видит разрыв между материалом, закодированным высказыванием на естественном языке и значения, которые они используют, чтобы передать так же хорошо, как направить к радикальному распространению прагматических процессов при интерпретации высказываний [11, с. 61]. Хотя унитарный прагматический процесс, обусловленный ожиданиями релевантности, в конечном счете ответственный за преодоление разрыва между значением лингвистической строки и ему явно сообщается содержание, существует несколько прагматических подзадач, которые слушатель должен выполнить в процессе лингвистической интерпретации. Существует неоднозначность, когда слушатель должен определить, какой из двух (или более) гомофонических и / или гомографических лексических единиц ('bank', 'race', 'fly') говорящий использовал по определенному случаю. Существует насыщенность, которая связана с интерпретацией контекстно-зависимых выражений таких, как индексы и демонстрационные материалы (например, 'I', 'you', 'him', 'this', 'there', 'here', 'now', 'yesterday') [Там же, с. 61].

Как далее пишет Г. Кйолл, ссылаясь на новозеландского лингвиста Р. Карстона, насыщение (сатурация) является лингвистиче-

ски закрепленным прагматическим процессом, поскольку никакое предложение не будет выраженным высказыванием, содержащим ненасыщенное выражение. Например, высказывание: «I am here now» не может считаться истинным или ложным до тех пор, пока лексические элементы «я», «здесь» и «сейчас», были прагматически назначены их референтами. В дополнение к лингвистически мотивированным процессам устранения неоднозначности и насыщенности (которые, как правило, соглашаются внести свой вклад в явное содержание высказываний), защитники радикальной прагматики утверждают, что процессы бесплатного обогащения отвечают за восстановление различных лингвистически незакодированных элементов. Свободное обогащение является прагматически мотивированным, в этом оно принимает значение в качестве входного материала, который может быть оценен по истине, и он обогащает его, чтобы удовлетворять ожиданиям релевантности [11, с. 61].

Однако, на наш взгляд, если насыщенность и неоднозначность не удовлетворяют ожиданиям релевантности, а читатель (при чтении текста пьесы) или слушатель речи актёров сталкивается с непониманием концептов, которые содержатся в тексте трагедии или речи исполнителей ролей, то возникает явление агнонии, под которым мы будем понимать частичное или полное непонимание закодированного текста. Явление агнонии связано с наличием агнонимов в тексте – слов, кодирующих неизвестные концепты (с точки зрения когнитивной лингвистики) или же известных концептов, закодированных неизвестными и непонятными словоформами.

В статье У. Элиот и Р. Дж. Валенца с интересным названием «My Other Car is a Shakespeare» («Мой Другой Автомобиль – Шекспир»), которая явилась ответом на работу «Apples to Oranges in Bard Styometrics» («Яблоки с апельсинами в бардовской стиометрии») Дж. Шахана и Р. Уэйлена, авторами статьи рассматривается оригинальность произведений У. Шекспира с помощью стилометрического анализа: «Мы измерили Шекспировское несоответствие (SD) стилометрически и нашли это чрезвычайно точным в различных Шекспира и не-Шекспира. Оксфордская СД слишком высока

(написана позже, более современным языком), чтобы сделать его вариант вероятным претендентом на подлинность У. Шекспира. Его известные стихи и творчество Шекспира согласно данным исследования разделяются годами. Шансы, которые позволили бы кому бы то ни было написать подобные труды (пьесы, стихи) случайно, намного ниже, чем шансы получить удар молнии» [9].

Чем же обеспечивается такое стилистическое своеобразие языка У. Шекспира? Выдвинем гипотезу по этому поводу, которую попытаемся обосновать и доказать в настоящей статье. Суть гипотезы заключается в том, что стилистическая специфика языка У. Шекспира обеспечивается явлением агнонимии, т.е. наличием в его текстах большого числа агнонимов, связанных между собой особыми внутритекстовыми закономерностями и разнообразными контекстуальными связями, позволяющими их выделять и классифицировать.

Рассмотрим несколько примеров из текста оригинала «Короля Лир» У. Шекспира. В тексте пьесы есть следующие слова: *liege, Exeunt, 'tis, Unburthen'd, dowers, rivals, divest, bounty, doth, thy, dower, Hecate, orbs, disclaim, thee, barbarous Scythian, thou, dragon, wrath, Hence, mine arm, meiny, woe, twain, realm, gored, sustain, hath, Exeunt, dead march, ghost* [13]. Эти слова и есть агнонимы, так как вследствие затруднений с раскодированием этих слов согласно вышеуказанной теории релевантности нарушается критерий насыщенности предложений и возникает неоднозначность толкования их смысла. Реликтовые концепты, обозначенные агнонимами, создают реальные трудности в восприятии текста, но вместе с тем несут на себе большую стилистическую нагрузку. Так, например, агноним «*Hecate*» имеет отнесённость к античной мифологии.

Какими способами и методами можно определить значение незнакомого слова в тексте? Как можно определить значение агнонима и раскрыть его функции в тексте? Существует несколько способов: 1) по контексту; 2) по словарям различных профилей; 3) посредством компонентного анализа; 3) методом когнитивной индукции и дедукции с опорой на контекст (от общего анализа частей контекста-входящих в него концептов, обозначенных извест-

ными словами к частному и наоборот); 4) посредством корпусного анализа; 5) методом стилометрии; 6) методом стилистического анализа; 7) методом прагматического анализа через теорию релевантности (упомянут выше); 8) с использованием современных компьютерных технологий (если значение агнонимов будет задано в программу ЭВМ); 9) методом НЛП технологий.

Последние из указанных методов рассмотрены в статье Дж.М. Тейлор и Х.Ф. Хемпельманна, где описывается вычислительный подход для выяснения значения ранее неучтенных слов во внедренной системе обработки естественного языка. Научный интерес представляет сравнение результатов, полученных с использованием компьютерных технологий, и данных, полученных с использованием новых словарей из контекстуальной подсказки, а также лексикографические усилия по учету неологизмов. Авторы пересматривают предыдущие усилия НЛП-технологий в обработке новых слов и устанавливают разницу, в основном подтверждающую преимущества и гораздо более богатые семантические ресурсы – предлагаемого вычислительного подхода. Наконец, для получения результатов компьютерного эксперимента, который заключался в выяснении значений несуществующего слова, помещенного в качестве прямого объекта, были использованы 100 случайно выбранных глаголов. После установления значений этих глаголов методами онтологической семантики и компьютерных технологий полученные данные и результаты были представлены для обсуждения [15, с. 6].

Корпусный метод выявления значения агнонимов основан на использовании лингвистических корпусов. Под лингвистическим корпусом понимается сборник лингвистических данных, а также письменных текстов, которые могут быть использованы в качестве отправной точки лингвистического описания или в качестве средства проверки гипотез о языке [12]. Корпусная лингвистика же, понимается как способ проведения лингвистического анализа. Как отмечает исследователь Д. Крегер, в центре внимания корпусной лингвистики лежит выявление структуры аутентичного использования языка, посредством анализа фактического использования. Це-

лью корпуса на основе анализа является не создание теорий о том, какие явления возможны в языке, а использование структуры эмпирических данных и то, что эти данные говорят нам об особенностях языка [12]. Дж. Калпепер и А. Жулейн-Джей поясняют порядок работы с корпусом, посвящённым языку У. Шекспира – Encyclopaedia of Shakespeare’s Language Project. Это проливает свет на то, какой язык использовал У. Шекспир на нескольких уровнях – слова, фразы, семантические темы, профили персонажей и многое другое. В частности, он показывает, что представляет собой язык Шекспира елизаветинской эпохи через анализ миллионов слов, написанных его современниками. Основным результатом проекта будет двухтомная энциклопедия, опубликованная в газете и онлайн. В этом документе основное внимание уделяется тому 1, который, по сути, основан на корпусе словаря слов У. Шекспира [10].

В общем, все приведённые выше методы основаны либо на использовании словарей, либо на использовании контекста. Вернёмся к анализу агнонима «Несате». Несате – Геката Дочь Перса и Астерии, богиня луны и ночи, волшебница, повелевающая злыми демонами и пугающая людей призраками [4, с. 71]. Она смешивалась нередко с Артемидой, Прозерпиной и Селеной изображалась с тремя головами. Ей приносились в жертву собаки, мед и черные овцы. Синонимы для гекаты: артемида, астероид, богиня, мрак, персефона, селена, тергемина [Там же, с. 72].

Этот вид агнонимов по нашей классификации следует отнести к разряду мифонимов. Мифоним – греч. [μῦθος «миф», ὄνομα «имя») собственное имя вымышленного объекта любой категории (героя, божества, демонического персонажа, места) в мифах и сказаниях (Одиссей, Посейдон, Змей-Горыныч, Китеж) [3, с. 27]. Мифоним удобно использовать как особый термин для мифологических агнонимов с утраченным концептом. Таким образом, когнитивный подход помогает классифицировать по видам концептов различные виды агнонимов. Мифоним Несате вместе с другими мрачными готическим агнонимами – *dead march*, *ghost* позволяют У. Шекспиру в трагедии «Король Лир» создать особую романтическую, готиче-

скую атмосферу, вследствие чего трагедию «Король Лир» можно отнести к готическому стилю.

И хотя появление готического романа относится к XVIII в., по нашему мнению, трагедия У. Шекспира «Король Лир» написана именно в готическом стиле, так как здесь налицо все готические элементы: проклятие отца Короля Лир, наложенное на своих дочерей за их неблагодарность с использованием сил природы, которое к концу трагедии реализуется гибелью его и его дочерей под ударами судьбы. Использование мифонимов для создания мрачного, средневекового колорита лишней раз подчёркивает готический стиль трагедии, которую с полной уверенностью можно отнести к особому готическому жанру – готической трагедии, готической пьесе. Мифонимы и другие агнонимы, выполняющие стилистические функции в тексте пьесы по созданию готических концептов – готических образов, такие как – *dead march*, *ghost* – следует для удобства обозначить особыми терминами, связанными с готикой – «готонимы» (готинонимы, готические агнонимы). Одновременно помимо стилистической функции эти агнонимы несут в тексте особую экспрессивную нагрузку для создания выразительности, подчёркивая особую авторскую позицию по изображаемым сюжетным линиям. Здесь проявляется две другие функции готонимов (готических агнонимов) – экспрессивная и прагматическая. Прагматическая функция агнонима определяется его прагматическим значением – специфическим восприятием заключенной в языковом высказывании информации со стороны различных получателей и групп получателей (в нашем случае читателей текста пьесы или слушателей и зрителей исполнения её актёрами, когда на сцене текст пьесы становится креализованным, объединяющим различные семиотические системы – аудиальную, драматическую, прагматическую и визуальную). Прагматическое значение определяется прагматическими отношениями.

Все агнонимы в тексте пьесы «Король Лир» для удобства можно разделить на грамматические и лексико-тематические. Грамматические явления будут связаны с архаичными грамматически-

ми отношениями между словоформами, архаичное оформлением словоформ или использованием архаичных словоформ. Приведём примеры:

My unprovided body, lanced *mine arm*: (с. 57);
But when he saw *my best alarum*'d spirits, (с. 57).

Здесь мы видим использование двух форм притяжательного местоимения первого лица единственного числа – основной (*my*) и абсолютной (*mine*) в одной грамматической функции определения. Если в современном языке основная форма исполняет функцию определения и ее задача – всегда стоять перед существительным, то абсолютная форма, которая является второй, используется непосредственно для замены самого существительного, то есть определяемого слова. Подобное нетипичное для современного английского языка грамматическое использование абсолютного местоимения создаёт особый тип грамматических отношений – агнонимических и создаёт явление грамматической агнонимии. Словосочетание *mine arm* в этом случае следует охарактеризовать как агнонимическое.

Теперь приведём пример наиболее полной и исчерпывающей классификации грамматических и лексико-тематических агнонимов по тексту трагедии. Вместе с тем следует отметить, что в неё войдут не все агнонимы, имеющиеся в пьесе, а лишь их типы-типические представители той или иной группы.

Следует отметить устаревшие формы слова, являющиеся поэтизмами в современной литературе, такие как:

* устаревшие формы глаголов единственного числа второго лица, оканчивающиеся на “st” (gavest (p. 39), borest (p. 39), swear'st (p. 11), dost (p. 12); hast (p. 12); think'st (p. 12); hadst (p. 15), soundest (p. 18), lovest (p. 30), wouldst (p. 31), owest (p. 37), goest (p. 37), throwest (p. 37), wast (p. 38), put'st (p. 39), o' (p. 40), show'st (p. 43), liest (p. 43), didst (p. 43) и др.);

* глаголы единственного числа третьего лица, оканчивающиеся на “th” (doth (p. 6), hath (p. 5), heareth, stealth (p. 19), rageth (p. 26) и др.);

* сокращенные формы ('tis (pp. 6, 16, 18), 'twas, e'er (p. 6), do't (p. 15), i' (p. 18), 'tween (p. 19), o'er-looking (p. 20), 'twixt (p. 24), thou'lt

(p. 36), on's (p. 36), o'er (p. 39), ne'er (p. 39), 'scape (p. 41), 'em (p. 51) и др.), 'gainst (p. 55);

* устаревшие формы личных и притяжательных местоимений второго лица (thee (p. 7), thy (p. 9), thine (p. 7), thou (p. 9), ye (p. 26)) и др.;

* устаревшие формы неопределённых местоимений (aught (p. 13));

* устаревшие агнонимичные формы модальных глаголов (shalt (p. 32), durst (p. 12), wilt (p. 10), canst (p. 30), couldst и др.);

* архаичные коррелирующие частицы (thither–whither, hithe (p. 34));

* устаревшие формы предлогов (betwixt (p. 10), withal (p. 23));

* устаревшие формы наречий, междометий и вводных слов (haply (p. 8), Ay (p. 9); hence (p. 17); nay (p. 36));

* устаревшие формы обращений (sirrah (p. 22));

* устаревшие, агнонимичные предикативные конструкции (wont (p. 39)).

В.Д. Аракин указывает на то, что существовавшая в древнеанглийский период система корреляции, в которой преобладали однородные коррелирующие частицы, в течение среднеанглийского периода распадается. В одних случаях коррелирующие частицы как средство выражения подчинительной связи исчезают, например, в предложениях места древнеанглийское сочетание *ƿær... ƿær* заменяется союзом *whan, when* и т.д. [1, с. 98].

В других случаях, например, в обстоятельственных предложениях образа действия, следствия и причины, выражение подчинительной связи при помощи коррелирующих союзов проявляет большую устойчивость и сохраняется до наших дней, например, коррелирующие сочетания *so ... that, such...that*, включая приведённое выше коррелирующее сочетание: архаичные коррелирующие частицы (thither–whither). Все подобные архаичные сочетания можно рассматривать как агнонимические корреляты, или агнонимические грамматические ряды. Именно эти формы реально затрудняют понимание текста. Но, помимо грамматических агнонимов в тексте пьесы есть и лексический, относящиеся к терминологической лексике.

Специализированную тематическую агнонимическую лексику, встречающуюся в трагедии, мы поделим на группы по видам тер-

минов: 1) юридические агнонимы (сюда войдут и финансово-экономические); 2) религиозные агнонимы; 3) готические; 4) книжная лексика и поэтическая (поэтизмы); 5) театральные; 6) военные; 7) античная мифология: эллинизмы и латинизмы; 8) историческая лексика; 9) бранная лексика, вульгаризмы, ругательства, сленгизмы, аргоизмы и другие стилистически сниженные агнонимы; 10) геологические агнонимы; 11) диалектизмы; 12) зоологизмы; 13) анатомические агнонимы (анатомизмы); 14) психологические агнонимы (психологизмы).

К первой группе юридических агнонимов отнесём следующие: *a constant will* (p. 6), *sue* (p. 5), *court* (p. 6), *dowers* (p. 6), *Albany's issue* (p. 7), *bond* (p. 8), *disclaim* (p. 9), *property* (p. 9), *arraign* (p. 113).

Во вторую группу религиозных агнонимов можно включить: *profess* (p. 7), *dragon* (p. 9), *benison* (p. 16), *reverend* (p. 42), *fiend* (p. 43).

В третью группу готических агнонимов (готонимов, готинимов) войдут следующие слова: *fiend* (p. 43), *Hecate* (p. 9), *dead march* (p. 196), *ghost* (p. 195).

К четвёртой группе книжных агнонимов и поэтизмов (поэтических агнонимов отнесём): *moiety* (p. 4), *unburthen'd* (p. 6), *divest* (p. 6), *plenteous* (p. 7), *meads* (p. 7), *felicitate* (p. 7), *begot* (p. 8), *wed* (p. 8), *orbs* (p. 9), *twain* (p. 196).

В пятую группу театральных агнонимов войдут: *sennet* (p. 5), *exeunt* (p. 6).

К шестой группе военных агнонимов можно отнести: *rivals* (p. 6), *bounty* (p. 6), *bounds* (p. 6), *messes* (p. 9), *gorge* (p. 9).

К седьмой группе античных агнонимов можно отнести: *Hecate* (p. 9), *dragon* (p. 9).

Восьмая группа – историческая лексика: *knave* (p. 5), *liege* (p. 6), *dowers* (p. 6), *majesty* (p. 8), *motley* (p. 38), *rod* (p. 39), *squires* (p. 42), *rabble* (p. 43), *meiny* (p. 70), *Nero* (p. 112), *villain* (p. 121).

Девятая группа – стилистически сниженные агнонимы: *whoreson* (p. 5), *rabble* (p. 43).

Десятая группа – геологические агнонимы – *heave* (p. 8).

Одиннадцатая группа – диалектизмы – *bond* (p. 8).

Двенадцатая группа – зоологизмы – dragon (p. 9).

Тринадцатая группа – анатомизмы (анатомические агнонимы) – womb (p. 44), spleen (p. 44).

Четырнадцатая группа – психологизмы (психологические агнонимы) – spleen (p. 44), thwart (p. 44).

Подводя итог проделанному в статье анализу трагедии Шекспира «Король Лир», следует отметить, что чтение произведения в оригинале может вызвать затруднение у неподготовленного читателя в связи с большим количеством агнонимов, под которыми мы будем понимать любые лексические или фразеологические единицы языка, которые неизвестны, непонятны или малопонятны одному или многим его носителям. Многие агнонимы являются диалектными, специальными терминами или устаревшими (архаизмами), но некоторые из них не имеют в словарях стилистических помет и относятся к нейтральной общелитературной лексике.

Нами было отмечено, что при определении агнонимов в иностранном языке, необходимо учитывать уровень подготовки читателей, близость их к языку, откуда берутся агнонимы: является ли для них этот язык первым или вторым в изучении или родным. Критерии отбора агнонимов могут быть следующими:

- 1) слово из родного мне языка, но я знаю не все его значения и не могу понять текст;
- 2) слово из неродного, но изучаемого мной языка, которым я владею слабо и не могу определить, его значения по контексту;
- 3) слово из иностранного языка, с которым я знаком, но все значения слова не знаю и у меня возникают трудности при определении его значения при семантизации в тексте;
- 4) слово из иностранного мне языка, которое я знаю, но его могут не знать другие люди;
- 5) слово из специализированной лексики иностранного языка (юридической, религиозной), которое не знакомо мне, так как я знаком лишь с ограниченным пластом общественно-бытовой лексики, необходимой для того, чтобы объясниться на простейшие темы.

Возникновение агнонимов в тексте нами было объяснено авторским специфическим замыслом, делающим текст его произведения оригинальным, своеобразным и неподражаемым в своей уникальной идентичности, с учётом теории релевантности с учётом текстовых категорий насыщенности неоднозначности при опоре на когнитивный подход – теорию реликтовых концептов. Наличие агнонимов в тексте произведения делает текст насыщенным для его создателя, но ненасыщенным для реципиента – вследствие неоднозначности для него непонятных агнонимов по ряду причин: 1) из-за реликтивизации, устаревания ряда обозначенных ими концептов или словоформ, передающих общеупотребительные концепты; 2) из-за редкости и специфичности терминологически обусловленных концептов; 3) малоупотребительности иных словоформ и неизвестности некоторых концептов; 4) из-за вульгаризации некоторых концептов и словоформ, так если (перехода их в разряд сленговой, вульгарной, бранной и ругательской обценной лексики); 5) из-за арготизации, неологизации и жаргонизации концептов и словоформ. В трагедии У. Шекспира «Король Лир» полное или частичное непонимание слов, отнесённых к агнонимическим рядам, ведёт к утрате характеристик персонажа, быта, социального устройства и др., имеющих значение для восприятия художественной (в том числе идейно-смысловой) стороны текста.

Список литературы

1. Аракин В.Д. История английского языка. Учебное пособие. 2-е издание. М.: Физматлит, 2003. 272 с.
2. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа. М.: Едиториал УРСС, 2004. 232 с.
3. Варбот Ж.Ж., Журавлев А.Р. Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикографии. М.: Российская академия наук: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 1998. 54 с.
4. Гиро П., Корш М. Краткий словарь античности. М.: Олма-Пресс, 2001. 446 с.

5. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. Учебное пособие. Минск: ТетраСистемс, 2004. 255 с.
6. Морковкин В.В., Морковкина А.В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. М.: Б. и., 1997. 414 с.
7. Савина Е.О. Потенциально агнонимическое пространство романа Л.Н. Толстого «Война и мир»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Тула, 2015. 214 с.
8. Серебрянников Б.А. О материалистическом подходе к языковым явлениям. М.: Наука, 1983. 319 с.
9. Elliot W., Valenza R.J. My Other Car is a Shakespeare: a Response to Shahan and Whalen's "Apples to Oranges in Bard Styometrics". URL: http://www1.cmc.edu/pages/faculty/welliott/UTConference/My_Other_Car.pdf (дата обращения: 10.12.2018).
10. Culpeper J., Joulain-Jay A. Grappling with Shakespeare's words: maximizing historical corpus-based approaches. URL: <https://www.birmingham.ac.uk/Documents/college-artslaw/corpus/conference-archives/2017/general/paper68.pdf> (дата обращения: 12.12.2018).
11. Kjøl G. Word meaning, concepts and the representation of abstract entities from the perspective of radical pragmatics and semantic externalism. PhD thesis. Oslo: Faculty of Humanities Faculty of Humanities University of Oslo, 2010. 256 p.
12. Krieger D. Corpus Linguistics: What It Is and How It Can Be Applied to Teaching Siebold University of Nagasaki. URL: <http://iteslj.org/Articles/Krieger-Corpus.html> (дата обращения: 12.12.2018).
13. Shakespeare W. Tragedy «King Lear». URL: <https://www.globalgreycbooks.com/content/books/ebooks/king-lear.pdf> (дата обращения: 10.10.2018).
14. Sperber D., Wilson D. Relevance Communication and Cognition. Hoboken: Blackwell, 1995. 326 p.
15. Taylor J.M., Raskin V., Hempelmann C. Towards Computational Guessing of Unknown Word Meanings: The Ontological Semantic Approach. International Journal of Cognitive Informatics and Natural Intelligence, 2013. no 3, pp. 3581–3586.

References

1. Arakin V.D. *Istoriya anglijskogo yazyka* [History of the English Language]. M.: Fizmatlit, 2003. 272 p.
2. Vajsgerber J.L. *Rodnoj yazyk i formirovanie duha* [Native Language and Spirit Formation]. M.: Editorial URSS, 2004. 232 p.
3. Varbot Zh.Zh., Zhuravlev A.R. *Kratkij ponyatijno-terminologicheskij spravochnik po ehtimologii i istoricheskoj leksikografii* [Brief Conceptual and Terminological Reference on Etymology and Historical Lexicography]. M.: Rossijskaya akademiya nauk: Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova RAN, 1998. 54 p.
4. Giro P., Korsh M. *Kratkij slovar` antichnosti* [A Brief Dictionary of the Ancient World]. M.: Olma-Press, 2001. 446 p.
5. Maslova V.A. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Uchebnoe posobie. Minsk: TetraSistems, 2004. 255 p.
6. Morkovkin V.V., Morkovkina A.V. *Russkie agnonimy` (slova, kotory`e my` ne znaem)* [Russian agnonyms (words that we do not know)]. In-t rus. yaz. im. A.S. Pushkina, In-t rus. yaz. im. V. V. Vinogradova RAN. M.: B. i., 1997. 414 p.
7. Savina E.O. *Potencial`no agnonimicheskoe prostranstvo romana L.N. Tolstogo «Vojna i mir»* [Potential-Agnonymic Space of the Novel *War and Peace*]: dis. ... kand. filolol. nauk: 10.02.01. Tula, 2015. 214 p.
8. Serebryannikov B.A. *O materialisticheskom podxode k yazyk`kovy`m yavleniyam* [On the Materialistic Approach to Linguistic Phenomena]. M.: Nauka, 1983. 319 p.
9. Elliot W., Valenza R.J. My Other Car is a Shakespeare: a Response to Shahan and Whalen's "Apples to Oranges in Bard Styometrics". http://www1.cmc.edu/pages/faculty/welliott/UTConference/My_Other_Car.pdf.
10. Culpeper J., Joulain-Jay A. Grappling with Shakespeare's words: maximizing historical corpus-based approaches. <https://www.birmingham.ac.uk/Documents/college-artslaw/corpus/conference-archives/2017/general/paper68.pdf>.
11. Kjøl G. Word meaning, concepts and the representation of abstract entities from the perspective of radical pragmatics and semantic externalism. PhD thesis. Oslo: Faculty of Humanities Faculty of Humanities University of Oslo, 2010. 256 p.

12. Krieger D. Corpus Linguistics: What It Is and How It Can Be Applied to Teaching Siebold University of Nagasaki. <http://iteslj.org/Articles/Krieger-Corpus.html>.
13. Shakespeare W. Tragedy «King Lear». <https://www.globalgreybooks.com/content/books/ebooks/king-lear.pdf>.
14. Sperber D., Wilson D. Relevance Communication and Cognition. Hoboken: Blackwell, 1995. 326 p.
15. Taylor J.M., Raskin V., Hempelmann C. Towards Computational Guessing of Unknown Word Meanings: The Ontological Semantic Approach. International Journal of Cognitive Informatics and Natural Intelligence, no 3 (2013), pp. 3581–3586.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Ершов Денис Иванович, соискатель учёной степени кандидата филологических наук кафедры английской филологии Института иностранных языков
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
Набережная реки Мойки, 48, г. Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация
pismo-69@rambler.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Ershov Denis Ivanovich, Applicant for the Degree of Candidate of Philology from the Department of English Philology of the Institute of Foreign Languages
 Herzen State Pedagogical University of Russia
48, Naberezhnaya reki Moyki, St. Petersburg, 191186, Russian Federation
pismo-69@rambler.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-1-149-164

УДК 81'42

СПЛАХНОНИМИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ: ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Немчинова Н.В.

Цель. *Статья посвящена выявлению, описанию и анализу фразеологических единиц, содержащих наименование внутренних органов человека.*

Предметом анализа *выступают фразеологические единицы русского языка со сплахнонимической лексикой. Авторы ставят целью рассмотреть выявленные фразеологические единицы с позиции лингвистической прагматики.*

Метод или методология проведения работы. *Основу исследования образуют анализ и синтез эмпирического материала, его обобщение и классификация, а также дефиниционный анализ.*

Результаты. *Результаты работы заключаются в том, что соматические фразеологизмы были расклассифицированы относительно намерений говорящего. Выбранные единицы для лингвистического анализа были описаны с применением основных положений лингвистической прагматики. Определены соматические единицы с прямым и скрытым воздействием на получателя информации.*

Область применения результатов. *Результаты исследования могут быть применены в дальнейших научно-исследовательских работах, связанных с изучением фразеологических единиц, содержащих в своем составе соматизмы, а именно наименование внутренних органов человека.*

Ключевые слова: *прагматика; интенция; соматический фразеологизм; сплахнонимическая лексика.*

**SPACHNONYMIC VOCABULARY IN PHRASEOLOGICAL
UNITS: LINGUOPRAGMATIC ASPECT**

Nemchinova N.V.

Purpose. *The article is devoted to the identification, description and analysis of phraseological units containing names of the internal organs of a person. The subject of the analysis is the phraseological units of the Russian language with splachnonymic vocabulary. The author aims to consider the identified phraseological units from the perspective of linguistic pragmatics.*

Methodology. *The basis of the research is formed by the analysis and synthesis of empirical material, its generalization and classification, as well as definitional analysis.*

Results. *The results of the work consist in the fact that somatic phraseological units were classified regarding to the intentions of the speaker. The selected units for linguistic analysis were described using the basic principles of linguistic pragmatics. Somatic units with direct and hidden effects on the recipient of information were defined.*

Practical implications. *The results of the study can be applied in further research works related to the study of phraseological units containing somatisms in their composition, specifically the name of the internal organs of a person.*

Keywords: *pragmatics; intention; somatic phraseological unit; splachnonymic vocabulary.*

Благодаря трудам В.В. Виноградова и его последователей фразеология к середине 60-х годов XX века обрела в отечественном языкознании довольно четкие контуры как самостоятельная лингвистическая дисциплина. На протяжении всей истории ее развития выделялись проблемы, связанные с изучением этой области языкознания.

В настоящее время существует огромное количество работ, в которых учеными-фразеологами подробно описываются и анализи-

руются разнообразные вопросы и проблемы, связанные с тем или иным аспектом фразеологизмов.

Одной из первых проблем, с которой сталкивается любой ученый при обращении к фразеологии как отрасли науки, является проблема выбора термина для исследуемого им объекта. Во фразеологии существует значительное число терминов, принятых разными исследователями для обозначения фразеологического объекта, – *фразеологизм* [Молотков, 1977; Жуков, 1986], *фразеологическая единица* [Архангельский, 1964; Гаврин, 1974; Мелерович, 1982; Виноградов, 2001], *фразеосочетание* [Копыленко, Попова, 1978], *устойчивый словесный комплекс* [Ройзензон, 1973], *фразаема* [Алефиренко, 2004] и др. Разнообразие терминов объясняется специфическим пониманием данного объекта исследования различными учеными и отличием в выборе подхода к анализу материала. Мы будем пользоваться терминами *фразеологизм* и *фразеологическая единица* как наиболее употребительными.

Прагматика по определению Ю.С. Степанова – область знаний, которая ставит своей задачей выбор языковых средств из имеющихся языковых единиц для оптимального выражения мыслей, чувств; для адекватного воздействия на слушающего или читающего. Данное воздействие может быть, как прямым, так и косвенным. В случае если выбор языковых единиц отправителя информации продуман и взвешен, а получатель информации фиксирует в сознании этот выбор, то в данном случае речь идет о прямом, открытом воздействии, о реализации явного намерения. Если выбор языковых средств не осознается ни отправителем, ни получателем информации, то это является скрытым воздействием с актуализацией скрытой интенции [Степанов, 1981, с. 325–326].

Интенциональность лексических значений, которые реализуются во фразеологических единицах, является одним из факторов, которые позволяют выявить речевое воздействие. Речевые действия интенциональны, в них содержится потребность, вынужденность, необходимость, желание или обязанность говорящего изменить прагматическую ситуацию. Речевой акт считается интенциональ-

ным, если воздействие на адресата запланировано говорящим. Механизм интенциональности Г. Грайс описал так: «*A* стремится, чтобы высказывание *X* произвело некоторый эффект в слушателях посредством распознавания его намерения; мы можем добавить, что спрашивать о значении *A* – значит спрашивать определения намериваемого эффекта» [Грайс 1985, с. 245].

Для реализации поставленной в работе цели значимо следующее положение теории прагматики: деятельность отправителя текста по мотивированному, целенаправленному выбору языковых единиц всех языковых уровней в конкретных условиях акта коммуникации для достижения оптимального воздействия на воспринимающую аудиторию. Критерием оценки этой речевой деятельности является удачность выбора отправителем текста языковых единиц для оптимального воздействия. Выбор нужной для адресанта единицы речи определяется ситуацией общения, целями и мотивами, которые являются экстралингвистическими факторами обоснования выбора [Матвеева, 1993, с. 65].

Цель данной статьи – описать прагматический потенциал соматических фразеологизмов (далее – СФ) – фразеологических единиц, содержащих в своем составе наименование соматических единиц. Термин «соматический фразеологизм» применительно к русскоязычному материалу впервые использовал Э.М. Мордкович в работе [Мордкович, 1971, с. 244–245].

Материалом исследования выступили фразеологизмы с соматизмом – названием внутренних органов человека, имена которых в научной литературе объединены в группу сплахнонимической лексики. Данный термин был предложен А.М. Кочеваткиным, который отнес к этой группе слов наименования внутренних органов в целом и названия пищеварительных, дыхательных и мочеполовых органов [Кочеваткин, 1999]. Всего анализу было подвержено 81 СФ, где соматизм *язык* участвует в образовании 30 СФ, *сердце* – 34, *желудок* – 10, *печень* – 5, *селезенка* – 2. Для поиска СФ нами был использован метод сплошной выборки, поэтому материалом для данного исследования являются 5 соматических единиц, которые чаще других выступают в качестве определяющих слов.

Для того чтобы охарактеризовать СФ, необходимо обратиться к семантике соматических единиц.

1. **Язык** – 1. Подвижный мышечный орган в полости рта, воспринимающий вкусовые ощущения и участвующий в (1) жевании; 2. У человека участвующий также в артикуляции [МАС].

Во фразеологических словарях русского языка нами был найден следующий СФ, значение которого непосредственно связано с 1 значением главного слова: *язык проглотить*. Основная интенция данной ФЕ – донести до реципиента информацию о вкусе предлагаемого блюда.

В тоже время значение СФ *язык проглотить* может быть основано на 2 лексико-семантическом варианте слова *язык*. В данном случае интенция говорящего – либо побудить собеседника промолчать, либо заставить замолчать самого себя.

Именно с этим значением слова *язык*, связаны обнаруженные нами ФЕ. Все найденные нами СФ со словом *язык* можно классифицировать, относительно намерений говорящего, следующим образом: **1. СФ, обозначающие качества человека:**

а) болтливость/молчаливость

- *держаться язык за зубами* – очень аккуратно относиться к своим словам, не говорить лишнего;
- *длинный язык* – о слишком разговорчивом, не в меру болтливом человеке;
- *бойкий на язык* – разговорчивый, болтливый; о таких еще говорят – за словом в карман не полезет;
- *болтать языком* – слишком много говорить; говорить вздор;
- *язык без костей* – кто-либо очень разговорчив, не в меру болтлив, говорит глупости;
- *язык как помело* – болтает всё подряд, не задумываясь и не вдаваясь в смысл;
- *прикусить язык* – замолчать, молчать, заткнуться, промолчать;
- *чесать языком* – то же, что болтать языком.

В приведенных примерах выбор языковых единиц, в частности соматической единицы *язык*, является свидетельством прямого воз-

действия на реципиента. В данном случае механизм интенциональности может быть представлен следующим образом: получатель информации распознал намерения говорящего.

б) остроумие

- *острый язык* – кто-л. остроумен, язвителен в разговоре;
- *бойкий на язык* – быстро реагирует, проявляя остроумие.

В данных СФ выбор языковых средств понятен как отправителю информации, так и ее получателю, соответственно, мы делаем вывод, что было оказано прямое воздействие и реципиент распознал интенцию говорящего.

2. СФ, выражающие пожелание:

- *язык отсох* – кто-либо лишится (лишился) дара речи;
- *типун тебе на язык* – недоброе пожелание кому-л., кто говорит не то, что следует.

СФ, представленные в данном кластере, выражают прямое воздействие на получателя информации, при этом они несут в себе отрицательную коннотацию. Соответственно, отправителя информации стремится, чтобы высказывание произвело негативный эффект на реципиента.

3. СФ, выражающие особенности речевого поведения:

а) сплетничать

- *попасть на язык* – становиться предметом разговора, обсуждения, пересудов;
- *злой на язык* – тот, кто язвительно, зло говорит о ком-либо или о чём-либо;
- *плести языком* – говорить глупости; пустословить;
- *злые языки* – любители пересудов, сплетники, клеветники.

Данный кластер представлен СФ, в которых заложена отрицательная коннотация. Однако, в данном случае представлено прямое воздействие на получателя информации. Исходя из значения данных СФ, реципиент распознает интенцию говорящего.

б) навыки говорения

- *вертится на языке* – то, что знакомо, хорошо известно, но забыто в данный момент;

- *язык вывихнешь* – об очень трудных для произношения словах, фразах;
- *язык заплетается* – о том, кто не может ясно, членораздельно сказать что-либо;
- *язык сломать можно* – об очень трудных для произношения словах, фразах;
- *язык хорошо подвешен* – кто-либо умеет свободно, хорошо говорить, не затрудняется в выражении своих мыслей;
- *язык не поворачивается* – не сметь, бояться, опасаться, духу не хватает, не решаться, не осмеливаться, не сметь рта раскрыть;
- *язык к гортани прилип* – хранить молчание, потерять дар речи;
- *чёрт дёрнул за язык* – выражение сожаления по поводу чего-либо некстати сказанного;
- *распускать язык* – говорить непристойности, употреблять грубые и бранные слова и выражения;
- *соскочить с языка* – произноситься невольно, случайно, неожиданно для говорящего.

В данном кластере содержится наибольшее количество единиц из общего числа СФ, выбранных нами для анализа. Это связано с тем, что значение предложенных фразеологизмов непосредственно связано с воспроизведением речи. Соответственно, все выделенные нами СФ имеют прямое воздействие на реципиента.

в) заставить кого-либо говорить/молчать

- *развязать язык* – заставлять, вынуждать рассказать о том, что человек скрывает, не хочет выдать;
- *тянуть за язык* – провоцировать на какое-либо высказывание; вынуждать что-либо сказать, ответить, высказаться и т. п.;
- *укоротить язык* – заставить кого-либо прекратить болтать, дерзить.

Действие, направленное против воли реципиента – основная интенция данных СФ. На получателя информации оказывается прямое воздействие, т.к. оба участника коммуникации понимают намерение речевого акта.

Проведенный нами анализ СФ со словом *язык* позволяет нам сделать вывод о том, что использование данных фразеологизмов говорящим имеет прямое воздействие на реципиента. Это означает, что цель коммуникации будет достигнута, т.к. в СФ не содержится скрытой информации, либо значений, которые могут помешать распознать адресату намерения адресанта.

В языковом сознании носителей русского языка, слово *язык*, в первую очередь, ассоциируется именно с органом, участвующим в артикуляции, поэтому большинство СФ (а именно – 18) имеют положительную коннотацию. Значение фразеологизмов в большей степени определяется именно намерением говорящего. Один и тот же СФ может выражать разные лексические значения. Выбор той или иной единицы напрямую зависит от ситуации общения и от коммуникантов.

II. Сердце – 1. Центральный орган кровообращения в виде мускульного мешка, находящийся у человека в левой стороне грудной полости. 2. Этот орган как символ средоточия чувств, переживаний, настроений человека. 3. Душевный мир человека, его переживания, настроения, чувства. 4. Символическое изображение средоточия чувств в виде вытянутого по бокам овала, мягко раздвоенного сверху, книзу сужающегося и заостренного.

Количество соматических фразеологизмов, имеющих в своем составе отдельные лексемы в качестве базовых компонентов, неодинаково для каждой из лексем. В русском языке существует довольно большое количество устойчивых выражений со словом *сердце*, которое в качестве базового компонента выступает в 2 и 3 лексико-семантических вариантах. Найденные нами СФ можно расклассифицировать на 2 кластера: СФ, выражающие положительные чувства/эмоции и СФ, выражающие отрицательные чувства/эмоции.

К СФ, выражающим положительные чувства/эмоции можно отнести:

- *сердце сердцу весть подает* – говорится, когда близкие люди одновременно думают друг о друге;
- *найти путь к сердцу* – растрогать, поглянуться, расположить к себе, дойти до сердца, вызвать симпатию;

- *зазнобить сердечко* – пробудить страсть, любовное влечение;
- *предлагать руку и сердце* – просить девушку, женщину стать своей женой;
- *отдавать руку и сердце* – соглашаться стать женой кого-либо;
- *друг сердца* – любимый, возлюбленный;
- *дама сердца* – возлюбленная.

Несмотря на то, что сердце является жизненно важным органом человека, СФ с положительной коннотацией представлены ограниченным количеством единиц (7 из 34). Значение найденных нами фразеологизмов оказывает прямое воздействие на адресата. Намерения говорящего не скрыты от реципиента.

К СФ, выражающим отрицательные чувства/эмоции мы отнесли следующие единицы:

- *на языке медок, а на сердце ледок* – о двуличном человеке;
- *сердце – не камень* – говорится, когда проявляют слабость, жалость по отношению к кому-либо, уступают чьим-либо просьбам;
- *в сердце не влезешь* – узнавать тайные мысли, чувства другого человека;
- *сердцу не прикажешь* – нельзя заставить себя полюбить или разлюбить кого-либо;
- *кручина сердце гложет* – грусть, тоска, печаль;
- *камень на сердце лежит* – тяжёлое, гнетущее чувство; тоска;
- *сердце в пятки уходит* – кто-либо испытывает сильный испуг, страх, неожиданную слабость;
- *сердце упало* – кто-либо чувствует уныние, тоску, тревогу;
- *сердце обмерло* – кто-либо цепенеет под влиянием сильного неприятного чувства, потрясения;
- *принимать близко к сердцу* – сильно переживать, волноваться из-за кого-либо.;
- *сжав сердце* – с большой неохотой, принуждая себя, вопреки своему желанию;
- *сердце дрожит как овечий хвост* – кто-либо испытывает страх, робость и т. п.;

- *сердце оборвалось* – кто-либо внезапно чувствует страх, тревогу, испуг;
- *сердце ёкнуло в груди* – кто-либо испытывает мгновенный страх, неожиданную тревогу, плохое предчувствие, необъяснимое волнение;
- *сердце захолонуло* – кто-либо цепенеет от испуга, страха, жалости и т. п.;
- *с упавшим сердцем* – испытывая тревогу, страх.;
- *сердце не на месте* – кто-либо обеспокоен чем либо, опасается чего-либо;
- *ужалить в самое сердце* – неожиданно причинить большой вред, неприятность кому-либо;
- *сердце кровью обливается* – кто-либо испытывает острое чувство душевной боли, жалости, сострадания;
- *разбивать сердце* – повергать кого-либо в отчаяние, безнадежность;
- *сокрушить сердце* – очень сильно огорчать, лишать душевного покоя кого-либо;
- *поразить в самое сердце* – глубоко потрясать кого-либо;
- *сердце надрывается* – кто-либо испытывает чувство острой тоски, жалости, душевное страдание;
- *сердце разрывается* – кто-либо чувствует душевную боль, тяжело переживает что-либо;
- *как нож в сердце* – что-либо крайне неприятно, мучительно; причиняет душевную боль, страдание кому-либо;
- *вонзать нож в сердце* – причинять острую боль, глубокое страдание кому-либо;
- *сердцу не прикажешь* – нельзя заставить себя полюбить или разлюбить кого-либо;

Как видно из приведенных нами примеров, основное значение СФ связано с сердцем как сосредоточением чувств. Это же подтверждает Русский ассоциативный словарь [РАС]. Ассоциации к слову *сердце* представлены в нем следующим образом: душа – 12; любовь – 9; радость – 2. Сердце – самый важный орган, без которого жизнь челове-

ка становится невозможной. Исходя из этого, интенция говорящего, использующего данные СФ либо сильно ранить чувства реципиента, либо, наоборот, доставить положительные эмоции. Проведенный нами анализ также показывает, что при помощи данных фразеологизмов оказывается прямое воздействие на получателя информации. Коммуниканты, используя в своей речи данные единицы, используют их намеренно, для достижения своих целей.

III. Желудок – орган пищеварения у человека и животных.

Найденные нами СФ, имеющие в своем составе соматизм *желудок*, имеют семантику сытости/голода: *желудок не наполнишь красивыми словами; желудок ноги носит; желудок – худший как из пустых, так и полных сосудов; желудок обжоры – бездонное ущелье; желудок сыт, а глаза еще нет; что вошло в желудок, то есть прибыль; желудок его опередил, а честь отстала; на голодный желудок все вкусно; все, что попало в желудок – пища; в твоём желудке свадьба, а в моем нет даже помолвки.*

В Обратном ассоциативном словаре зафиксирована реакция на слово-стимул *есть* – желудок. Отсюда мы можем сделать вывод, что значение найденных нами СФ связано именно с физиологическими потребностями человека в еде, что в свою очередь напрямую связано с желудком, как органом пищеварительной системы. Исходя из этого, мы можем сделать вывод, что данные фразеологизмы напрямую воздействуют на реципиента в процессе коммуникации, за счет чего достигается интенция говорящего.

IV. Печень – крупная железа человека и животных, вырабатывающая желчь и участвующая в процессах пищеварения, обмена веществ и кровообращения.

Несмотря на то, что значение данного соматизма напрямую связано с пищеварением, однако в отличие от предыдущего соматизма, мы не нашли СФ с семантикой сытость/голод. Все чаще слово *печень* в языковом сознании носителей русского языка ассоциируется со спиртными напитками, поэтому и семантическое значение СФ связано с алкоголем/похмельем и под.: *печень рассыпалась на атомы* – о состоянии похмелья; *поздно пить боржом, когда печень растворилась; посадить печень/убить печень.*

Также нами были найдены СФ, значение которых связано с семантическим значением слова *печень*, но метафорическим переносом: *сидеть в печенках* – очень надоест, мешать жить; *падет печень на ретивое сердечушко* – кому-либо станет грустно, тоскливо. Данные СФ имеют скрытое воздействие на реципиента, т.к. выбор языковых средств не осознается ни отправителем, ни получателем информации. В словаре Даля мы нашли, что «Печенка, печень ж. печенец стар. череву в животном теле, отделяющее желчь от крови и передающее ее в кишки, по цвету похожее на печенку крови» [17]. Печень воспринималась как место, где кровь кипит, чернея от этого – отсюда – состояние гнева, раздражения и т. д.

В Древней Руси печень считалась вместилищем жизненной силы. Соответственно интенция говорящего заключалась в желании подчеркнуть, что реципиент лишает его этой жизненной силы, заставляет чувствовать себя несчастным.

В проанализированных нами СФ на получателя информации оказывается косвенное воздействие, т.к. мы считаем, что, употребляя данные СФ в своей речи, говорящий не задумывается о происхождении значения фразеологизма, а чаще всего привносит свое собственное значение. Поэтому в данном случае мы не можем говорить о прямом воздействии на реципиента.

V. Селезёнка – орган позвоночных животных и человека, участвующий в кроветворении, обмене веществ и защитных реакциях организма.

С данным соматизмом мы нашли 3 ФЕ, которые метафорически связаны с его значением: *селезенка не терпит* – о непреодолимом желании сделать что-либо; *селезенка бьется* (как у лошади после водопоя), *селезенка екнула* (о чувстве страха).

Селезенка – внутренний орган человека, который участвует в кроветворении, а кровь стимулирует работу всего организма в целом, поэтому, хотя данные СФ имеют косвенное воздействие на получателя информации, мы считаем, что реципиент может распознать основную интенцию говорящего, основываясь на своих знаниях.

Проанализировав СФ со сплахнонимической лексикой, мы пришли к выводу, что количество СФ напрямую зависит от частотности употребления слова в речи, а также от важности функционирования того или иного внутреннего органа в теле человека. В зависимости от интенции порождения СФ значение ее может быть связано метафорически с лексическим значением соматизма, представленного в словарях. Анализ показал, что необходимо осознанно выбирать языковые единицы всех языковых уровней в конкретных условиях акта коммуникации для достижения оптимального воздействия на воспринимающую аудиторию. Критерием оценки этой речевой деятельности является удачность выбора отправителем текста языковых единиц для оптимального воздействия. Выбор нужной для адресанта единицы речи определяется ситуацией общения, целями и мотивами.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект «Русская соматическая лексика: когнитивный и семиотический аспекты» № 16-04-00051.

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф. Теория языка. Вводный курс: Учеб. Пособие для студентов филол. спец. высш. учеб. заведений. М.: Издат. центр «Академия», 2004. 368 с.
2. Архангельский В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Ростов-н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1964. 316 с.
3. Виноградов В.В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове) / Под ред. Г.А. Золотовой. 4-е изд. М.: Русский язык, 2001. 720 с.
4. Гаврин С.Г. Фразеология современного русского языка в аспекте теории отражения. Пермь: Перм. гос. пед ун-т, 1974. 256 с.
5. Грайс Г.В. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике: вып.16. Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 15–22.
6. Жуков В.П. Русская фразеология: Учеб. Пособие для филол. спец. вузов. М.: Высш. шк., 1986. 310 с.

7. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии (проблемы, методы, опыты). Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1978. 143 с.
8. Кочеваткин А.М. Соматическая лексика в диалектах эрзянского языка (лингвогеографический анализ): дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 1999. 174 с.
9. Матвеева Г.Г. Скрытые грамматические значения и идентификация социального лица («портрета») говорящего: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1993. 449 с.
10. Мелерович А.М. Семантическая структура фразеологических единиц в современном русском языке как лингвистическая проблема: Автореф. дис. ... д-ра филол. Наук. Л., 1982. 40 с.
11. Молотков А.И. Основы фразеологии русского языка. Л.: Наука, 1977. 284 с.
12. Мордкович Э.М. Семантико-тематические группы соматических фразеологизмов: актуальные проблемы фразеологии. Новосибирск. 1971. 245 с.
13. Ройзензон Л.И. Лекции по общей и русской фразеологии: Учеб. Пособие. Самарканд, 1973. 223 с.
14. Степанов Ю.С. В поисках прагматики (проблема субъекта) // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1981. Т. 40, № 4. С. 325–326.
15. МАС – Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. Яз., Полиграфресурсы, 1999. 856 с.
16. РАС – Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, А.В. Караулов. М.: Астрель: АСТ, 2002. 784 с.
17. <http://slovardalja.net/word.php?wordid=26021>

References

1. Alefirenko N.F. *Teorija jazyka. Vvodnyj kurs* [Theory of language. Introductory course]. М.: Izdat. centr «Akademija», 2004. 368 p.
2. Arhangel'skij V.L. *Ustojchivye frazy v sovremennom russkom jazyke* [Set expressions in modern Russian]. Rostov-n/D: Izd-vo Rostov. un-ta, 1964. 316 p.

3. Vinogradov V.V. *Russkij jazyk: (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [Russian language: (Grammatical study of the word)] / Pod red. G.A. Zolotovoj. M.: Russkij jazyk, 2001. 720 p.
4. Gavrin S.G. *Frazeologija sovremennogo russkogo jazyka v aspekte teorii otrazhenija* [Phraseology of the modern Russian language in the aspect of the theory of reflection]. Perm': Perm. gos. ped un-t, 1974. 256 p.
5. Grajs, G.V. Logika i rechevoe obshhenie [Logic and speech communication]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike: vyp.16. Lingvisticheskaja pragmatika* [New in foreign linguistics: Issue 16. Linguistic pragmatics]. M., 1985. P. 15-22.
6. Zhukov V.P. *Russkaja frazeologija* [Russian phraseology]. M.: Vyssh. shk., 1986. 310 p.
7. Kopylenko M.M., Popova Z.D. *Očerki po obshhej frazeologii (problemy, metody, opyty)* [Essays on general phraseology (problems, methods, experiences)]. Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta, 1978. 143 p.
8. Kochevatkin A.M. *Somaticheskaja leksika v dialektah jerzjanskogo jazyka (lingvogeograficheskij analiz)* [Somatic vocabulary in the dialects of the Erzya language (linguogeographic analysis)]: Dis. ... kand. filol. nauk. Saransk, 1999. 174 p.
9. Matveeva G.G. *Skrytye grammaticheskie znachenija i identifikacija social'nogo lica («portreta») govornjashhego* [Hidden grammatical meanings and identification of the social person (“portrait”) of the speaker]: dis. ... d-ra filol. nauk. SPb., 1993. 449 p.
10. Melerovich A.M. *Semanticheskaja struktura frazeologicheskich edinic v sovremennom ruskom jazyke kak lingvisticheskaja problema* [The semantic structure of phraseological units in modern Russian as a linguistic problem]: Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. L., 1982. 40 p.
11. Molotkov A.I. *Osnovy frazeologii russkogo jazyka* [Basics of Russian phraseology]. L.: Nauka, 1977. 284 p.
12. Mordkovich Je.M. *Semantiko-tematicheskie grupy somaticheskich frazeologizmov: aktual'nye problemy frazeologii* [Semantic-thematic groups of somatic phraseological units: actual problems of phraseology]. Novosibirsk, 1971. 245 p.

13. Rojzenzon L.I. *Lekcii po obshhej i russkoj frazeologii* [Lectures on general and Russian phraseology]: Ucheb. posobie. Samarkand, 1973. 223 p.
14. Stepanov Ju.S. *V poiskah pragmatiki (problema subjekta)* [In search of pragmatics (subject problem)]. *Izv. AN SSSR. Ser. lit-ry i jazyka*. 1981. V. 40, № 4, pp. 325–326.
15. MAS – *Slovar' russkogo yazyka* [Russian dictionary]: V 4-h t. / RAN, In-t lingvisticheskikh issledovanij; Pod red. A.P. Evgen'evoj. M.: Rus. YAZ., Poligrafresursy, 1999. 856 p.
16. RAS – *Russkij associativnyj slovar'* [Russian associative dictionary]: v 2 t. Pod red. Yu.N. Karaulov, G.A. Cherkasova, A.V. Karaulov. M.: Astrel': AST, 2002. 784 p.
17. <http://slovardalja.net/word.php?wordid=26021>

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Немчинова Наталья Викторовна, доцент кафедры иностранных языков для гуманитарных направлений, кандидат филологических наук
*Сибирский федеральный университет
пр. Свободный, 79, г. Красноярск, Красноярский край, 660041,
Российская Федерация
natalyales.84@gmail.com*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Nemchinova Natalya Viktorovna, Associate Professor, Department of Foreign Languages for the Humanities, Ph. D. in Philology
*Siberian Federal University
79, Svobodnyy Pr., Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Region, 660041,
Russian Federation
natalyales.84@gmail.com*

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-1-165-173

УДК 812

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЛЕКСЕМЫ В ЭВЕНСКОМ ЯЗЫКЕ

Саввинова С.Н., Садовникова И.И.

Цель. Статья посвящена исследованию словообразовательных возможностей эвенского языка. Предметом анализа выступает лексема *екэ* и суффиксы, которые формируют новые слова. Авторы статьи ставят цель раскрыть словообразовательные возможности суффиксов, изучить пути развития новых значений слов на примере лексических единиц с лексемой *екэ* в эвенском языке.

Метод или методология проведения работы. Основу исследования образует описательно-методологический метод, который позволил системно охарактеризовать материал. Структура и формальные связи исследованы при помощи перспективного словообразовательного анализа.

Результаты. Исследование при помощи вышеописанных методов позволили выявить словообразовательную возможность суффиксов в эвенском языке применительно к лексеме *екэ*.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены при составлении словообразовательного словаря эвенского языка, который покажет словообразовательные возможности суффиксов.

Ключевые слова: словообразование; эвенский язык; описательное словообразование; суффиксация.

WORD-FORMATION OPPORTUNITIES OF THE LEXEME IN THE EVEN LANGUAGE

Savvinova S.N., Sadovnikova I.I.

Purpose. This article is devoted to the research of word-formation opportunities of the Even language. The subject of analysis is

the lexeme екэ and suffixes that form new words. The authors' aim is to discover word-formation opportunities of suffixes, to study ways of development of new word meanings with the lexeme екэ in the Even language.

Methodology. *The basis of the research is formed by the descriptive and methodological method that has allowed to characterize material in a systemic way. The structure and formal communications are investigated by means of the perspective word-formation analysis.*

Results. *The research by means of the above-described methods has allowed to reveal word-formation possibility of suffixes in the Even language in relation to the lexeme екэ.*

Practical implications. *The results of the research can be applied by drawing up for compiling a word-formation dictionary of the Even language that will show word-formation opportunities of suffixes.*

Keywords: *word formation; Even language; descriptive word formation; suffixation.*

Словарный состав любого языка пополняется путем использования внутренних возможностей, развивая и создавая новые значения и новые слова (словообразование). Словообразование, являясь одним из способов пополнения словарного состава языка, всегда остается актуальной темой исследований как отечественных ученых [6, 10], так и зарубежных [12, 13, 14, 15]. Особенности словообразования всегда привлекали исследователей эвенского языка [1, 2, 4, 5, 9, 11]. Надо указать, что в данное время ведутся работы по составлению словообразовательного словаря эвенского языка, что является абсолютно новой и актуальной темой для эвеноведения. Данная статья является попыткой рассмотрения словообразовательных возможностей эвенских лексем.

Рассмотрим в эвенском языке словообразовательные возможности слова екэ «1) котел; 2) *неол.* кастрюля, горшок» [8, с. 112]. К именной основе присоединяются различные суффиксы, тем самым образуя новые слова, которые придают им различные эмотивно-оценочные оттенки.

Образование имен существительных от *екэ* «котел»

Суффикс *-рук* придает слову значение «вместилище данных предметов, обозначаемых самой лексемой», например: *екэ/рук* «специальная сума для хранения котлов», от основы слова *екэ* «котел», например: *Бу эклэвур нулгэснэ екэлбур чакридюр екэруклэ нэ-дивун*; мы перед кочевкой собрали все котлы и сложили в суму. Также, как указывает В.И. Цинциус, суффикс *-рук* оформляет названия оленей по названию предметов, которые он перевозит при кочевках [11]: *екэ/рук* – «олень, везущий котлы» от *екэ* – «котлы».

При помощи суффикса *-кэе* образуется увеличительная форма имени, например: *екэ/кэе* «котлище» от основы слова *екэ* «котел».

Суффикс *-мкэр* придает слову увеличительно-одобрительное значение, например: *екэ/мкэр* «котлище, ну и котлище!»), от основы слова *екэ* «котел».

Суффикс *-кэн* образует уменьшительную форму имени, придает слову оттенок ласкательности и позволяет воспринимать слово как эмотивное, передающее чувство ласки, например: *екэ/кэн* «котельчик», от основы слова *екэ* «котел», для передачи значения уменьшительности в переводе используется прилагательное «маленький», например: *Харачакла хо нод екэкэн илаттан*; в магазине стоит очень красивый маленький котел.

Суффикс *-екэн* – суффикс уменьшительно-пренебрежительной формы имени; выражает эмоции с противоположным оценочным знаком, одновременно передает уменьшительно-пренебрежительное значение: *екэ/екэн* «котлишко», от основы слова *екэ* «котел», например: *Көөтэм, дюдэлэ екэ/екэн илаттан*; посмотрел вперед, котлишко стоит.

С суффиксом *-мие* образуется пренебрежительная форма имени, содержащая в своем значении сему «старый, негодный к употреблению предмет» [11, с. 79], например: *екэ/мие* «старый заброшенный котел», от основы слова *екэ* «котел», например: *Улэпчэв чолбэку екэ/миев хятла нокрив*; заброшенный продырявленный котел я повесил на дерево.

Путем присоединения к слову двух показателей субъективной оценки, оттенки значения могут усиливаться, например: *екэ/чэ/кэн* «котлишечки».

-Кэкэн – суффикс уменьшительной формы имени, например: экэ/кэкэн долан хил бисни; внутри котелка есть бульон.

-кая – суффикс увеличительной формы имени, например: Экэ/кая мөлкэнилаттан; котлище стоит с водой.

При помощи суффикса –тэн от существительных образуются новые существительные – названия предметов, надеваемых на что-либо, соприкасающихся с чем-либо, например: экэ/тэндулэ экэ-нокаттан; на крюке висит котел.

Образование имен прилагательных от существительного *екэ* «котел»

Имя прилагательное в эвенском языке образуется от именной основы с помощью словообразовательных суффиксов.

Суффикс –мдэ путем присоединения к именным основам дает значение, указывающее на назначение предмета, например: Экэ/мдэ – «котел, предназначенный для варки мяса».

Суффикс –нчи присоединяется к именным основам, в результате чего слово приобретает значение, выражающее обладание большим количеством однородных предметов, например: *екэ/нчи* «имеющий много котлов», от основы слова *екэ* «котел», например: *Таракат икан экэ/нчи бисин*; *та* старушка имела большое количество котлов.

Образованная при помощи суффикса –*лкэн* лексема приобретает значение, выражающее обладание предметом, например: *екэ/лкэн* «имеющий котел», от основы слова *екэ* «котел», например: Би *екэ/лкэн бисэм*; я имею котлы.

Суффикс –лэ, присоединяясь к именным основам с частицей *ач* «без», образует имя прилагательное со значением необладания, например: *ач экэ/лэ* не обладающий котлом, лишенный котла.

Глагол

Суффикс -лэт отыменных глаголов со значением обладания (т.е. «взять, подобрать предмет») образовал от основы слова *екэ* «котел» глагол *екэ/лэттэй*, например: *екэ/лэт/тэй гадаку*; я возьму котел для своего пользования.

Суффикс -мдэс образует формы сравнения/предположения, например: *екэ/мдэс* илаттан; вроде бы котел стоит.

Таким образом, лексема *екэ* представляет следующее словообразовательное гнездо с вершиной *екэ* 1) котел; 2) *неол.* кастрюля, горшок. В синтагматическом плане в данном гнезде можно выделить 18 словообразовательных полинарных цепей в основном субъективного характера, например:

- Екэ/рук*
- Екэ/кэе*
- Екэ/мкэр*
- Екэ/екэн*
- Екэ/кэн*
- Екэ/мие*
- Екэ/чэ/кэн*
- Екэ/какан*
- Екэ/кая*
- Екэ/кэ*
- Екэ/тэн*
- Екэ/мдэ*
- Екэ/пчи*
- Екэ/лкэн*
- Екэ/кэч*
- Екэ/лэт/тэй*
- Екэ/мдэс*

Исследование при помощи вышеописанных методов позволили выявить словообразовательную возможность суффиксов в эвенском языке применительно к лексеме *екэ*. Суффиксы, которые участвуют в образовании имени существительного от основы *екэ*, в основном передают оценочно-эмотивные оттенки. Суффиксы -кэе, -кэн, -екэн, -мие, -кэкэн, -кая, присоединяясь к лексеме *екэ*, образуют различные формы субъективной оценки. В образовании имен прилагательных от лексемы *екэ* участвуют всего четыре суффикса: -мдэ, -пчи, -лкэн, -лэ. В образовании глагола участвуют только три суффикса. Таким образом, лексема *екэ* может образовать словообразовательное гнездо с 18 полинарными цепочками.

Список литературы

1. Болдырев Б.В. Словообразование имен существительных в тунгусо-маньчжурских языках в сравнительно-историческом освещении. Новосибирск: Наука, 1987. 208 с.
2. Кузьмина Р.П. Особенности словообразования эвенского языка (на материале ламунхинского говора эвенского языка) // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2011, №8. С. 139–143.
3. Кузьмина Р.П. Диалектное словообразование в эвенских говорах // Материалы XIII международной конференции «Актуальные проблемы диалектологии языков народов России». Уфа, 13–14 сентября 2013 г. С. 68–70.
4. Нестерова Е.В. Образные слова эвенского языка. Новосибирск: Наука, 2010. 160 с.
5. Роббек В.А. О некоторых закономерностях сочетания суффиксов в одной глагольной основе эвенского языка // Вопросы языка и фольклора народностей Севера. Якутск, 1980. С. 42–52.
6. Роббек В.А. Виды глагола в эвенском языке. Л.: Наука, 1982. 113 с.
7. Роббек В.А. Грамматические категории эвенского глагола в функционально-семантическом аспекте. Новосибирск: Наука, 2007. 726 с.
8. Роббек В.А., Роббек М.Е. Эвенско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2005. 353 с.
9. Садовникова И.И. Лексико-семантическое словообразование как способ обогащения эвенского языка // “Актуальные вопросы современного языкознания”. Новосибирск, 2012. С. 15–25.
10. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2-х т. М.: Русский язык, 1985. Т. 1. 856 с. 9. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2-х т. М.: Русский язык, 1985. Т. 2. 887 с.
11. Цинциус В.И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Л.: Учпедгиз, 1947. Ч. 1. 269 с.
12. Arnold I.V. The English Word. M.: BILL, 1986. 296 p.
13. Bloomfield L. Language. N.Y.: Holt and Co, 1965. 564 p.
14. Dokulil M. Tvoreni slov v cestine. T. 1. Praha: Akademia, 1962. 263 p.

15. Wellmann H. Deutsche Wortbildung, Typen und Tendenzen in der Gegenwartssprache. Zweiter Hauptteil: Das Substantiv. Schwann, Düsseldorf, 1975. 375 p.

References

1. Boldyrev B.V. *Slovoobrazovanie imen sushchestvitel'nykh v tunguso-man'chzhurskikh yazykakh v sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii* [The Word-formation of Nouns in the Tungus-Manchu Languages in the Comparative Historical Perspective]. Novosibirsk: Nauka, 1987. 208 p.
2. Kuz'mina R.P. Osobennosti slovoobrazovaniya evenskogo yazyka (na material lamunkhinskogo govora evenskogo yazyka) [Features of Formation of the Even Language (on the Material of Lamunkhin Dialect of the Even Language)]. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya "Gumanitarnye i sotsial'nye nauki"*. 2011, No 8, pp. 139–143.
3. Kuz'mina R.P. Dialektnoe slovoobrazovanie v evenskikh govorakh [Dialect word formation in the dialects of the even]. *Materialy XIII mezhdunarodnoy konferentsii "Aktual'nye problem dialektologii i yazykov narodov Rossii" Ufa, 13-14 sentyabrya 2013* [Materials of the XIII international conference "Actual problems of the dialectology of languages of the peoples of Russia". Ufa, September 13–14, 2013], pp. 68–70.
4. Nesterova E.V. *Obraznye slova evenskogo yazyka* [Figurative Words of the Even Language]. Novosibirsk: Nauka, 2010. 160 p.
5. Robbek V.A. O nekotorykh zakonomernostyakh sochetaniya suffiksov v odnoy glagol'noy osnove evenskogo yazyka [On Some Regularities of the Combination of Suffixes in One Verbal Basis of the Even Language]. *Voprosy yazyka i fol'klora narodnostey Severa* [Questions of the language and folklore of the peoples of the North]. Yakutsk, 1980, pp. 42–52.
6. Robbek V.A. *Vidy glagola v evenskom yazyke* [Types of the Verb in the Even Language]. L.: Nauka, 1982. 113 p.
7. Robbek V.A. *Grammaticheskie kategorii evenskogo glagola v funktsional'no-semanticheskom aspekte* [Grammatical Categories of the Verb of the Even Language in the Functional-semantic Aspect]. Novosibirsk: Nauka, 2007. 726 p.

8. Robbek V.A., Robbek M.E. *Evensko-russkiy slovar'* [Even-Russian Dictionary]. Novosibirsk: Nauka, 2005. 353 p.
9. Sadovnikova I.I. Leksiko-semanticheskoe slovoobrazovanie kak sposob obogashcheniya evenskogo yazyka [Lexical and Semantic Word-formation as a Way of Enriching the Even language]. *Aktual'nye voprosy sovremennogo yazykoznanija* [Actual issues of modern linguistics]. Novosibirsk, 2012, pp. 15–25.
10. Tikhonov A.N. *Slovoobrazovatel'nyy yslovar' russkogo yazyka* [Word-Formation Dictionary of the Russian Language]: v 2-kh t. M.: Russkiyazyk, 1985. T. 1. 856 p. 9. Tikhonov A.N. *Slovoobrazovatel'nyy slovar' russkogo yazyka* [Word-formation dictionary of the Russian Language]: v 2-kh t. M.: Russkiy yazyk, 1985. T. 2. 887 p.
11. Tsintsius V.I. *Ocherk grammatiki evenskogo (lamutskogo) yazyka* [Essay on the Even (Lamut) Language Grammar]. L.: Uchpedgiz, 1947. Ch. 1. 269 p.
12. Arnold I.V. *The English Word*. M.: BILL, 1986. 296 p.
13. Bloomfield L. *Language*. N.Y.: Holt and Co, 1965. 564 p.
14. Dokulil M. *Tvoreni slov v cestine*. T. 1. Praha: Akademia, 1962. 263 p.
15. Wellmann H. *Deutsche Wortbildung, Typen und Tendenzen in der Gegenwartssprache*. Zweiter Hauptteil: Das Substantiv. Schwann, Diisseldorf, 1975. 375 p.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Саввинова Степанида Николаевна, научный сотрудник, кандидат филологических наук
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
ул. Петровского, 1, г. Якутск, 677027, Российская Федерация
stepanidasavvinova@mail.ru

Садовникова Ия Ивановна, младший научный сотрудник, кандидат филологических наук
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

*ул. Петровского, 1, г. Якутск, 677027, Российская Федерация
Sadovnikova79@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Savvinova Stepanida Nikolaevna, PhD in Philology

*The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of
the Problems of the North Russian Academy of Sciences Siberian
Branch*

1, Petrovsky Str., Yakutsk, 677027, Russian Federation

stepanidasavvinova@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9026-1196

Sadovnikova Ia Ivanovna, Junior Researcher, Candidate of Philological Sciences

*The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of
the Problems of the North Russian Academy of Sciences Siberian
Branch*

1, Petrovsky Str., Yakutsk, 677027, Russian Federation

Sadovnikova79@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-1-174-191

УДК 81.37

ПОНЯТИЕ И ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ СРАВНЕНИЯ

Трегубчак А.В.

Актуальность. В данной статье предлагается анализ функционально-семантического поля сравнения как языковой реализации семантической категории сравнения.

Цель. Определить особенности семантики, структуры и средств формального выражения функционально-семантического поля сравнения.

Методика и методы изучения. Методология изучения функционально-семантического поля сравнения основана на положениях функциональной грамматики и методах изучения функций единиц разных уровней языка, предложенных А.В. Бондарко.

Результаты. Функционально-семантическое поле сравнения базируется на семантической категории сравнения и представляет собой гетерогенную систему, состоящую из элементов различных уровней языка, находящихся во взаимосвязи и взаимозависимости и выполняющих общую функцию: описание сравнительных отношений между предметами, явлениями, признаками, процессами действительности. Семантической доминантой поля являются значения сходства, различия и тождества. Структура поля традиционна для моноцентрических полей и распадается на три функциональные сферы: ядро, основную часть и периферию. Ядром поля является форма степеней сравнения прилагательных и наречий.

Выводы. Исследование позволило определить ведущие признаки функционально-семантического поля сравнения, его семантическую вариативность, структуру.

Ключевые слова: функционально-семантическое поле; сравнение; ФСП сравнения; семантика; семантическая категория.

CONCEPT AND BASIC CHARACTERISTICS OF THE FUNCTIONAL SEMANTIC FIELD OF COMPARISON

Tregubchak A.V.

Relevance. *This article proposes the analysis of the functional-semantic comparison field as a language implementation of the semantic comparison category.*

Objective. *To determine the characteristics of semantics, structure and means of formal expression functional semantic field of comparison.*

Methodology. *The methodology for studying the functional-semantic comparison field is based on the provisions of the functional grammar and methods for studying the functions of units at different levels of the language proposed by A.V. Bondarko.*

Results. *The functional-semantic comparison field is based on the semantic comparison category and is a heterogeneous system consisting of elements at different levels of the language, interrelated and interdependent and performing a common function: a description of the comparative relationships between objects, phenomena, signs, and reality processes. Semantic dominants of field are the values of similarities, differences and identities. The field structure is traditional for monocentric fields and splits into three functional spheres: the core, the main part and the periphery. The core of the field is the form of degrees of comparison of adjectives and adverbs.*

Conclusions. *The study allowed to determine the leading signs of the functional-semantic comparison field, semantic variations of field, structure.*

Keywords: *functional-semantic field; comparison; FSF comparison; semantics; semantic category.*

Введение

На современном этапе развития гуманитарные науки ставят перед собой задачи исследования свойств и закономерностей человеческого сознания. Лингвистика в меру своих возможностей и

специфики также уделяет пристальное внимание этим проблемам. Язык рассматривается в этом ключе как «материализация сознания человека» [6, с. 7], как «процесс вербализации мира, осуществляемый языковым коллективом» [12, с. 115], что непременно влечет за собой повышенное внимание к семантическим категориям языка. Их рассмотрение и описание не только помогает адекватному пониманию и интерпретации языковых фактов, но и способствует проникновению в организацию мыслительных механизмов человека, так как, по мнению Б.А. Серебренникова «язык классифицирует и упорядочивает материал, добытый в результате воздействия внешнего мира на наши органы чувств, которые дают лишь искаженное, неадекватное представление о мире. Языковые приемы образуют языковой образ мира, понятийную сторону языка» [12, с. 115].

Наличие в языке семантических категорий вытекает из особенностей и потребностей человеческой логики и мышления, следовательно, их количество и структура примерно одинаковы в разных языках, а различаются они наполненностью языковыми элементами и их группировкой, то есть конкретным языковым воплощением, которое и называется функционально-семантическим полем.

Результаты и обсуждение

Понятие семантического поля впервые появилось у представителей неогумбольдтианской школы (Й. Трир, Л. Вайсгербер) для обозначения группы слов, соотносящихся с одной и той же областью представлений и без остатка расчленяющих ее на части, соответствующие значениям этих слов.

В настоящий момент в лингвистике под понятием функционально-семантического поля (ФСП) подразумевается «базирующаяся на определенной семантической категории группировка грамматических и «строєвых» лексических единиц, а также различных комбинированных (лексико-синтаксических и т.п.) средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций. Каждое поле включает систему типов, разновидностей и вариантов определенной семантической категории, соотнесенную

с разнообразными формальными средствами их выражения. ФСП – единства билатеральные, они имеют не только план содержания, но и план выражения» [3, с. 11].

По мнению А.В. Бондарко, эти поля включают в себя семантические элементы в интерпретации именно данного языка и представляют собой «поверхностную» реализацию определенной «глубинной» инвариантной семантической категории или совокупности категорий. То есть в отличие от семантических категорий, имеющих универсально-языковой характер, функционально-семантическое поле – явление национально-языковое.

Влияние национального компонента на языковое мышление неоднократно подчеркивалось многими учеными, например Б. Уорф отмечал: «Мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они (эти категории и типы) самоочевидны; напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном – языковой системой, хранящейся в нашем сознании. Мы расчленяем мир, организуем его в понятия и распределяем значения так, а не иначе в основном потому, что мы участники соглашения, предписывающего подобную систематизацию. Это соглашение имеет силу для определенного речевого коллектива и закреплено в системе моделей нашего языка» [14, с. 174–175].

Изучению функционально-семантических полей в последнее время уделяется большое внимание вследствие того, что они представляют собой ту непосредственную языковую данность, которая лежит на поверхности языка, на уровне непосредственного наблюдения, одновременно представляя собой выражение глубинной языковой структуры, базирующейся на общеязыковых понятиях. Кроме того, на основе сопоставления функционально-семантических полей разных языков, а именно, в результате обобщения инвариантных базисных признаков, лежащих в плане содержания ФСП, можно получить представление об универсальных языковых понятийных законах.

Изучение функционально-семантического поля включает в себя, в первую очередь, анализ семантики поля. Такое исследование предусматривает определение, с одной стороны, семантической категории, которая лежит в основе данного поля, с другой, – выявление состава и соотношения семантических признаков, в которых реализуется эта категория, а также семантической доминанты ФСП как основного, наиболее важного признака, характеризующего содержательную специфику данного поля и оказывающего воздействие на другие семантические признаки, выделяемые в его составе. При этом обязательным является анализ средств выражения семантических признаков составляющих поле элементов, так как, по мысли И.И. Мещанинова, «одно и то же понятие может быть передано различными средствами, что наиболее наглядно выступает при сравнительных сопоставлениях материалов различных систем языков» [9, с. 58], поэтому специфика формирования структуры ФСП конкретного языка и номенклатура его элементов отражает его внутреннюю сущность и специфику.

Понятие о функционально-семантическом поле тесно связано с представлением о некотором условном пространстве, внутри которого посредством анализа языковых явлений и их функций устанавливается конфигурация центральных и периферийных компонентов поля, выделяются зоны пересечения с другими полями, то есть взаимодействия семантических элементов разных полей. А.В. Бондарко писал: «Когда определяется состав компонентов ФСП и его структура (моноцентрическая или полицентрическая), предметом анализа являются равноуровневые языковые единицы в их системных парадигматических связях. В этом типе системно-парадигматического анализа каждое из языковых средств рассматривается как обладающее определенным семантическим потенциалом. Разумеется, все суждения о способностях компонентов того или иного поля выразить определенные значения опираются на анализ конкретных высказываний, где представлены семантические функции в их результативном аспекте» [3, с. 21].

ФСП сравнения представляет собой выражение семантической категории сравнения, выделяемой в языке на основе регулярного

отражения процессов сопоставления свойств и признаков предметов реальной действительности, а также в совокупность разноуровневых средств ее выражения.

Основными семантическими константами поля компаративности являются значения сходства и различия. Некоторые исследователи определяют эти значения как системообразующие оппозиции не только в ФСП сравнения, но и в языке вообще: «наука только и занимается изучением сходного и различного..., потому, что сам язык только и состоит из сходств и различий» [16, с. 89].

Доминантой данного поля является значение передачи сходства предметов вследствие того, что понятие сравнения изначально подразумевает выяснение именно общности двух явлений. В латинском языке глагол *comparo*, от которого происходит термин компаратив, «образован от прилагательного *par, paris* – одинаковый, равный также и *paro* *приравнивать» [2, с. 132]. Также и в определениях сравнения выделяется способность данной конструкции выражать, в первую очередь, сходства предметов: «сравнение – это... фигура речи, состоящая в уподоблении одного предмета другому, у которого предполагается наличие признака, сходного с первым» [1, с. 140].

Значение сходства первично, так как оно основывается на реально воспринимаемых или подразумеваемых свойствах объектов, оно предшествует операции сравнения и лежит в ее основе. «Значение различия является для сравнительных конструкций вторичным, производным, оно образуется как результат произведения мыслительной операции сравнения и представляет собой вывод, полученный из сопоставления свойств и качеств объектов зависимости от угла зрения человека, оперирующего данными понятиями, и условий, в которых они были сопоставляемы. Поэтому значение сходства в конструкциях компаративной семантики является обязательным, независимым от особенностей предметов, а значение различия – факультативным, вводимым уникальными семантическими отношениями, существующими между членами сравнительной структуры» [13, с. 154].

М.И. Конюшкевич предложила «параметрическую модель» ФСП сравнения, определив семантические «зоны», на которые распадается

ФСП сравнения: «экватив, т.е. тождество – сходство – эквивалентность (приравнивание) – подобие (в том числе и уподобление) – соответствие – временное равновесие сходного и разного – несоответствие – неравенство – доминирование – преимущество – превосходство (суперлатив) – уникальность (абсолютив)» [7, с. 89].

То есть все варианты сравнительных значений распадаются на два поля, которые в совокупности и составляют целостную парадигму значений сходства/ различия. Нулевым и исходным элементом этой смысловой шкалы является значение неразличимости, которое характеризует полное уподобление элементов сравнительной конструкции друг другу. Можно сделать вывод, что «семантическое пространство данной категории в языке делится, как правило, между тремя пересекающимися и накладывающимися друг на друга смысловыми полями: тождеством, подобием и различием» [8, с. 106].

ФСП сравнение, как и всякое другое, включает в себя комплекс разноуровневых единиц, объединенных общим значением: сопоставление предметов на основании некоего признака, но вместе с тем каждая из форм выражения сравнения при их семантической общности несет в себе присущую только ей интерпретацию смыслового содержания поля. Семантическая категория сравнения может быть выражена различными языковыми средствами – морфологическими, синтаксическими, словообразовательными, лексическими, и любыми их сочетаниями. Среди них могут быть способы дискретные (воплощающие в себе самостоятельное значение языковой единицы – лексемы, грамматической формы слова, синтаксической конструкции) и недискретные (то есть сопряженные с другим значением или другим несамостоятельным элементом в составе того или иного семантического комплекса), эксплицитные и имплицитные, прямые и косвенные, собственно языковые и представляющие собой сочетания языковых средств и элементов речевой ситуации.

В структурном плане ФСП сравнения традиционно расчленяется на три неравные функциональные сферы с собственной внутренней дифференциацией: ядро, основную часть, периферию.

Ядро находится в центре поля и представляет собой языковую единицу, в которой наиболее ярко и полно воплощается сравнительная семантика. Такой единицей в функционально-семантическом поле сравнения является грамматическая категория компаративности, то есть формы степеней сравнения прилагательных и наречий, выполняющие свою основную функцию. Они представляют собой форму, «выражающую относительную разницу или превосходство в качестве, присущем предметам или действиям» [11, с. 423] на основании обнаружения у них (явно или косвенно) общего признака. С точки зрения грамматического выражения ядра, ФСП сравнения относится к качественно-количественному типу.

Являясь структурообразующим элементом сравнительной конструкции, грамматическая категория компаративности может приобретать дополнительные функции:

1) называть признак, относительно которого производится сравнение объектов: *День светлее ночи* (общий признак освещенности);

2) выражать степень проявления указанного признака в сопоставляемых объектах: *Лицо блее снега* (лицо белое, снег тоже, но белый цвет лица интенсивнее, чем снега);

3) выявлять разницу между двумя объектами относительно заявленного признака: *Петр умнее Николая* (интенсивность признака разная, значит предметы разнятся между собой);

4) обозначать степень увеличения качества, уже присутствующего у субъекта: *Он лез все выше* (то есть находился высоко, но еще поднимался);

5) фиксировать различие предметов относительно некоего параметрического признака: *Он был старше ее* (два человека имеют возраст, но возраст одного больше, чем у другого. Но, в отличие от первого примера, сопоставляется не степень проявления признака, а отношение к нему обоих компаратов);

6) сигнализировать о появлении у субъекта признака, ранее отсутствующего: *Сегодня мне плохо, но завтра станет лучше*;

7) в переносном значении обозначать превосходство носителя признака: *Быть выше проблем* (то есть находиться на другом уровне миропонимания).

Таким образом, формы степеней сравнения прилагательных и наречий, имея возможность выполнять различительную функцию, в то же время способен формулировать и черты сходства предметов, то есть одновременно выражать обе семантические константы поля сравнения, что и приводит к позиционированию его в качестве ядра поля.

К ядру поля компаративности можно отнести также окказиональные формы степеней сравнения имен числительных и местоимений, которые, хотя и не являются нормативными для данных грамматических категорий, все же встречаются в произведениях художественной литературы. Например:

*Зачем в книжку /переписывать/, раз есть в хрестоматии? Чтобы всегда носить с собой в кармане..., чтобы **мое** было, чтобы я сама написала (М.И. Цветаева),* – в приведенном примере присутствует «сравнительная степень» притяжательного местоимения, грамматически неверная, но подчеркнуто выражающая мысль автора о гипертрофированном чувстве собственности.

*Так ты уж порадей, такой стол уряди, как у **самых первых** генералов бывает (П.И. Мельников-Печерский),* – форма «превосходной степени» порядкового числительного выражает намеренно выделяемое первенство объекта.

По мере удаления от центра поля сравнительная семантика постепенно «затухает», осложняется и размывается дополнительными оттенками значения, входящих в него элементов. Чем дальше от центра ФСП находится языковая единица, тем сложнее и неоднозначнее она синтаксически вследствие увеличения возможности распространения ее структуры.

Форма творительного падежа существительных занимает второй уровень ФСП сравнения, так как способна выражать сравнительную семантику во всей ее полноте, но в данном случае эта семантика выражается не основной грамматической категорией, предназначенной для этого (именем прилагательным, наречием), а существительным, что придает сравнительным конструкциям дополнительное определительно-обстоятельственное значение. Кро-

ме того, подобные обороты осложняются значением предикативности, они имеют общее значение «производить действие, подобное действию другого объекта», поэтому основанием сравнения в этих конструкциях является признак действия: *Розовыми бусами висела на кустах волчья ягода* (М.А. Шолохов).

В отличие от форм степеней сравнения, употребляемых во всех стилях речи и всегда сохраняющих стилистическую нейтральность, подобные конструкции, как правило, стилистически окрашены, наибольшая их употребительность отмечается в сфере народного творчества, а в литературном языке – в произведениях художественной литературы, обнаруживающих близость к народному языку, а также в поэзии. Происходит это вследствие того, что, как показал А.А. Потебня, творительный сравнения генетически близок к творительному превращения, корни которого лежали в миропонимании народа, допускавшем мифические превращения. Можно предположить, что исходным значением подобных конструкций было осознание действия или состояния одного объекта «как если бы он был, мог быть» совершенно другим, то есть уподобился другому, превратился в него [10].

Основное отличие творительного сравнительного от конструкции с одной из степеней сравнения прилагательных или наречий лежит, в основном, в плане стилистики: он отражает оттенок разговорной речи и дает более живое и образное изображение признака предмета или действия. Другое немаловажное отличие состоит в том, что формы степеней сравнения способны выражать как логическое сравнение, так и субъективное, образное, тяготея при этом к первому варианту, в то время как творительный сравнительный используется в подавляющем большинстве случаев именно как средство создания сравнительной конструкции с образным значением.

Творительный сравнительный способен выражать только сходство объектов. Даже добавление в конструкцию отрицания (отрицательной приставки или частицы) не изменяет ее общее значение. Например: *Не прилетит любимый соколом*, – то есть он летает как сокол, но сейчас не летит.

В лингвистической литературе неоднократно высказывалось мнение о том, что сравнительный сравнения в современных славянских языках вытесняется сравнительными оборотами [15, с. 190]. Такое мнение сложилось в результате наблюдения ученых над употребительностью данных конструкций, а именно того, что продуктивная в современном литературном языке категория сравнения значительно уступает по употребительности синонимичной ей союзной конструкции обстоятельственного типа. Творительный сравнения ограничен в основном сферой употребления (в частности, он не употребляется при именном сказуемом, составляющем весьма продуктивную категорию современного языка), среди глагольных слов он выступает в большинстве случаев при глаголах непереходных и преимущественно при их определенных лексических разновидностях (глаголах движения, состояния и др.). В силу этих причин творительный сравнительный имени существительного уступает по употребительности синонимической союзной конструкции, не имеющей этих ограничений.

Третий и четвертый уровни поля представляют собой соответственно сравнительные обороты и сравнительные предложения. Они еще более удалены от центра, поэтому обладают большей самостоятельностью, обусловленной их большей распространенностью и разнесенностью членов сравнительной конструкции. Кроме того, сравнительные предложения включают в себя гораздо большее количество дополнительных смыслов, вытекающее из многокомпонентности данных единиц.

Именно эти средства формирования компаративной семантики обладают наибольшей вариативностью как в отношении формы, так и содержания, что также объясняется их распространенностью и относительной самостоятельностью входящих в них компонентов. Они способны выражать:

- сходство: *Ее находят прекрасною, как день (Л.Н. Толстой);*
- различие предметов: *Кровь-то одна, – человек же, не зверь (А.Н. Толстой).*

Кроме того, элементы этого уровня ФСП сравнения могут одновременно обозначать несколько сравнительных операций, что явля-

ется только их уникальной особенностью. Например: *покраснет, как помидор*, – данная конструкция со сравнительным оборотом имеет два плана сравнения. Первый представлен отадективным глаголом *краснет*, имеющим значение становления признака и на этом основании относимым нами к группе компаративных глаголов, а второй – собственно сравнительным оборотом, вводимым союзом *как*.

В сложных сравнительных предложениях таких одновременных (параллельных или последовательных) сравнений может быть гораздо больше. Например: *Дамы хватились за руки, поцеловались и вскрикнули, как вскрикивают институтки, встретившиеся вскоре после выпуска, когда маменьки еще не успели объяснить им, что отец у одной беднее и ниже чином, чем у другой* (Н.В. Гоголь).

Это происходит потому, что сравнительные обороты и предложения являются по своей сути сложными языковыми элементами, представляющими собой комбинации более простых единиц, функционирующих во взаимодействии друг с другом, чье собственное значение вследствие этого модифицируется и дополняется, что позволяет сравнительным оборотам и предложениям выражать сравнительные операции различных уровней.

Особенностью этих компаративных единиц является и отсутствие жесткой стилевой отнесенности, они свободно употребляются во всех стилях речи, хотя некоторые сравнительные союзы и частицы, присутствующие в них, могут придавать всему высказыванию некую стилистическую окраску, как правило, разговорного характера: *Мукой в верховье он торговал: славная мука у него бывала – чистая, ровно пух; покупатели много довольны ей оставались* (А.Н. Толстой).

Такова, в общем и целом, структура и наполненность основных компонентов ФСП сравнения, но кроме них в нем сохраняются периферические участки, которые остаются зачастую за пределами научного исследования, несмотря на то, что выступают в высказывании в качестве полноценных словесных образов и лингвистических моделей воплощения сравнительных отношений между

предметами. Через них происходит прояснение дополнительных оттенков сравнительной семантики, они помогают лучшему осмыслению всей совокупности явлений реальности и дополняют общую картину знания, корректируя ее.

К периферийным относятся микросистемы, охватывающие незначительное число слов, объединенных каким-либо одним или несколькими признаками и существенно отличающиеся от основной массы слов, рассмотренных с точки зрения тех же признаков. Эти признаки могут быть в разной степени информативны, причем иногда может оказаться, что некоторые слова периферийны сразу с нескольких точек зрения.

Периферию ФСП сравнения представляют разнообразные элементы, зачастую находящиеся на пересечении с другими полями и имеющие достаточно ослабленную семантику сравнения, к тому же осложненные дополнительными значениями. Эти элементы относятся к разным уровням языка, поэтому практически невозможно сгруппировать их в отдельные самостоятельные элементы данной иерархической системы. Особенностью этой зоны функционально-семантического поля сравнения является также и то, что наполнение ее происходит не только вербальными образами, но также и невербальными, внелингвистическими средствами.

Но «поскольку человек не может схватить – отразить – отобразить природы всей полностью, ее «непосредственной цельности», а отражает ее по частям, охватывая то одни, то другие стороны, связи и отношения, реально создаются условия для отражения в одних языках одних признаков вещей и, следовательно, вхождение предметов в одни классы, а в других языках – других признаков вещей и их вхождения в другие классы» [5, с. 25], поэтому данное членение функционально-семантического поля компаративности вообще и его периферии в особенности нельзя считать исчерпывающим и однозначным.

Периферия ФСП сравнения делится на несколько неравных частей: зону лексических средств, зону словообразовательных средств, морфологическую зону, фразеологическую зону, а также зону экстралингвистических средств.

Создание любой языковой системы ведет к известному упрощению действительности, так как, по словам Д.П. Горского, «окружающая нас действительность текуча, в ней отсутствуют строгие различительные линии. Поэтому процесс познания действительности связан с выделением каких-то отдельных предметов с их наименованием, с их отождествлением между собой, с превращением непрерывного в дискретное, текучего в жесткое» [4, с. 76]. Поэтому любое, даже наиболее детальное членение ФСП сравнения будет несколько условно и упрощенно трактовать весь комплекс данных тематических явлений.

Выводы

ФСП сравнения представляет собой гетерогенную систему, так как состоит из элементов различных уровней языка, отличающихся друг от друга по структуре, объему, количеству составляющих их единиц, оттенкам значения, но находящихся во взаимосвязи и взаимозависимости, выполняющих общую функцию: описание сравнительных отношений между предметами, явлениями, признаками, процессами действительности.

Элементы, составляющие ФСП сравнения, отличаются ярко выраженной семантической многоаспектностью, даже если принадлежат одному уровню поля, что находит выражение в том, что в одной словоформе могут совмещаться разные оттенки значения семантической доминанты поля: *он знает больше всех* – форма сравнительной степени наречия одновременно выражает значение сходства предметов (наличие у них общего признака) и их различия (вследствие того, что признак проявляется в них в разной степени); *враги* – лексема объединяет в себе сему противопоставления и противоречия.

Ядро ФСП компаративности представляет собой одна грамматическая категория: форма степеней сравнения имени прилагательно-го и наречия, следовательно, ФСП сравнения является моноцентрическим полем с целостным грамматическим ядром.

План содержания ФСП компаративности является многоступенчатой иерархической системой семантической вариативности, выявляемой на основе анализа комплекса различительных признаков

составляющих ее элементов, причем вариативность семантическая четко коррелирует с вариативностью средств формального языкового выражения сравнения.

Анализируя языковые элементы, составляющие периферию поля компаративности, можно выделить зоны его пересечения с другими функционально-семантическими полями, то есть области взаимодействия семантических элементов разных полей. Это поле эмоциональной оценки, процессуальности, каузуальности (то есть поле условно-следственных отношений), качественности (качественности) и количественности (количественности), причинности, градуальности, цветообозначения.

Анализ сущности функционально-семантического поля сравнения и его места в системе других ФСП русского литературного языка способствует адекватной оценке окружающего мира и является непременным условием создания целостной языковой картины, соответствующей структуре человеческого познания.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 608 с.
2. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов: пер. с фр. / Общ. ред. и вступ. стат. Ю.С. Степанова. М.: Прогресс-Универс, 1995. 456 с.
3. Бондарко А.В. Введение. Основания функциональной грамматики. // Теория функциональной грамматики: Введение. Актуальность. Временная локализованность. Таксис. / Отв. ред. А.В. Бондарко. Л.: Наука, 1987. С. 5–39.
4. Горский Д.П. Логика научного познания. М.: Наука, 1987. 272 с.
5. Климов Е.А. Основы психологии: Учебник. М.: Культура и спорт, 1997. 283 с.
6. Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М.: Наука, 1975. 231 с.
7. Конюшкевич М. И. Категория сравнения и её место в системе языка // Вопросы функциональной грамматики: сб. науч. тр. / Под ред. М.И. Конюшкевич. Вып. 4. Гродно: ГрГУ, 2001. С. 82–94.

8. Малых Л.М. Статус категории сравнения в современных лингвистических исследованиях // Вестник Удмуртского университета. 2011. Сер.: История и филология. Вып. 2. С. 105–110.
9. Мещанинов И.И. Понятийные категории в языке. // История советского языкознания / Сост. Ф.М. Березин. М.: Высшая школа, 1981. С. 66–73.
10. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. М.: Просвещение, 1941. 551 с.
11. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1972. 495 с.
12. Серебренников Б.А. О материалистическом подходе к явлениям языка. М.: Наука, 1983. 320 с.
13. Трегубчак А.В. Варианты семантических оттенков сравнительных конструкций. // Филологические и педагогические аспекты гуманитарного образования в высшей школе материалы межрегионального научно-практического семинара с международным участием. 2016. С. 154–157.
14. Уорф Б. Наука и языкознание // Зарубежная лингвистика. М.: Издательская группа «Прогресс», 1999. С. 92–106.
15. Ходова К.И. Творительный превращения и сравнения. // Творительный падеж в славянских языках. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 181–192.
16. Холодов Н.Н. За древними тайнами русского слова “И” – тайна иных масштабов. Иваново: ИвГУ, 1991. 120 с.

References

1. Ahmanova O.S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov*. [Dictionary of linguistic terms]. Moscow: Sovetskaya enciklopediya, 1966. 608 p.
2. Benvenist E. *Slovar' indoevropejskih social'nyh terminov*. [Dictionary of Indo-European social terms]. Ed. by Yu.S. Stepanova. Moscow: Progress-Univers, 1995. 456 p.
3. Bondarko A.V. Vvedenie. Osnovaniya funkcional'noj grammatiki [Introduction Foundations of functional grammar]. *Teoriya funkcional'noj grammatiki: Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'*.

- Taksis* [Theory of functional grammar: Introduction. Aspectuality Temporary localization. Taxis]. Ed. by A.V. Bondarko. L.: Nauka, 1987, pp. 5–39.
4. Gorskij D.P. *Logika nauchnogo poznaniya*. [The logic of scientific knowledge]. Moscow: Nauka, 1987. 272 p.
  5. Klimov E.A. *Osnovy psichologii* [Fundamentals of psychology]. Moscow: Kul'tura i sport, 1997. 283 p.
  6. Kolshanskij G.V. *Sootnoshenie sub"ektivnyh i ob"ektivnyh fakto-rov v yazyke* [The ratio of subjective and objective factors in the language]. Moscow: Nauka, 1975. 231 p.
  7. Konyushkevich M.I. *Kategoriya sravneniya i eyo mesto v sisteme yazyka* [The category of comparison and its place in the language system]. *Voprosy funkcional'noj grammatiki: sb. nauch. tr.* [Questions of functional grammar: collection of articles. scientific tr.]. Ed. by M. I. Konyushkevich. No. 4. Grodno: GrGU, 2001, pp. 82–94.
  8. Malyh L. M. *Status kategorii sravneniya v sovremennyh lingvisticheskikh issledovaniyah* [Status of the category of comparison in modern linguistic studies]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser.: Istoriya i filologiya*. 2011. No. 2, pp. 105–110.
  9. Meshchaninov I.I. *Ponyatijnye kategorii v yazyke*. [Conceptual categories in language]. *Istoriya sovet-skogo yazykoznanija*. Ed. by F.M. Berezin. Moscow: Vysshaya shkola, 1981, pp. 66–73.
  10. Potebnya A.A. *Iz zapisok po russkoj grammatike*. [From notes on Russian grammar]. Moscow: Prosveshchenie, 1941. 551 p.
  11. Rozental' D.E., Telenkova M.A. *Spravochnik lingvisticheskikh terminov*. [Handbook of linguistic terms]. Moscow: Prosveshchenie, 1972. 495 p.
  12. Serebrennikov B.A. *O materialisticheskom podhode k yavleniyam yazyka*. [On the materialistic approach to the phenomena of language]. Moscow: Nauka, 1983. 320 p.
  13. Tregubchak A.V. *Varianty semanticheskikh ottenkov sravnitel'nyh konstrukcij* [Variants of semantic shades of comparative constructions]. *Filologicheskie i pedagogicheskie aspekty gumanitarnogo obrazovaniya v vysshej shkole materialy mezhregional'nogo nauchno-prakticheskogo seminara s mezhdunarodnym uchastiem* [Philological and pedagogical aspects of humanitarian education in higher education materials of an in-

- terregional scientific-practical seminar with international participation]. 2016, pp. 154–157.
14. Uorf B. *Nauka i yazykoznanie*. [Science and linguistics]. Zarubezhnaya lingvistika [Foreign linguistics]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa «Progress», 1999, pp. 92–106.
15. Hodova K.I. *Tvoritel'nyj prevrashcheniya i sravneniya*. [Invariant transformations and comparisons]. *Tvoritel'nyj padezh v slavyanskih yazykah* [The instrumental case in Slavic languages]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1958, pp. 181–192.
16. Holodov N.N. *Za drevnimi tajnami russkogo slova "I" – tajna inyh masshtabov*. [For the ancient secrets of the Russian word "I" – the mystery of other scales]. Ivanovo: IvGU, 1991. 120 p.

ДАНИЕ ОБ АВТОРЕ

Трегубчак Алина Викторовна, доцент кафедры иностранных и русского языков, кандидат филологических наук
Рязанское гвардейское высшее воздушно-десантное командное училище им. В.Ф. Маргелова
пл. Маргелова, 1, г. Рязань, 390000, Российская Федерация
astour@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Tregubchak Alina Viktorovna, Associate Professor at the Department of Foreign and Russian Languages, Candidate of Philology Sciences
Ryazan Airborne Academy named after general V.F. Margelov
1, Margelov Square, Ryazan, 390000, Russia Federation
astour@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2739-425X

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-1-192-203

УДК 81'44

**КОГНИТИВНО-ИДЕОГРАФИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ
РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЖАРГОНОВ НАРКОМАНОВ***Хасанова Н.Ф.*

Репрезентация когнитивной сферы, выявление идеографических характеристик эмотивной лексики и фразеологии русского и английского жаргонов наркоманов определяют актуальность темы и проблематику статьи, которая позволяет выявить и описать языковой и социокультурный мир наркоманов. В данной статье основные виды деятельности и интересы лиц, принадлежащих к данному социокультурному сообществу, классифицируются четырьмя направлениями: «бизнес», «удовольствие», «болезнь» и «конечный результат», которые раскрывают основные характеристики жаргона наркоманов, проявляющихся в эмоциональном отношении к реалиям, эксплицируя таким образом антиценностную аксиологию картины мира жаргона наркоманов.

Цель. *Целью статьи является систематическое и сопоставительное описание жаргона наркоманов русского и английского языков в аспекте их социолингвистических характеристик.*

Метод или методология проведения работы. *Основу исследования образуют типологическое описание анализируемого материала. Метод частичной выборки лексем и фразеологизмов из жаргонных и арготических словарей; компонентного анализа; когнитивного и идеографического моделирования.*

Результаты. *Результаты работы заключаются в том, что предложена новая классификация для характеристики русского и английского жаргонов наркоманов, уточнены представления о смысловой структуре эмотивных языковых единиц жаргона наркоманов, об аффективных сторонах языковой личности исследуемой субкультуры.*

Область применения результатов. *Результаты исследования могут быть применены в сфере социальной диалектологии, лексикологии, фразеологии и аксиолингвистики.*

Ключевые слова: русский и английский жаргон наркоманов; эмоциональность; наркомания; идеографическая группа.

COGNITIVE-IDEOGRAPHICAL CLASSIFICATION OF RUSSIAN AND ENGLISH DRUG ADDICTS' SLANG

Khasanova N.F.

Representation of cognitive sphere and revealing ideographical characteristics of emotive vocabulary and phraseology of Russian and English drug addicts' slang determine the topicality of the theme and article's problematics. It allows discovering and to describe the drug addicts' lexical and socio-cultural world. In this article, the main activity and the interests of people belonging to this socio-cultural society are classified into four groups: 'business', 'pleasure', 'illness' and 'result'. These groups show the main characteristics of drug addicts' slang manifesting as an emotional attitude to reality that describes the antivaluable axiology of drug addicts' outlook.

Purpose. *The purpose of this article is a systematic and comparative description of Russian and English drug addicts' slang in the aspects of their socio-linguistic characteristics.*

Methodology. *The basis of the research is the typological description of the analyzing material; the method of partial selection of words and phrases from the dictionaries of slang; the examination of components; cognitive and ideographical modeling.*

Results. *The results of the study are that the new classification aimed at characterizing Russian and English drug addicts' slang is offered. The view on the semantic structure of emotive units of drug addicts' slang and its affective aspects of linguistic personality is specified.*

Practical implications. *The results of the study can be applied in the sphere of social dialectology, lexicology, phraseology and axio-linguistics.*

Keywords: *Russian and English drug addicts' slang; emotionality; narcomania; ideographical group.*

Идеографическое описание эмотивной лексики и фразеологии жаргона наркоманов может пониматься как классификация лексем, обладающих эмотивным потенциалом, по тем или иным основаниям. С. Шехтер предположил, что эмоции возникают на основе физиологического возбуждения и когнитивной оценки [14, с. 379]. Можно сказать, что жаргон наркоманов полностью состоит из эмотивной лексики и фразеологии, но, несмотря на это, существуют типологии другой жаргонной лексики (например, арг), которые раскрывают основные моменты эмотивной лексики и фразеологии жаргона наркоманов. Так, например, по М.А. Грачёву классификация построена в виде оппозиций «преступник – С», где С – концепты или концептуальные области, формирующие концептосферу арга по меньшей мере в той её части, которая представляет его мировоззренческую функцию. Только первое противопоставление несколько отличается от всех других, поскольку рассматривает внутреннее противопоставление двух типов преступников с разным мировоззрением: «уголовный преступник – политический преступник». По существу, политический преступник в уголовной иерархии не отличается от бакланов – хулиганов, мужиков – непрофессиональных преступников, шелупени – мелких уголовников, мохноролых – насильников. Во всех последующих оппозициях имеется в виду первый член противопоставления: преступник – критерии справедливости, преступник – коллективизм, преступник – закон, преступник – профессиональная деятельность, преступник – речь, преступник – семья, преступник – женщина, преступник – религия и мистика, преступник – государство, преступник – деньги, преступник – литература, искусство, просвещение, спорт, преступник – природа, преступник – бравада и хвастовство, преступник – смех [4, с. 67–82].

Данная классификация носит антропоцентрический характер и аксиологическую определённую. В то же время выбор анализируемых когнитивных областей эксплицитно не мотивирован, и классификация в целом в значительной мере дискретна, не представляет описываемую область как континуум.

Провиденная нами ниже классификация основана на «Словарь русского и английского жаргона наркоманов» [1], который содер-

жит синонимические ряды жаргонизмов наркоманов, т. е., они представляют собой тематические группы, в которых объединена существенная часть лексики словаря. Эти группы отражают как жизненные ценности и антиценности, так и образ жизни представителей жаргона наркоманов. Синонимические ряды представляют собой круг дифференцированных по множеству признаков определений наркозависимых людей, их состояния, методов действий, инструментов и т. д., а также всего того, что сопутствует жизни вокруг наркотиков. Следуя вышесказанной логике, построим идеографическую схему в виде семантических групп, которые формируют образ жизни вокруг наркотиков, используя идею, известную как закон притяжения синонимов С. Ульмана [9, с. 250].

Для создания вышесказанной схемы нами предлагается классификация синонимических направлений и их преобразование в идеографические компоненты, которые отражают основные интересы и основные виды деятельности лиц, принадлежащих к данному социокультурному сообществу. Первое направление – «бизнес», которое в целом репрезентуется 297 лексическими единицами и 139 фразеологическими единицами словаря русского и английского жаргона наркоманов [1], второе направление – «удовольствие» (572 единиц), третьей является направление «болезнь» (175 единиц), и завершающее направление – «конечный результат» (320 единиц). Таким образом, выделены четыре основных направления, на которых основывается субкультура носителей жаргона наркоманов. Каждую из предложенных направлений можно разделить на идеографические группы. Количественное соотношение лексических и фразеологических единиц, репрезентующих данные направления в определённой мере отражает образ жизни данной социогруппы.

Первое направление «бизнес» можно разделить на такие группы как: «действие»; «участники»; «объект»; «результат».

Группа «действие» является ведущим в иерархии, и его содержание в той или иной мере задают содержание подгруппы. По существу, его заполнение порождает свои подгруппы направления «бизнес»: 1) сбыт наркотических средств, например, рус. *кукнарить* – выращивать опий-

ный мак [15, с. 69]; *гамбас дрянной* – оптовая сделка при купле-продаже крупной партии наркотиков; *перегон* – перевоз наркотиков из одного региона в другой; англ. *cop* [букв. коп, мент] – доставать наркотики; *pid* [букв. полезная нагрузка] – иметь наркотик с целью продажи; 2) продажа: *продавать весом* – продавать героин не менее чем по одному грамму; *working* [букв. обработка, переработка] – продавать крек; *slanging* – 1) продавать наркотики; 2) заниматься продажей наркотиков.

Группа «участники» заполняется наименованием торговцев, продавцов наркотическими веществами, сбытчиками наркотических веществ, доставщиками, изготовителями, людьми, выращивающими наркотики, главарями преступной группировки, торговцами в розницу, посредниками, и химиками, которые готовят то или иное наркотическое вещество. Например, рус. *замазанный гонец* – доставщик наркотиков, находящийся в поле зрения сотрудников милиции; *огородник* – владелец незаконной плантации опийного мака или конопли; *papa* – главарь преступной группировки, связанной с продажей и изготовлением наркотиков; англ. *bag man* [букв. мешочник] – 1) тот, кто перевозит деньги для покупки наркотиков; 2) поставщик наркотиков; *clucker* [букв. кудахтающий] – посредник при покупке наркотика.

«Объект» номинируется 850 единицами, называемыми потерпевшего – наркозависимого человека, и состоятельных людей, привлекаемых к употреблению наркотических веществ. А также и названий различного вида наркотических препаратов. Например, рус. *абрикос* – малолетний наркоман; *приблудный* – человек, впервые пробующий наркотик; англ. *chicken-head* [букв. куриная голова] – зависимый от кокаина.

В группу «результат» мы включаем 970 единиц, называющих наркозависимого человека, и молодых состоятельных людей из группы «объект». В конечном итоге, результатом являются «деньги», которые связывают «бизнес» с «удовольствием»: рус. *слам дрянной* – доля выручки за продажу наркотиков; «*джанк*» – наркоман, употребляющий преимущественно опиум [2, с. 1]; англ. *clocking paper* – прибыль от продажи наркотиков; *bank* [букв. банк] – наличные деньги для покупки наркотиков.

Тема «удовольствие» является самым большим направлением репрезентации жаргона наркоманов. Здесь мы бы хотели провести параллель между направлениями «удовольствие» и «болезнь», т.к. люди, получающие «удовольствие», зачастую не понимают, что они «болеют». Она может быть описана с помощью следующих групп: «наименования наркотических препаратов»; «состояние»; «процесс»; «место».

Первая группа самая объемная во всех рядах и включает 1023 наименований наркотических препаратов. А в зависимости от видов наркотических средств выделяются подгруппы: психотропные, наркотики растительного происхождения, синтетические наркотики, порошкообразные, жидкие: рус. «*черт в склянке*» – растворенный морфий [3, с. 93]; *фуфел* – наркотик слабого действия или фальсификат; «*белая леди*» – героин [7, с. 115]; англ. «*a small golden box*» – ампула с опиумом [13: с. 317]; *pink blotters* [букв. розовый бумагомаратель] – наркотик, вызывающий галлюцинации; *peg* [букв. колышек] – героин.

Группа «процесс» включает в себя действия: «процесс употребления наркотических средств»; «процесс купли-продажи наркотических средств» и «процесс изготовления наркотических веществ»: рус. *толчок давать* – принимать дозу наркотика; англ. *skin popping* [букв. надувать кожу] – ввести наркотик под кожу.

Группа «состояние» представляет собой когнитивную область, которая репрезентуется с помощью описаний состояния после приема наркотических веществ и описание состояния удачной / неудачной сделки при продаже наркотических средств». Например, рус. *быть на умняке* – пребывать в философском расположении ума под воздействием наркотических средств; *тараканы* – состояние наркомана, когда ему кажется, что тараканы ползают у него под кожей, разъедают мышцы, проделывают дорожку в жировом слое тела; иногда в таком состоянии человеку кажется, что он чувствует запах собственного разлагающегося тела или слышит мерзкий звук, с которым тараканы грызут его; англ. *amped-out* – усталость после использования амфетаминов; *cocaine blues* [букв. кокаиновый блюз] – депрессия после длительного употребления кокаина.

Содержание группы «место», выражаются лексемами, называющими «наркотический притон»: рус. *ховыра* – тайник с наркотиками; англ. *stash* [букв. утаивать, припрятывать] – место, где прячут наркотики.

Группа «люди» включает в себя описание человеческих типов, которые напрямую не связаны с направлением «удовольствие», но всё же проявляют несколько больше корреляций именно с данной сферой, как наименее заданной, наиболее свободной. Данная группа эксплицирует такой фрагмент языковой картины мира носителей жаргона наркоманов, как характеристика человека по статусу или личностным качествам: наркоман со стажем, начинающий наркоман, продавец наркотиков, изготовители наркотиков, нарколог, правоохранительные органы: *narco* – полицейский, который занимается проблемой наркотиков [12, с. 75].

Направление «конечный результат» вытекает из группы «люди», так как с помощью названных «людей» наступает возмездие. «Наркоманы заранее готовы к поражению и сознательно его выбирают, попадая тем самым в «black hole» [16: с. 31] (в черную дыру [перевод наш])» [11]. Направление «конечный результат» включает группы: «выздоровление»; «смерть»; «тюрьма».

Содержание группы «выздоровление» заполняется названиями больницы, врачей – наркологов, названиями ощущений во время отхождения от наркотической зависимости. А группа «смерть» репрезентуется лексемами, констатирующими факт смерти по причине передозировки наркотическими веществами. Например, рус. *хронолог* – врач-нарколог; «ремонт по пятому номеру» – курс лечения в наркологическом диспансере [5, с. 453]; *отколоться* – перестать принимать наркотики; англ. *kick* [букв. ударять ногой, пинать] – освободиться от наркотической зависимости; *burn-exaddict* – человек, читающий лекции об опасностях употребления наркотиков.

Группа «тюрьма» представлена 23 единицами со значением «быть арестованным», «названиями исправительно-трудовых учреждений». *хлопнуться* – быть задержанным за преступления, связанные с наркоманией; «загнать под нары» – арест [8, с. 376]; *засобачить* – отравить жертву с помощью наркотика, растворен-

ного в спиртных напитках; *за ширму сидеть* – быть осужденным за наркотики.

В результате анализа когнитивно-идеографической классификации жаргона наркоманов и возможной репрезентации единиц эмотивной лексики нами предлагается трёхкомпонентная маркировка выделенных фрагментов языковой картины мира. Во-первых, это степень облигаторности оценки в структуре значения лексемы; во-вторых, соотношения номинативного и экспрессивно-эмотивного компонентов значения; и в-третьих, подробность лексикализации (фразеологизации) фрагмента жаргонной картины мира. К первым относятся лексемы и фразеологизмы, которые репрезентуют содержание направлений, удовлетворяющие всем трём названным параметрам. Ко вторым относятся лексемы и фразеологизмы, которые репрезентуют содержание направлений, удовлетворяющих первым двум параметрам. Соответственно к последним мы относим лексемы и фразеологизмы с амбивалентной, флуктуирующей оценкой. В этом случае решающим становится второй показатель, а количественный показатель носит характер дополнительного параметра. Здесь необходимо учитывать, что предлагаема классификация описывает эмотивный жаргон наркоманов в общих чертах.

Следует отметить, что русском жаргоне наркоманов более 2000 слов, связанных со страданием, отключением от действительности. В английском жаргоне около 1480 слов, связанных с удовольствием, игрой, развлечением. Мы рассмотрели для примера лексемы и фразеологизмы русского и английского жаргона наркоманов, означающие наименования наркотиков. Анализ показал, что большинство из них в семантической структуре содержат негативный оценочный компонент 'плохой, вредный, опасный', который эксплицитно выражается в слове [10, с. 23].

Преобладание в лексике и фразеологии жаргона наркоманов эмоционально-экспрессивных единиц с негативными характеристиками, возможно, свидетельствуют об осознании носителями этой субкультуры пагубности и смертельной опасности пристрастия к наркотикам. В то же время существуют наблюдения современных

исследователей, в которых говорится о том, что во всех толковых словарях русского литературного языка эмоционально-экспрессивные пометы с отрицательной оценочностью преобладают над эмоционально-экспрессивными пометами с положительной оценочностью. Так, в диссертации И.В. Желябовой этот факт связывается как с психологическими факторами, так и регулируемыми. Психологическую сторону данного явления она видит в том, что «разнообразие отрицательных эмоций даёт возможность человеку более успешно осуществлять адаптацию к неблагоприятным обстоятельствам, о характере которых успешно и тонко предупреждают отрицательные эмоциональные состояния» [6, с. 18].

Таким образом, эмотивная часть лексики и фразеологии жаргона наркоманов убедительно свидетельствует об относительно ровной доле негативного отношения и насмешки по отношению к тем реалиям, которые называются в нём.

Список литературы

1. Байрамова Л.К., Хасанова Н.Ф. Словарь русского и английского жаргона наркоманов; словарь антиценностей. Казань: Центр инновационных технологий, 2009. 196 с.
2. Берроуз У.С. Джанки. [пер. с англ. Алекса Керви]. СПб.: Система-Плюс, 1997. 224 с.
3. Булгаков М. Морфий // Записки покойника. М.: ООО «Фирма» «Издательство АСТ», 1999. С. 86–114.
4. Грачёв М.А. Русское аргю. Н.-Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 1997. 246 с.
5. Грачёв М.А. Словарь современного молодежного жаргона. М.: Эксмо, 2007. 672 с.
6. Желябова И.В. Эволюция состава и значения класса личных существительных мужского рода в русском литературном языке на протяжении 30–80-х гг. XX в. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2000. 22 с.
7. Мирошниченко Л.Д. Жаргон наркоманов. Словарь (русский, английский, двуязычный). М.: «Анахарсис», 2002. 160 с.

8. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. СПб.: Норинт, 2000. 717 с.
9. Ульман С. Семантические универсалии // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 5. Языковые универсалии. М.: Прогресс, 1970. С. 250–299.
10. Хасанова Н.Ф. Лексико-фразеологическая репрезентация наркомании как антиценности (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2013. 175 с.
11. Хасанова Н.Ф. Тема наркомании в художественной литературе // Теория языка и межкультурная коммуникация. № 2(25) Курск, 2017. URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/index.php?page=6&new=25> (дата обращения: 20.11.2018).
12. Dictionary of American Slang. New York: HarperCollins Publishers Inc, 1995. 144 p.
13. Quincey de Thomas Confessions of an English Opium-Eater. UK: Penguin Classics, 2003. 240 p.
14. Schachter S., Singer J.E. Cognitive, social, and physiological determinants of emotional state // *Physiological Review*. 1962. № 69. P. 379.
15. Walter H. Russisch-Deutsches Wörterbuch des Drogenslanges / Русско-немецкий словарь наркожаргона. Frankfurt: Peter Lang, 2003. 202 p.
16. Welsh I. *Trainspotting*. London: Vintage Books, 2011. 343 p.

References

1. Bayramova L.K., Halliullova N.F. *Slovar' russkogo i angliyskogo zhargona narkomanov* [Dictionary of Russian and English Drug Addicts' Slang]. Kazan: Centr innovatsionnykh tekhnologii, 2009. 196 p.
2. Burroughs W.S. *Dzhanki* [Junkie]. SPb: Sistema Plus, 1997. 224 p.
3. Bulgakov M. Morfiy [Morphine]. *Zapiski pokoynika* [Notes of the deceased]. Moscow, 1999, pp. 86–114.
4. Grachev M.A. *Russkoe argo* [Russian Argot]. N. Novgorod: NGLU im N.A. Dobrolubova, 1997. 246 p.
5. Grachev M.A. *Slovar' sovremennogo molodezhnogo zhargona* [Dictionary of Modern Youth Slang]. Moscow: Eksmo Publisher, 2007. 672 p.
6. Zhelyabova I.V. *Evolutsiya sostava i znacheniya klassa lichykh sushestvitel'nykh muzhskogo roda v russkom literaturnom yazyke na protyazhenii*

- 30–80 гг. XX в. [The Evolution of the Composition and Meaning of the Class of Masculine Personal Nouns in the Russian Literary Language during the 30s-80s. of the 20th century]. Stavropol' 2000. 22 p.
7. Miroshnichenko L.D. *Zhargon narkomanov. Slovar' (russkiy, angliyskiy, dvuyazychniy)* [Drug Addicts' Slang. The Dictionary (Russian, English, Bilingual)]. Moscow: 'Anarchasis', 2002. 160 p.
  8. Mokienko V.M., Nikitina T.G. *Bol'shoy slovar' russkogo zhargona* [Big Dictionary of Russian Slang]. SPb: Norint, 2000. 717 p.
  9. Wilman S. *Semanticheskie universalii* [Semantic Universals]. Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 5. Yazykoviye. Moscow: Progress, 1970, pp. 250–299.
  10. Hasanova N.F. *Leksiko-frazeologicheskaya reprezentatsiya narkomanii kak antitsennosti (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov)* [Lexical and Phraseological Presentation of Narcomania as an Antivalue (on the material of Russian and English Languages)]. Kazan, 2013. 175 p.
  11. Hasanova N.F. Tema narcomanii v hudozhestvennoy literature [The Subject of Narcomania in the Belles-Lettres]. *Teoriya yazyka i mezhkul' turnaya kommunikatsiya*. № 2(25) Kursk, 2017. <http://tl-ic.kursksu.ru/index.php?page=6&new=25> (accessed: 20.11.2018).
  12. Dictionary of American Slang. New York: HarperCollins Publishers Inc, 1995. 144 p.
  13. Quincey de Thomas Confessions of an English Opium-Eater. UK: Penguin Classics, 2003. 240 p.
  14. Schachter S., Singer J.E. Cognitive, social, and physiological determinants of emotional state. *Physiological Review*. 1962. № 69. P. 379.
  15. Walter H. *Russisch-Deutsches Wörterbuch des Drogenslang* / Русско-немецкий словарь наркожаргона. Frankfurt: Peter Lang, 2003. 202 p.
  16. Welsh I. *Trainspotting*. London: Vintage Books, 2011. 343 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Хасанова Нургияз Фиалитовна, старший преподаватель кафедры иностранных языков, кандидат филологических наук
Казанский государственный архитектурно-строительный университет

*ул. Зеленая, 1, г. Казань, Татарстан, 420043, Российская Фе-
дерация
discovery81@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Khasanova Nurgizya Fialitovna, Senior Lecturer, Department of For-
eign Languages, Candidate of Philological Science
*Kazan State University of Architecture and Building Construction
1, Zelenaya, Str., Kazan, Tatarstan, 420043, Russian Federation
discovery81@mail.ru
SPIN-code: 4872-6348
ORCID: 0000-0002-0947-729X
ResearcherID: E-6465-2018*

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-1-204-215

УДК 81. 367

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ ЗАГОЛОВКОВ ПРЕССЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИКАЦИЙ ЖУРНАЛА SPIEGEL)

Чайко Н.Н.

Принято считать, что заголовок – неотъемлемая и главная часть любой публикации, поскольку он является первым звеном, на которое обращает внимание читатель при знакомстве с публицистическим текстом. Заголовок несет определенную информацию о содержании публицистического произведения, поэтому должен иметь эмоциональную окраску, возбуждать читательский интерес, привлекать внимание.

Цель. Данная статья посвящена анализу синтаксических средств выразительности заголовков. Предметом анализа выступают современные немецкие публицистические тексты. Выбор текстов публицистики в качестве материала исследования позволяет по-новому проанализировать средства выразительности заголовков на синтаксическом уровне.

Метод или методология проведения работы. Основу исследования образуют метод сплошной выборки при подборе практического материала, описательный метод лингвостилистического анализа, а также метод количественно-качественного анализа.

Результаты. Результаты исследования показали, что синтаксические особенности заголовков публицистических текстов многогранны и разнообразны. Журналисты используют различные синтаксические средства для того, чтобы сделать заголовок более эмоциональным и экспрессивным. Самыми частотными являются номинативные заголовки, как односоставные, так и состоящие из двух или нескольких существительных. С целью придания заголовку броскости широко используется эллипсис. Краткий заголовок быстрее воспринимается читателем, его необычная форма вы-

зывает интерес и побуждает читателя прочитать сам текст. С точки зрения цели высказывания наиболее распространены повествовательные предложения. Однако встречаются заголовки в форме вопросительных предложений, весьма редки побудительные предложения. Для привлечения внимания читателя к тексту нередко возникает эмфатическое выделение в начале заголовка путем изменения порядка слов. Использование повтора на разных уровнях в целях эмпазы также имеет место быть в исследуемом материале.

Область применения. Результаты исследования могут быть использованы в теоретических курсах по стилистике немецкого языка, а также в спецкурсах по дискурсу современной немецкой прессы.

Ключевые слова: заголовок; публицистический текст; экспрессивность; синтаксис; предложение.

SYNTACTIC MEANS OF PRINT PRESS HEADLINES EXPRESSIVENESS (BASED ON SPIEGEL PUBLICATIONS)

Chaiko N.N.

Headline is considered an integral as well as main part of any publication, as it is the first link that attracts the reader's attention when reading a newspaper or magazine article. The headline carries certain information about the content of a journalistic work, so it must have some emotional colouring, spark the readers' interest and attract their attention.

Purpose. *This article is devoted to the analysis of syntactic means of expressive headlines. The subject of the analysis are modern articles from German magazines. The choice of the research material allows analyzing the means of expressiveness of headlines at the syntactic level in a new way.*

Method or methodology of the work. *The basis of the research is formed by the method of continuous selection in the choice of practical material, the descriptive method of linguistic and stylistic analysis, as well as the method of quantitative and qualitative analysis.*

Results. *The results of the study showed that syntactic features of the titles of print press articles are multifaceted and diverse. Journalists use different syntactic means to make the headline more emotional and expressive. The most frequent are nominative headlines, both with a single noun and consisting of two or more nouns. Ellipsis is one of the means that is widely used to make the headline catchy. The reader perceives a short headline quicker; its unusual form arouses interest and encourages the reader to read the whole text. From the point of view of the purpose of the statement, narrative sentences are the most common. However, whereas there are headlines in the form of interrogative sentences, incentive sentences are very rare. To attract the reader's attention to the text, an emphatic stress often appears at the beginning of the headline achieved by changing the word order. The use of repetition at different levels for emphatic purposes can also be found in the material under study.*

Application area. *The results of the research can be used in theoretical courses on the stylistics of the German language, as well as in special courses on the discourse of the modern German press.*

Keywords: *headline; publicistic text; expressiveness; syntax; sentence.*

Характерными особенностями публицистических произведений являются актуальность проблематики, политическая страстность и образность, острота и яркость изложения. Они обусловлены социальным назначением публицистики, – сообщая факты, формировать общественное мнение, активно воздействовать на разум и чувства человека, привлекая различные средства выразительности.

Цель работы заключается в установлении наиболее частотных синтаксических средств выразительности заголовков в публицистических текстах различной тематической направленности. Поставленная цель реализуется с помощью выполнения следующих задач: методом сплошной выборки определить корпус синтаксических единиц для исследования, систематизация грамматических средств выражения выразительности заголовков в текстах прессы, анализ

различных средств выразительности и установление частотности их употребления в заголовках.

Актуальность темы обусловлена общим интересом к проблемам речевого воздействия, в частности через прессу – одну из основных сил общества, инструменту и рычагу воздействия на массовое сознание и общественное мнение. Анализу синтаксических особенностей заголовков посвящено много работ в различных аспектах (В.Г. Костомаров, 1965; З.Я. Тураева, 1986; Л.В. Терентьева, 1996; И.А. Веселова, 1997; А.В. Фатина, 2005; Т.В. Васильева, 2005; А.З. Кубанова, 2007; М.Ю. Доценко, 2009; Головина, 2006) и др. Теоретическую основу исследования составили теоретические положения, разработанные в трудах многих отечественных и зарубежных исследователей В.В. Виноградова [5], И.В. Арнольд [2], О.И. Москальской [8], И.Р. Гальперина [7], В.Г. Адмони [1], М.П. Брандес [4], Н.А. Богатыревой, Л.А. Ноздриной [3], Т.И. Сильман [10], Г.Я. Солганик [11], Н.М. Наер [9], Э. Ризель [13], W. Schneider [15], V. Sowinski [16], U. Engel [12], G. Starke [17] и др. Материалом для исследования послужили 537 публицистических текстов немецкого информационно-политического журнала «Spiegel» 2016 г., отобранных методом сплошной выборки. Выбор публицистических текстов в качестве материала исследования позволяет по-новому представить различные синтаксические средства выразительности заголовков.

Заголовок является одним из средств привлечения внимания к публикации. Заголовок – неотъемлемая и главная часть любого журнального текста, поскольку он является первым звеном, на которое обращает внимание читатель. Заголовок несет определенную информацию о содержании публицистического произведения, поэтому должен иметь эмоциональную окраску, возбуждать читательский интерес, привлекать внимание. Заголовок – это текстовый знак, являющийся обязательной частью текста и имеющий в нем фиксированное положение. Это, бесспорно, сильная позиция любого текста (или даже «самая сильная») [17]. И так, важнейшая функция публицистических заголовков – привлечение внимания

читателя. Заголовок должен быть коротким, интригующим, чтобы заинтересовать многочисленных читателей, общедоступным. Также он должен отражать главную мысль публицистического текста. По мнению И.В. Арнольд, «стилеобразующими факторами для публицистических заголовков являются те же факторы, что и для публицистического стиля вообще, с той только лишь разницей, что в заголовке все эти факторы действуют особенно сильно и требования компрессии информации, и привлечения внимания и интереса читателя оказываются особенно настоятельными» [2, с. 183].

Как показал проведенный нами анализ практического материала, для привлечения внимания читателя в заголовках используются различные языковые средства. Особо важную роль среди средств актуализации заголовка играют синтаксические конструкции. Они позволяют эмоционально выделить наиболее важные моменты сообщения, которые легко воспринимаются читателем. Актуализация заголовков посредством синтаксических конструкций проявляется в приспособлении структуры заголовка к конкретной коммуникативной цели высказывания. Под синтаксическими выразительными средствами следует понимать: объем и степень полноты предложения, изменение структуры предложения, т.е. редукция или экспансия синтаксической структуры, различение предложений с точки зрения их непосредственной коммуникативной задачи, намеренное изменение порядка слов в предложении. [4, с. 96–104].

С целью выявления наиболее частотных синтаксических выразительных средств, которыми представлены заголовки публицистических текстов в журнале *Spiegel*, приведем список со всеми вышеуказанными возможными средствами.

Заголовки в анализируемых текстах представлены следующими синтаксическими типами предложений: 1) простые предложения (97%), 2) сложные предложения (3%).

Самыми частотными являются номинативные заголовки (87%). Они представляют собой одно или несколько существительных, иногда в сочетании с прилагательным или причастием, выполняющие именно номинативную функцию, то есть обозна-

чающие, называющие журнальный текст, выделяющие его среди других: “Schuld” (*Spiegel*, № 48.2016); “Hund, Katze, Küken” (*Spiegel*, №3.2016); “Ewiger Protest” (*Spiegel*, № 37.2016); “Ende des Lächelns” (*Spiegel*, № 45.2016); “Geliehener Luxus” (*Spiegel*, № 27.2016); “Der verschwundene Schatz” (*Spiegel*, № 45.2016).

Чаще всего они описывают:

– имя героя статьи: “Trumps Gift” (*Spiegel*, № 46.2016); “Erdogangs Wölfe” (*Spiegel*, № 50.2016); “Putins Aggressionen” (*Spiegel*, № 8.2016); “Anti-Putin-Superstar” (*Spiegel*, № 8.2016); “Trumps Nazi-Helfer” (*Spiegel*, № 48.2016); “Die Dose des Ronaldo” (*Spiegel*, № 49.2016); “von Merkels Gnaden” (*Spiegel*, № 49.2016);

– название места, где произошло то или иное событие: “Kalte Nächte in Paris” (*Spiegel*, № 46.2016); “Zeitenwende in Europa” (*Spiegel*, № 46.2016); “Brüsseler Eigentor” (*Spiegel*, № 50.2016); “Chinas grosse Chance” (*Spiegel*, № 48.2016); “Auffanglager in Afrika” (*Spiegel*, № 49.2016); “Abrechnung in New York” (*Spiegel*, № 30.2016); “Tatort Venedig” (*Spiegel*, № 30.2016);

– название события и места, где оно произошло: “Tragödie an Kasse 4” (*Spiegel*, № 47.2016); “Tod in der Wüste” (*Spiegel*, № 50.2016); “Tod im Eis” (*Spiegel*, № 48.2016).

Номинативные заголовки представляют собой характерные назывные структуры, которые акцентируют актуальные конкретные смыслы. Они называют имя героя или предмет, место, событие и обозначают их существование.

Выразительность номинативных заголовков часто усиливается посредством такого стилистического приема, как аллитерации. Повтор начальных согласных не только эмфатически выделяет компоненты таких конструкций, но и указывает на цельность, связность таких заголовков: “Lücken in Luxuslage” (*Spiegel*, № 30.2016); “Frust und Freiheit” (*Spiegel*, № 13.2016); “Hand aufs Herz” (*Spiegel*, № 49.2016); “Freundliche Frotzelei” (*Spiegel*, № 48.2016); “Neue Nähe” (*Spiegel*, № 27.2016);

Синтаксические конструкции номинативных заголовков, представленные оппозициями слов, еще одно средство выразительности

в исследуемых текстах. Контрастное выражение понятий акцентирует внимание читателя, интригует его, заставляет прочитать именно эту статью: *“Die Lebenden und die Toten”* (Spiegel, № 34.2016); *“Volle Züge, leere Kassen”* (Spiegel, № 34.2016); *“Billiges Geld, teure Häuser”* (Spiegel, № 44.2016); *“Feste Stellen statt Minijobs”* (Spiegel, № 1.2016); *“Sommerspiele im Winter”* (Spiegel, № 34.2016).

Предикативные заголовки встречаются весьма редко в публицистических текстах журнала Spiegel (13%). Такие заголовки представляют собой полные двусоставные предложения. Они указывают не только на тему публикации, но и действие, и объект: *“Bruni prescht vor.”* (Spiegel, № 27.2016); *“Schäuble spart.”* (Spiegel, № 45.2016); *Schäuble blockte 30 000 Mails ab.”* (Spiegel, № 16.2016); *“Wehner hielt SPD für “korrumpiert”.* (Spiegel, № 47.2016); *“Piloten bleiben hart* (Spiegel, № 16.2016); *“August Oetker erwägt Rückzug.”* (Spiegel, № 47.2016); *“Türkei drängt auf Gipfel.”* (Spiegel, № 50.2016); *“Regierung arbeitet an Plan B.”* (Spiegel, № 34.2016). Заголовки, которые представлены предикативными предложениями, создают интригу, заставляют прочитать статью. В первую очередь читателя заинтриговывают исполнители действий (жена президента Франции Бруни, министр финансов Шойбле, председатель партии Венер, предприниматель Еткер, турецкие дипломаты, пилоты авиакомпании, правительство Германии), а также что с ними произошло. Заголовок с наличием глагола подчеркивает особую важность описываемого действия и является весьма информативным.

Ярким примером синтаксической выразительности предикативных заголовков служит изменение порядка слов. Так, повышенную выразительность приобретают прямое и предложное дополнение, предикатив. Они занимают экспрессивную начальную позицию в заголовке: *“Führer brauchen wir nicht”* (Spiegel, № 51.2016); *“Mit einem Partner sollte man reden”* (Spiegel, № 1.2016); *“Den Opfern bliebe nur wenig”* (Spiegel, № 8.2016); *“Hier ist er”* (Spiegel, № 45.2016); *“Mit der Sorge kommt die Blindheit”* (Spiegel, № 42.2016).

В исследуемом источнике почти не встречается заголовков, которые являются сложными предложениями. Среди всех проанализированных

заголовков было найдено несколько единиц: *“Wir wissen, wo du wohnst”* (Spiegel, № 34.2016); *“Wer fehlt, soll zahlen”* (Spiegel, № 37.2016); *“Hör mal, wer da spricht.”* (Spiegel, № 51.2016); *“Wenn’s kalt ist, wächst nix mehr”* (Spiegel, № 46.2016); *“Wer schon reich ist, profitiert besonders”* (Spiegel, № 49.2016). Заголовки такого рода дают наиболее полное представление об основном содержании идущего за ним текста.

Возникновение синтаксической выразительности связано также с изменением структуры предложения, т.е. с его редукцией или экспансией. Основу редукции составляют эллиптические построения, которые широко используются в заголовках публикаций журнала Spiegel. В исследуемых единицах возможны самые различные формы эллипсисов (опущение смыслового или вспомогательного глагола, отсутствие подлежащего). Эллиптические предложения делают заголовок более емким, «заметным» и эмоциональным. Как средство языковой экономии, имитирует эллипсис устную речь, которой присуща естественная выразительность. Используя форму эллиптического заголовка, журналисты добиваются того, что в центре внимания оказываются коммуникативно-значимые слова: *“Angela nicht allein zu Haus”* (Spiegel, № 8.20160); *“Für die Opfer kein Wort”* (Spiegel, № 27.2016); *“Auf Eis gelegt”* (Spiegel, № 8.2016); *“Gegrillt und zerquetscht”* (Spiegel, № 1.2016); *“Dumm gelaufen”* (Spiegel, № 44.2016); *“Unter aller Augen”* (Spiegel, № 27.2016); *“Geschenkt”* (Spiegel, № 44.2016); *“An die Hausordnung halten”* (Spiegel, № 37.2016). В следующих эллиптических заголовках наблюдается усечение местоименного подлежащего при повелительной форме сказуемого: *“Muss kesseln”* (Spiegel, № 50.2016); *“Müssen das aushalten”* (Spiegel, № 34.2016).

Эллипсис является отличительной чертой и сложных предложений. Так, в следующих примерах усекается главное предложение в составе придаточного определительного. Такое усечение особо выделяет определяемое существительное в главном предложении и заголовок в целом: *“Aroma, das aus der Kälte kommt”* (Spiegel, № 1.2016); *“Der Skandal, der keener war”* (Spiegel, № 3.2016); *“Die Hölle, die ich kenne”* (Spiegel, № 47.2016); *“Geld, das vom Himmel fällt”* (Spiegel, № 13.2016).

Распространенным средством расширения синтаксической структуры заголовка в публицистических текстах является повтор. Так, в заголовках журналисты используют простой контактный повтор, выразительность которого может усиливаться путем расширения модели за счет предлогов (und, gegen, nach, auf). Многократное называние одного и того же слова сводится к смысловому и эмоциональному выделению всего заголовка, который привлекает внимание читателя, заинтересовывает и даже поражает (например, скандал вокруг Венского театра; футбол – это бизнес; футбол – это политика; спор вокруг выпечки хлеба; афера в автоконцерне; обман концерна Фольксваген; система электронных талонов не работает): *“Das Burgtheatertheater”* (Spiegel, № 48.2016); *“Frisches Geld, mehr, mehr, mehr Geld!”* (Spiegel, № 49.2016); *“Kaufen, kaufen, kaufen”* (Spiegel, № 34.2016); *“Brot gegen Brot”* (Spiegel, № 1.2016); *“Skandal im Skandal”* (Spiegel, № 47.2016); *“Betrug nach dem Betrug”* (Spiegel, № 44.2016); *“Warten aufs Warten”* (Spiegel, № 3.2016). Такие заголовки стимулируют к прочтению всего текста.

По цели высказывания заголовки преимущественно повествовательные (81%). Иногда встречаются вопросительные (11%) и восклицательные предложения (8%). Вопросительные предложения в исследуемом материале служат собственно вопросом – размышлением, подчеркивают нужную мысль, выражают предположение, тем самым выделяя весь заголовок и побуждая к чтению. Иногда в одном заголовке для усиления эмоциональности присутствует сразу несколько вопросов: *“Kann ein Clown Präsident der USA werden?”* (Spiegel, № 1.2016); *“Wo stehst du, Facebook?”* (Spiegel, № 50.2016); *“Was wäre, wenn?”* (Spiegel, № 30.2016); *“Wird Putin weitere Länder besetzen?”* (Spiegel, № 1.2016); *“Wie geht’s? Gut?”* (Spiegel, № 44.2016). Восклицательные предложения в заголовках представлены небольшим количеством примеров. Восклицательные предложения могут выражать в публицистической речи оценку (возмущение, веру, восхищение), побуждение к действию: *“Hallo Zins!”* (Spiegel, № 50.2016); *“Adieu Paris!”* (Spiegel, № 30.2016); *“Was für ein Blödsinn”* (Spiegel, № 12.2016); *“Platz nicht so toll! Aber bezahlbar”* (Spiegel, № 49.2016).

Таким образом, подробно проанализировав синтаксические средства выразительности заголовков публицистических текстов журнала *Spiegel*, мы можем заключить, что наблюдается преобладание номинативных заголовков, которые называют и тем самым акцентируют актуальные конкретные смыслы. С целью придания заголовку броскости широко используется эллипсис. Компрессия выделяет особо значимые слова в заголовке. В качестве заголовков среди различных типов предложений по цели высказывания преимущественно выступают повествовательные предложения. Вопросительные и восклицательные предложения встречаются реже, но обладают высокой прагматической направленностью.

Практическая значимость предпринятого исследования заключается в том, что его результаты, касающиеся синтаксических способов выразительности заголовков, можно рекомендовать для освещения в спецкурсах по дискурсу современной немецкой прессы. Результаты работы могут найти применение в процессе преподавания немецкого языка на продвинутом этапе.

Список литературы

1. Адмони В.Г. Синтаксис современного немецкого языка. Л.: Наука, 1973. 366 с.
2. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. Учебник для вузов. М.: Флинта: Наука, 2002. 384 с.
3. Богатырева Н.А., Ноздрина Л.А. Стилистика современного немецкого языка. М.: Академия, 2005. 331 с.
4. Брандес М.П. Стилистика немецкого языка. М.: Высш. шк., 1983. 271 с.
5. Виноградов В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения// Вопросы грамматического строя. М.: АН СССР, 1955. 482 с.
6. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис. М.: Высш. шк., 1981. 208 с.
7. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2007. 144 с.
8. Москальская О.И. Проблемы системного описания синтаксиса на материале немецкого языка. М.: Высш. шк., 1981. 173 с.

9. Наер Н.М. Стилистика немецкого языка. М.: Высш. шк., 2006. 271 с.
10. Сильман Т.И. Проблемы синтаксической стилистики. Л.: Просвещение, 1967. 152 с.
11. Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика. М.: Академия, 2012. 256 с.
12. Engel U. Deutsche Grammatik. 3., Aufl. Heidelberg: Julius Groos, 1996. 888 S.
13. Riesel E. Theorie und Praxis der linguostilistischen Textinterpretation. M.: Hochschule, 1974. 182 S.
14. Riesel E., Schendels E. Deutsche Stilistik. M.: Hochschule, 1975. 315 S.
15. Schneider W. Stilistische deutsche Grammatik. Basel-Wien: Herder, 1963. 521 S.
16. Sowinski B. Textlinguistik: Eine Einführung. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2010. 160 S.
17. Starke G. Titelgestaltung im sozialistischen Journalismus // Sprachpflege, 1982. SS. 1–4.

References

1. Admoni V.G. *Sintaksis nemeckogo jazyka* [Syntax of the German language]. L.: Nauka, 1973. 366 p.
2. Arnold I.V. *Stilistika. Sovremennij anglijskij jazyk: uchebnik dlya vuzov* [Stylistics. The contemporary English language: student's book for universities]. M.: Flinta: Science, 2002. 384 p.
3. Bogatireva N.A., Nosdrina L.A. *Stilistika sovremennogo nemeckogo jazyka* [Stylistics of modern German language]. M.: Akademija, 2005. 331 p.
4. Brandes M.P. *Stilistika nemeckogo jazyka* [Stylistics of the German language]. M.: Vyssh. shk., 1983. 271 p.
5. Vinogradov V.V. *Osnovnije voprosi sintaksisa predlozenija* [The main issues of sentence syntax]. Voprosy grammaticheskogo stroja. M.: AN SSSR, 1955. 482 p.
6. Gak V.G. *Teoreticheskaja grammatika frantsuskogo jazyka. Sintaksis* [Theoretical grammar of the French language. Syntax]. M.: Vyssh. shk., 1981. 208 p.
7. Galperin I.R. *Tekst kak object lingvisticheskogo issledovanija* [Text as an object of linguistic studies]. M.: KomKniga, 2007. 144 p.
8. Moskalskaya O.I. *Problemy sistemnogo opisanija sintaksisa na materiale nemeckogo jazyka* [Problems of the system description of syntax using a material of the German language]. M.: Vyssh. shk., 1981. 173 p.

9. Naer N.M. Haep H.M. *Stilistika nemeckogo jazyka* [Stylistics of the German language]. M.: Vyssh. shk., 2006. 271 p.
10. Silman T.I. *Problemi sintaksicheskoj stilistiki* [Problems of syntactic stylistics]. L.: Prosvesheniye, 1967. 152 p.
11. Solganik G.Ja. *Sintaksicheskaja stilistika* [Syntactic stylistics]. M.: Akademija, 2012. 256 p.
12. Engel U. *Deutsche Grammatik*. 3., Aufl. Heidelberg: Julius Groos, 1996. 888 S.
13. Riesel E. *Theorie und Praxis der linguostilistischen Textinterpretation*. M.: Hochschule, 1974. 182 S.
14. Riesel E., Schendels E. *Deutsche Stilistik*. M.: Hochschule, 1975. 315 S.
15. Schneider W. *Stilistische deutsche Grammatik*. Basel-Wien: Herder, 1963. 521 S.
16. Sowinski B. *Textlinguistik: Eine Einführung*. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2010. 160 S.
17. Starke G. *Titelgestaltung im sozialistischen Journalismus*. Sprachpflege, 1982. SS. 1–4.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Чайко Наталья Николаевна, доцент кафедры немецкого языка, кандидат филологических наук
Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова
ул. Ватутина, 44-46, г. Владикавказ, 362025, Республика Северная Осетия-Алания, Российская Федерация
n.tchaiko @yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Chaiko Natalja Nikolaevna, Associate Professor, Department of German Language, Ph.D. in Philology
North-Ossetian State University after K.L. Khetagurov
44-46 Vatutina Str., Vladikavkaz, 362025, Republic of North Ossetia, Russian Federation
n.tchaiko @yandex.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(<http://soc-journal.ru/submissions.html>)

В журнале публикуются оригинальные статьи на русском и английском языках, содержащие результаты фундаментальных и теоретико-прикладных исследований в области филологии, истории и философии, а также обзорные статьи ведущих специалистов по тематике журнала.

Требования к оформлению статей

Объем рукописи	7–24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы; для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – 7–10.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0
Рисунки	по тексту
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с. 5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания

ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ ИСТОЧНИКОВ

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

1. Введение.
2. Цель работы.
3. Материалы и методы исследования.
4. Результаты исследования и их обсуждение.
5. Заключение.
6. Информация о конфликте интересов.
7. Информация о спонсорстве.
8. Благодарности.

Список литературы

Библиографический список по ГОСТ Р 7.05-2008

References

Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

AUTHOR GUIDELINES

(<http://soc-journal.ru/submissions.html>)

The journal publishes original articles in Russian and English, containing the results of fundamental and theoretical and applied research in the field of philology, history and philosophy, as well as review articles by leading experts on the subject of the journal.

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	7–24 pages A4 format, including tables, figures, references; for post-graduates pursuing degrees of candidate and doctor of sciences – 7–10.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0
Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p. 5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text

DO NOT USE FOOTNOTES
AS REFERENCES

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)

Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

1. Introduction.

2. Objective.

3. Materials and methods.

4. Results of the research and Discussion.

5. Conclusion.

6. Conflict of interest information.

7. Sponsorship information.

8. Acknowledgments.

References

References text type should be Chicago Manual of Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail address

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

USE OF SPECIFIC TYPES OF CONCEPTUAL ANALYSIS TO STUDY 'OLD' CULTURAL CONCEPTS Dotcenko D.V.	14
LOCALIZATION OF WEBSITE VERBAL CONTENT INTO ENGLISH AS A MARKETING STRATEGY Volkova I.D.	26
ENGLISH LANGUAGE VARIATIONS IN WRITTEN AND ORAL TYPES OF COMMUNICATION Voloshina T.G., Fisunova N.V.	40
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭКСПРЕССИВНЫХ СРЕДСТВ ЯЗЫКА ДЛЯ ПЕРЕДАЧИ АТМОСФЕРЫ ТОТАЛЬНОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ В РОМАНЕ ДЖ. ОРУЭЛЛА «1984» Биккулов Ш.Ф., Биккулова Н.М.	58
ФИГУРЫ КОНТРАСТА В МЕДИАТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ) Высоцкая И.В., Пром Н.А., Йованович Т.Г., Алексеенко Н.В.	78
СТАРОФРАНЦУЗСКАЯ ЛЕКСИКА СО ЗНАЧЕНИЕМ «ЯЗЫК» В СРЕДНЕВЕКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА Гаджиева З.Ц., Кайтукова С.И.	95
КОНЦЕПТ ГЛОБАЛИЗАЦИИ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ Глебова Е.А.	109

МЕТОД ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ИНДЕКСОВ В ИССЛЕДОВАНИИ АФФИКСОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ КАЧЕСТВА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ ТЕКСТЕ Дмитриева Е.И.	122
КЛАССИФИКАЦИЯ АГНОНИМОВ В ПЬЕСЕ У. ШЕКСПИРА «КОРОЛЬ ЛИР» Ершов Д.И.	130
СПЛАХНОНИМИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ: ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ Немчинова Н.В.	149
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЛЕКСЕМЫ В ЭВЕНСКОМ ЯЗЫКЕ Саввинова С.Н., Садовникова И.И.	165
ПОНЯТИЕ И ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ СРАВНЕНИЯ Трегубчак А.В.	174
КОГНИТИВНО-ИДЕОГРАФИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЖАРГОНОВ НАРКОМАНОВ Хасанова Н.Ф.	192
СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ ЗАГОЛОВКОВ ПРЕССЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИКАЦИЙ ЖУРНАЛА SPIEGEL) Чайко Н.Н.	204
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	216

CONTENTS

LANGUAGE STUDIES

USE OF SPECIFIC TYPES OF CONCEPTUAL ANALYSIS TO STUDY 'OLD' CULTURAL CONCEPTS Dotcenko D.V.	14
ЛОКАЛИЗАЦИЯ ВЕРБАЛЬНОГО КОНТЕНТА САЙТА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК КАК СТРАТЕГИЯ МАРКЕТИНГА Волкова И.Д.	26
ВАРИАТИВНОСТЬ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ Волошина Т.Г., Фисунова Н.В.	40
USE OF EXPRESSIVE LANGUAGE MEANS FOR REPRESENTING THE ATMOSPHERE OF TOTAL PSYCHOLOGICAL CONTROL IN 1984 BY G. ORWELL Bikkulov S.F., Bikkulova N.M.	58
FIGURES OF CONTRAST IN THE MEDIA TEXT (AS BASED ON THE MATERIAL OF THE GERMAN AND RUSSIAN LANGUAGES) Vysotskaya I.V., Prom N.A., Yovanovitch T.G., Alekseenko N.V.	78
ARCHAIC FRENCH WORDS MEANING «LANGUAGE» IN THE MEDIEVAL VIEW OF THE WORLD Gadziewa Z.Ts., Kaitukova S.I.	95
CONCEPT OF GLOBALIZATION IN THE ENGLISH-LANGUAGE MASS MEDIA Glebova E.A.	109

TYPOLGICAL INDEXES IN RESEARCH OF QUALITATIVE AFFIXES IN APROFESSIONAL ENGLISH TEXT Dmitrieva E.I.	122
CLASSIFICATION OF AGNONYMS IN W. SHAKESPEARE’S PLAY KING LEAR Ershov D.I.	130
SPAHNONYMIC VOCABULARY IN PHRASEOLOGICAL UNITS: LINGUOPRAGMATIC ASPECT Nemchinova N.V.	149
WORD-FORMATION OPPORTUNITIES OF THE LEXEME IN THE EVEN LANGUAGE Savvinova S.N., Sadovnikova I.I.	165
CONCEPT AND BASIC CHARACTERISTICS OF THE FUNCTIONAL SEMANTIC FIELD OF COMPARISON Tregubchak A.V.	174
COGNITIVE-IDEOGRAPHICAL CLASSIFICATION OF RUSSIAN AND ENGLISH DRUG ADDICTS’ SLANG Khasanova N.F.	192
SYNTACTIC MEANS OF PRINT PRESS HEADLINES EXPRESSIVENESS (BASED ON SPIEGEL PUBLICATIONS) Chaiko N.N.	204
RULES FOR AUTHORS	216

Подписано в печать 29.03.2019. Дата выхода в свет 29.03.2019. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 16,10. Тираж 5000 экз. Свободная цена. Заказ SISP111/019. Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Издательство «Авторская Мастерская». Адрес типографии: ул. Пресненский Вал, д. 27 стр. 24, г. Москва, 123557 Россия.